

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ
ВОЗМОЖНА ЛИ ОНА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ?

Научная серия

«Международная миграция населения:

Россия и современный мир»

Выпуск 29

INTEGRATION OF MIGRANTS:
IS IT POSSIBLE IN THE CONTEMPORARY WORLD?

Scientific Series

'International Migration of Population:

Russia and Contemporary World'

Volume 29

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
Кафедра народонаселения

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ: ВОЗМОЖНА ЛИ ОНА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ?

*Научная серия
«Международная миграция населения:
Россия и современный мир»*

ВЫПУСК 29

Москва
2015

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

FACULTY OF ECONOMICS
CENTER FOR POPULATION STUDIES
Chair of Population

INTEGRATION OF MIGRANTS: IS IT POSSIBLE IN THE CONTEMPORARY WORLD?

Scientific Series
*'International Migration of Population:
Russia and Contemporary World'*

VOLUME 29

Moscow
2015

УДК 314.7
ББК 60.723.5
И73

Научная серия
«Международная миграция населения: Россия и современный мир»

Выпуск 29

Редакционная коллегия:

В.А. Ионцев (главный редактор),
И.В. Ивахнюк (ответственный секретарь), *И.А. Алешковский*,
Г.Е. Ананьева, *Е.С. Красинец*, *А.Г. Магомедова*,
В.И. Петров, *Л.Л. Рыбаковский*, *Ю.А. Узкая*, *Г.В. Кумсков* (Кыргызстан),
И.М. Прибыткова (Украина), *Земфира Рагимова* (Азербайджан),
Марк Тольц (Израиль), *Дэвид Коулмен* (Великобритания)

И73 **Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе?** / Гл. ред. серии В.А. Ионцев. — М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. — 150 с. (Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 29).

ISBN 978-5-906783-17-2

Двадцать девятый выпуск серии представлен сборником статей по широкому набору вопросов, связанных с интеграцией мигрантов, — от методологических подходов к проблеме и политики их интеграции до практик интеграции, реализуемых в разных странах, принимающих мигрантов. Особое внимание уделено интеграции мигрантов в России, где многочисленные потоки мигрантов без должного внимания к их интеграции в стране вылились в нарастающие антимигрантские настроения, что создало крайне неблагоприятный фон для реализации миграционной политики.

Авторы сборника несут ответственность за достоверность публикуемых материалов. Выпуски серии имеют как научный, так и учебный характер и соответственно могут быть использованы в учебном процессе.

С электронной версией настоящего и предыдущих выпусков серии можно ознакомиться на веб-сайте кафедры народонаселения экономического факультета МГУ (www.demostudy.ru) в разделе «Библиотека».

УДК 314.7
ББК 60.723.5

ISBN 978-5-906783-17-2

© Экономический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>В.А. Ионцев, главный редактор серии</i>)	6
Трибуна ученого	8
<i>Ивахнюк И.В.</i> Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России	8
<i>Молодикова И.Н.</i> Чеченские диаспоры в странах Европейского союза: особенности интеграции	29
<i>Юдина Т.Н.</i> Интеграционные контракты как инструменты иммиграционной политики: европейский опыт для России	46
МОЛОДЕЖНАЯ СТРАНИЧКА	60
<i>Гахраманова У.П.</i> Политика интеграции мигрантов в Германии	60
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЕ РАБОТЫ	66
Reinhard Schunck. Transnational Activities and Immigrant Integration in Germany – Concurrent or Competitive Processes? – Springer International Publishing Switzerland, 2014. – 303 p. (<i>И.В. Ивахнюк</i>)	66
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	69
ИНФОРМАЦИЯ О СЕРИИ	70

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы в политический и научный оборот все более активно входит понятие «интеграция мигрантов». Сам термин «интеграция» существует достаточно давно и широко используется в политической, юридической и экономической литературе, но в отношении мигрантов использовался достаточно редко, его распространение, вероятно, связано в первую очередь как с ростом масштабов миграционных потоков (среднегодовая численность всех международных мигрантов превысила 1,1 млрд человек), так и с обострением отношений между населением принимающих стран и въезжающими к ним мигрантами. Последнее, видимо, и привело к краху политики мультикультуранности, проводимой развитыми европейскими странами в отношении мигрантов. Именно об этом первой объявила канцлер Германии А. Меркель, выступая на одном из молодежных форумов в 2010 г.: «Мы думали, что привлечение мигрантов в Германию носит временный характер, а оказалось, что они приехали навсегда. В связи с чем, собственно, и возникли острые проблемы». О какой интеграции мигрантов можно говорить, если изначально рассматривать их как временно пребывающих? А в следующем году премьер-министр Великобритании сказал, что политика мультикультуранности себя не оправдала, и виноваты в этом сами мигранты. В связи с этим и возникла тема очередного выпуска нашей научной серии под названием: «Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе?»

И действительно, о какой интеграции мигрантов можно говорить, когда принимающие страны сознательно изолировали их от коренных жителей, создавая своеобразные мигрантские анклавные территории? Со своей стороны, видя такое отношение к себе, и сами мигранты не очень охотно интегрировались в принимающее общество. Но как пишет известный американский специалист в области международной миграции Д. Массей: «Интеграция – это улица с двусторонним движением», и только в этом случае можно говорить о полной интеграции мигрантов. При этом хотелось бы подчеркнуть, что сам термин «интеграция мигрантов» применяется в отношении совершенно разных групп, что, по нашему мнению, неправильно. Говорить об интеграции мигрантов надо лишь применительно к тем, кто въезжает для постоянного проживания, т.е. к иммигрантам. Во всех других случаях целесообразнее применять такие термины, как адаптация, ассимиляция и др. В настоящем выпуске мы начинаем рассмотрение этих сложных вопросов, которые широко дискутируются в последнее время в мировом научном сообществе. Отдельные ответы

на эти вопросы можно найти в статьях авторов и в рецензии на книгу немецкого исследователя Рейнхарда Шунка «Транснациональная активность и интеграция иммигрантов в Германии – взаимодополняющие или взаимоисключающие процессы?», опубликованных в 29-м выпуске. При этом заметим, что данная проблематика будет обсуждаться в следующем выпуске с добавлением к первоначальной теме вопроса, связанного с ролью интеграции мигрантов в интеграционных процессах на евразийском пространстве.

Обозначенные в данном выпуске вопросы имеют важное теоретическое и практическое значение и требуют дальнейших исследований.

Настоящий выпуск опубликован при финансовой поддержке экономического факультета, который финансирует научную серию «Международная миграция населения: Россия и современный мир».

В.А. Ионцев,
главный редактор серии

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Аннотация. *Статья ставит вопрос об интеграции мигрантов как о самом остром миграционном вызове, с которым сталкивается современный мир. В условиях нарастания масштабов международной миграции поиск оптимальных моделей интеграции мигрантов становится жизненно важной задачей для принимающих государств. В России игнорирование политики интеграции в 1990–2000-х гг. привело к тому, что приток мигрантов превратился в острую внутривнутриполитическую проблему. Особое внимание уделено интеграции трудовых мигрантов из бывших советских республик как наиболее многочисленной и наиболее спорной в контексте политики интеграции категории мигрантов в России. Автор ставит ряд острых методологических вопросов, в частности: как понимать интеграцию мигрантов; каким образом в нее должны быть вовлечены местное общество и мигранты, имеющие разные цели пребывания; как соотносятся экономическое, социальное, культурное, юридическое, политическое направления интеграции для разных категорий мигрантов; от чего зависит желание (или, наоборот, нежелание) временных трудовых мигрантов интегрироваться в принимающий социум; какова позиция стран происхождения в вопросе интеграции их временных мигрантов, находящихся в странах трудоустройства, и заинтересованы ли они в том, чтобы содействовать (или, наоборот, препятствовать) этой интеграции; как соотносятся уровень экономической интеграции временных трудовых мигрантов в стране трудоустройства и их реинтеграция после возвращения на родину; способствуют ли диаспоры интеграции своих земляков, временно находящихся в принимающих странах. Дана оценка последним законодательным инициативам в области интеграции мигрантов в России.*

Ключевые слова: международная миграция, миграционная политика, политика интеграции мигрантов, интеграционный потенциал.

Введение

Среди новых миграционных вызовов, с которыми сталкивается современный мир, пожалуй, самым острым вопросом является интеграция мигрантов. Об этом говорят недавние столкновения между мигрантами и коренными жителями во многих странах, в том числе в России. Это также подтверждают данные социологических опросов жителей боль-

ших городов, в которых фиксируется рост недовольства коренных жителей присутствием мигрантов. Об этом же свидетельствует повышение роли неформальных интеграционных практик мигрантов посредством социальных сетей в условиях отсутствия внятной официальной государственной политики в области интеграции мигрантов. Фактически пренебрежение политикой интеграции мигрантов в России, продолжавшееся в течение почти двух десятилетий, спровоцировало настроения ксенофобии в российском обществе, и теперь эти настроения стали «фоном», который существенно осложняет выстраивание миграционной политики, отвечающей объективным интересам нашей страны.

Следует оговориться, что это не чисто российская проблема. Многие из тех государств, которые в течение десятилетий реализовывали разные модели интеграции мигрантов, сталкиваются в последнее время с нарастанием антииммиграционных настроений, поскольку общество в них так и не сумело адаптироваться к прежним волнам иммигрантов [см., например: *Massey, Sanchez, 2010*]. Это говорит о том, что на фоне объективно возрастающих масштабов международной миграции, стимулируемых потребностями рынков труда, снижается интеграционный потенциал принимающих обществ, а поиск оптимальных моделей интеграции мигрантов становится наиболее сложной составляющей миграционной политики [*IOM, 2010; Council of Europe, 2010*].

Цена игнорирования политики интеграции мигрантов в России

В России в силу объективных причин политика интеграции мигрантов в течение довольно продолжительного времени не воспринималась властями как неотъемлемая часть миграционной политики. Объективные причины заключались в том, что поначалу, в 1990-х гг., многочисленными мигрантами, пересекавшими ее государственную границу, были преимущественно русские люди, которые по тем или иным причинам оказались на момент распада СССР в других союзных республиках, или даже коренные жители этих самых республик, которые по инерции воспринимались как жители единой страны. Перед этими мигрантами не стояла проблема знания русского языка, они имели относительно высокий уровень образования, прошли унифицированную систему профессионального обучения, имели единые представления о квалификационных требованиях — все это, несомненно, облегчило процесс их интеграции в российское общество, даже если речь шла об этнически дистанцированных мигрантах из стран Центральной Азии и Закавказья [*Ивахнюк, 2009*].

Государство фактически не предпринимало никаких усилий, направленных на то, чтобы вхождение этих мигрантов в российский социум проходило гладко. Скорее наоборот, разработанное наспех рос-

сийское миграционное законодательство поставило многих мигрантов, которые приехали еще тогда, в 1990-е гг., в такое положение, что они не смогли получить российское гражданство. В конце 1990-х гг. число таких «мигрантов без статуса» оценивалось в 3 млн человек [Ионцев, Ивахнюк, 2002]. Постепенно многим из них удалось легализовать свое положение в России, но и сейчас число «мигрантов без статуса» оценивается в сотни тысяч, хотя они пребывают в нашей стране уже не один десяток лет.

Однако это лишь одна сторона проблемы. Сейчас вопрос об интеграции касается уже принципиально другой категории мигрантов – людей, которые родились или по крайней мере становление которых произошло в новых суверенных государствах, когда отношение к России было окрашено во многом в негативные тона. Это прежде всего трудовые мигранты, которые приезжают в Россию на заработки. Конечно, им необходим ограниченный набор условий для их адаптации. Но он все же необходим! Эти «новые мигранты» практически не знают русского языка, подчас не имеют никакой профессиональной подготовки, не знают российских законов, правил и норм жизни. Да и едут они в Россию просто потому, что, во-первых, дома нет подходящей работы, которая обеспечивала бы заработок, а во-вторых, потому что уже сложился стереотип поведения – «надо ехать в Россию – там можно заработать». Поддержанию этого стереотипа способствуют сложившиеся за эти годы социальные этнические миграционные сети и сети криминальных этнических посредников-рекрутеров, которые превратили трудовую миграцию из своих стран в прибыльный бизнес. Иначе и быть не могло в условиях бездействия государства в деле создания официальной инфраструктуры трудовой миграции.

Что предложило российское государство в качестве инструментов, облегчающих этим мигрантам адаптацию в России? Есть формально относительно простая и понятная процедура получения разрешения на работу, которая даже в течение первых трех месяцев пребывания предусматривает возможность смены работодателя. Однако за последние 4–5 лет эта процедура стала совершенно недоступна мигрантам напрямую, без посредников. В результате разрешение на работу стоит не меньше 30 тыс. руб. Квоты на привлечение иностранной рабочей силы стали предметом купли-продажи, и это тоже удорожает услуги по оформлению разрешения на работу. В итоге большая часть пребывающих в России трудовых мигрантов работают без каких-либо разрешений, т.е. незаконно, их трудовые и социальные права не соблюдаются, в работе и повседневной жизни они сталкиваются с дискриминацией, отторжением, социальной эксклюзией. Таким образом, трудовая миграция становится острой внутриполитической проблемой для России и внешнеполитической проблемой в деле межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве.

Интеграция мигрантов: постановка методологических вопросов

Перед исследователями и практиками, занимающимися разработкой и осуществлением миграционной политики, встает ряд вопросов, от ответов на которые зависит не только эффективность политики интеграции мигрантов, но в конечном итоге реализация того позитивного потенциала, который несет в себе международная миграция для развития принимающих стран, стран происхождения и самих мигрантов.

Приведем небольшое число таких вопросов, имеющих актуальное звучание для России и других стран постсоветского пространства, которые образуют тесно взаимосвязанную миграционными связями Евразийскую миграционную систему.

Что такое интеграция, в какой мере в нее должны быть вовлечены местное общество и мигранты, имеющие разные цели пребывания?

Как соотносятся экономическое, социальное, культурное, юридическое, политическое направления интеграции для разных категорий мигрантов?

От чего зависит желание (или, наоборот, нежелание) временных трудовых мигрантов интегрироваться в принимающий социум?

Какова позиция стран происхождения в вопросе интеграции их временных мигрантов, находящихся в странах трудоустройства, и заинтересованы ли они в том, чтобы содействовать (или, наоборот, препятствовать) этой интеграции?

Как соотносятся уровень экономической интеграции временных трудовых мигрантов в стране трудоустройства и их реинтеграция после возвращения на родину?

Способствуют ли диаспоры интеграции своих земляков, временно находящихся в принимающих странах?

Россия пытается с помощью потенциала миграции решить одновременно несколько задач: привлечь иммигрантов на постоянное проживание для смягчения демографических проблем, покрыть дефицит национального рынка труда путем привлечения временных трудовых мигрантов и при этом ограничить миграционный приток с целью обеспечения национальной безопасности¹. Попытки увязать эти трудносочетаемые задачи приводят к непоследовательности, нетранспарентности и непросчитанности последствий принимаемых мер миграционного регулирования. Тот факт, что проблеме интеграции мигрантов в Федеральной миграционной службе России в последние годы стали придавать значение, явля-

¹ При этом возникает противоречие в самом понимании «национальной безопасности»: за стремлением не допустить в страну потенциальных и реальных злоумышленников упускается из виду экономический и демографический аспекты национальной безопасности, требующие при нынешних тенденциях демографического развития России более открытой политики в отношении мигрантов, как временных, так и постоянных.

ется не столько результатом формирования более комплексного подхода к миграционной политике, сколько вынужденным ответом на рост числа открытых столкновений между мигрантами и российскими гражданами, а также ответом на настойчивые усилия со стороны экспертного сообщества, правозащитных и международных организаций.

Среди всех категорий мигрантов, являющихся объектом политики интеграции, особое внимание в настоящей статье уделено временным трудовым мигрантам. Во-первых, в отношении именно этой категории мигрантов политика интеграции вызывает наибольшее число вопросов, связанных прежде всего с узко очерченной целью и временностью их пребывания. Во-вторых, именно эта категория является наиболее многочисленной в странах Евразийской миграционной системы. В-третьих, именно среди них наиболее распространена практика нерегистрируемого трудоустройства, что является чрезвычайно острой миграционной проблемой в регионе. В-четвертых, именно временные трудовые мигранты являются основным объектом регулирования миграционных процессов как в России, так и в странах выезда. Наконец, при уже оформившемся стратегически и институционально движении к единому рынку труда именно мобильность рабочей силы становится вопросом особой актуальности для всех стран Евразийской миграционной системы.

Интеграция мигрантов на фоне антииммигрантских настроений

Утверждение о том, что интеграция мигрантов является двусторонним встречным движением, в котором должны участвовать как мигранты, так и принимающее общество, стало уже фактически общепризнанной аксиомой. Вопрос заключается в том, как должно быть организовано это движение. Условия для интеграции мигрантов создает прежде всего принимающее их государство и общество. «Для того чтобы интеграция мигрантов была эффективной, она не должна возлагаться на мигрантов. Если общество не захочет их интегрировать, они могут стараться изо всех сил, но все равно у них нет никаких шансов» [Гаштер, 2013, с. 24]. Только в том случае, если принимающее государство предпринимает реальные шаги, обеспечивающие права мигрантов, противодействующие их дискриминации и маргинализации, теневой занятости и эксплуатации, их социальной исключенности, и в то же время содействует формированию толерантного отношения к приезжим среди коренного населения, публично признает роль мигрантов для экономики страны, разъясняет те или иные мотивы проводимой миграционной политики населению, — только тогда создается атмосфера, в которой мигранты и общество могут эффективно взаимодействовать.

Россия — это пример того, как игнорирование вопросов интеграции мигрантов в течение относительно длительного времени привело к уси-

лению социальной напряженности в обществе, оказавшемся не подготовленным к наплыву мигрантов, даже из исторически близких государств «нового зарубежья». По данным социологических опросов, половина (!) населения России считает, что мигранты заполняют рабочие места и коренные жители остаются без работы; причем среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга жителей с такой точкой зрения еще больше — две трети [ФОМ, 2012а]. Результаты исследований, подтверждающих, что сферы занятости мигрантов и коренного населения почти не пересекаются, а большинство трудовых мигрантов из стран СНГ занимают те рабочие места, к которым российские граждане индифферентны из-за тяжелых условий труда и низкой заработной платы [Мукомель, 2013б; Зайончковская, Тюрюканова, 2010], остаются вне поля зрения населения. Что касается интеграции мигрантов, то каждый пятый россиянин убежден, что интеграция — это дело самих мигрантов [ФОМ, 2012б], а каждый третий считает, что мигранты России вообще не нужны — ни временные, ни постоянные [ФОМ, 2012в]. По оценке В.И. Мукомеля, саму идею осуществления политики интеграции мигрантов сегодня могут поддержать не более 25% россиян [Мукомель, 2013в, с. 10]. И это в России — стране, где, по данным Федеральной миграционной службы, находятся почти 11 млн иностранных граждан¹, которая ежегодно принимает порядка 300 тыс. долгосрочных и постоянных мигрантов и более 2 млн временных трудовых мигрантов!

В результате разработка и осуществление политики интеграции мигрантов в настоящее время происходят на фоне уже укоренившегося негативного отношения к ним² и общей политизированности миграционной темы в России. «В обществе отсутствует консенсус относительно миграционной стратегии России, более того, происходит поляризация взглядов политиков и общественного мнения на то, стоит ли России привлекать мигрантов для решения ее демографических и экономических проблем или приток иммигрантов следует жестко ограничивать» [Мукомель, 2011]. Миграционная тема стала разменной картой в политической борьбе, что имеет своим результатом распространение ксенофобии через СМИ, выступления публичных политиков, молодежную субкультуру и т.д. [Ионцев, Ивахнюк 2013]. А ведь признано, что ксенофобия — это экстремальное, но неизбежное следствие систематической дискриминации мигрантов [Taran, 2013], и там, где есть дискриминация, об интеграции говорить не приходится.

¹ <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/81106/>

² Согласно обследованию Аналитического центра Юрия Левады, в течение 2000-х гг. доля тех российских граждан, которые положительно воспринимают шовинистический лозунг «Россия для русских!», устойчиво превышает 55%, а тех, кто осознают, что «это настоящий фашизм», становится все меньше — 19% в 2011 г. по сравнению с 28% в 2002 г. (<http://www.levada.ru/14-12-2012/>).

Формирование на этом фоне политики интеграции мигрантов, которая, как говорилось выше, подразумевает совместное, двустороннее движение мигрантов и коренных жителей навстречу друг другу для поддержания гражданского мира, является непростой задачей. Однако пример России четко свидетельствует, что самоустранение государства из этой сферы внутренней политики провоцирует обострение ксенофобии и межэтнических столкновений и делает объективно необходимый процесс приспособления общества к новой «мигрантской» реальности крайне затруднительным [подробнее см.: Ионцев, Ивахнюк, 2013].

Информационная основа выстраивания политики интеграции

Серьезным ограничителем в деле разработки эффективной политики интеграции мигрантов являются пробелы в миграционной статистике, что приводит к тому, что предпринимаемые меры миграционной политики зачастую основываются не на объективной информации, а на умозрительных заключениях и сложившихся стереотипах. Очевидно, что к разным категориям мигрантов должны быть применены разные по объему и глубине интеграционные мероприятия. Но сколько этих мигрантов разных категорий находятся в России? Каковы их социально-экономические характеристики? Насколько их можно считать уже интегрированными?

Для того чтобы иметь представление о том, как происходит процесс интеграции мигрантов разных категорий, насколько действенными оказываются меры проводимой государством политики в области интеграции приезжих, необходимо получение и постоянное обновление информации по достаточно большому набору показателей. Эти показатели призваны характеризовать степень участия мигрантов в различных сферах общественной жизни, а также сравнивать коренных жителей и мигрантов по целому ряду принципиально важных показателей: уровень безработицы, положение на рынке труда, доступность получения профессионального образования, наличие или отсутствие дискриминации и эксплуатации и т.д. В частности, для стран Европейского союза, Швейцарии, Норвегии, США и Канады – всего для более чем 30 принимающих мигрантов стран мира – рассчитывается комплексный индекс *MIPEX (Migrant Integration Policy Index)*, который дает возможность относительно объективно оценить национальную политику в области содействия интеграции мигрантов и позволяет провести сравнительный анализ между странами [Huddleston et al., 2011]. Что не менее важно, *MIPEX* обеспечивает прозрачность национальной политики в области интеграции мигрантов и позволяет оценить эффективность предпринимаемых изменений.

Российская государственная статистика, касающаяся иностранных граждан, предоставляет очень мало данных для того, чтобы на ее основе

выстроить систему показателей их интеграции в российское общество¹. Регулярно проводимые Росстатом выборочные опросы по проблемам занятости населения не включают информацию об иностранных работниках. Проводимые отдельными исследовательскими группами социологические обследования по теме интеграции мигрантов² немногочисленны, не всегда репрезентативны, в целом фрагментарны и не позволяют системно оценивать процесс интеграции мигрантов, а также не дают целостного представления о том, какие механизмы интеграции уже действуют в России и как они могут быть использованы/адаптированы/дополнены мерами государственной политики, для того чтобы интеграция действительно была эффективной.

Более или менее устоявшиеся представления экспертов заключаются в том, что интеграция подразумевает взаимодействие между принимающим обществом и мигрантами, что разные контингенты мигрантов нуждаются в разной степени интеграции, что государство должно очертить контуры политики интеграции и создать в соответствии с этими контурами необходимую инфраструктуру, предоставляющую условия для интеграции мигрантов, что в процесс интеграции мигрантов должны быть активно вовлечены институты гражданского общества.

Интеграция временных трудовых мигрантов

Особое место занимает вопрос об интеграции временных трудовых мигрантов. Зачастую считается, что в их отношении применим лишь термин «адаптация», под которым понимается процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни и труда. В нашем представлении, адаптация является одной из форм более широкого понятия интеграции. С адаптации начинается интеграция. На адаптации интеграция может остановиться, а может пойти дальше. Именно поэтому нам представляется нецелесообразным противопоставлять понятия «адаптация» и «интеграция»: «Интеграция отличается от адаптации, под которой по-

¹ Например, во Всероссийской переписи населения 2010 г. было сформулировано несколько вопросов о языке: владении русским языком, иными языками, о родном языке. Однако ответы на эти вопросы не дают возможности составить представление о роли родного языка в повседневной жизни респондента, а также о степени владения как русским, так и другими языками (<http://www.perepis-2010.ru/news/11.jpg>). Так что информация о важнейшем факторе интеграции мигрантов, каким является знание и использование языка страны иммиграции, данными российской переписи не раскрывается, в отличие, например, от переписей США, которые дают информацию о степени владения английским языком с учетом распределения лиц, родившихся за рубежом, по возрасту, полу, расовой принадлежности, гражданству, году прибытия в США, месту рождения, уровню образования (www.census.gov/hhes/socdemo/language/data/acs/ACS-12.pdf).

² Проведенные в последние годы в России социологические обследования мигрантов, касающиеся вопросов их интеграции, упомянуты в работах [Мукомель, 2013а, 2013б; ЮНИСЕФ, 2011].

нимается приспособление мигрантов к принимающему сообществу (часто довольно поверхностное), знание и поведение с учетом традиций и норм, принятых местным населением и не предполагающих встречное постижение принимающим населением культур мигрантов» [Мукомель, 2013а, с. 5]. Это определение сфокусировано на социально-культурном аспекте адаптации и интеграции и фактически не учитывает экономическую составляющую: участие временных мигрантов в рынке труда неизбежно подразумевает недопущение их дискриминации и эксплуатации, содействие повышению их квалификации и технической подготовки, а значит, предполагает не только приспособление мигрантов к принимающему обществу, но и наличие «встречных» шагов принимающей стороны. Так что и в случае временных трудовых мигрантов речь идет об *интеграции* как процессе встречного движения принимающего социума и мигрантов.

На самом высоком международном уровне признано, что «интеграция зависит от множества факторов, включая умение общаться на местном языке, доступ к рынку труда и занятости, знание моральных устоев принимающего общества...» [ООН, 2006, с. 88]. Для трудового мигранта эти факторы «сработают» в том случае, если он сам понимает необходимость адаптации и интеграции в принимающей его, пусть временно, стране. Для трудовых мигрантов, приезжающих в Россию с целью трудоустройства, интеграция в российский социум отнюдь не означает разрыв отношений с родной страной. Скорее наоборот: интеграция дает возможность получения позитивного миграционного опыта, новых профессиональных навыков, бесконфликтного пребывания, получения и отправки на родину денежных средств. Для настроенных на легальную работу и частичную интеграцию мигрантов больше вероятность избежать рисков социальной изоляции, незаконного трудоустройства, попадания в трудовое рабство, конфликтов с местным населением.

Русский язык как условие интеграции

Вопрос об интеграции временных трудовых мигрантов не приобрел бы такой актуальности, если бы не тот факт, что приезжающие с целью трудоустройства в Россию мигранты, особенно из стран Центральной Азии, — это уже не жители городов, изучавшие русский язык в школе, как это было еще в начале 2000-х гг., а преимущественно сельские жители, которые русский язык на родине не изучали [Мукомель, 2011]. В настоящее время каждый пятый из числа граждан стран СНГ, приезжающих работать в Россию, вообще не владеет русским языком, половина из них не в состоянии самостоятельно заполнить самую простую анкету [Зайончковская, Тюрюканова, 2010].

Знание языка страны пребывания является, пожалуй, самым главным условием адаптации мигранта к окружающей среде. Знание русского

языка дает возможность получения информации о правилах трудоустройства в России, увеличивает шансы получения легальной работы, снижает зависимость от земляков в деле трудоустройства и обустройства, расширяет возможности контактов с местным населением, обеспечивает реализацию прав мигранта на профессиональное обучение, получение медицинской помощи и т.д. [Ионцев, Ивахнюк, 2013].

Видимо, эти соображения были положены в основу реализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации 2012 г. в части политики интеграции временных трудовых мигрантов. Федеральный закон от 12.11.2012 № 185-ФЗ реформировал ряд положений Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и ввел с 1 декабря 2012 г. обязательную сдачу экзамена на базовое знание русского языка в качестве условия получения разрешения на работу для трудовых мигрантов, трудоустраивающихся в сфере розничной торговли, жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания. Реформирование российского миграционного законодательства с 1 января 2015 г. распространило практику сдачи экзамена на знание русского языка, истории и основ законодательства России на всех мигрантов, получающих разрешение на временное проживание, вид на жительство, разрешение на работу или патент (кроме высококвалифицированных мигрантов).

От сдачи экзамена на знание русского языка освобождены только те мигранты, которые могут представить документ об образовании, выданный учебными учреждениями России или СССР, или иностранный документ об образовании не ниже общего среднего, который подтверждает обучение русскому языку на родине мигранта. Экзамен на знание русского языка не нужно сдавать трудовым мигрантам из стран, где русский язык имеет статус государственного (Беларусь), и из стран – участниц Евразийского экономического сообщества (Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан). В случае недостаточного знания мигрантами русского языка им предоставляются услуги по его изучению.

Если обязательность сдачи экзамена на знание русского языка является совершенно понятным требованием в отношении мигрантов, претендующих на получение вида на жительство или гражданства Российской Федерации, то применение этой меры к мигрантам, пребывающим временно, для осуществления трудовой деятельности, выглядит спорным. Бесспорно, возможность изучения языка страны временного пребывания для трудящихся-мигрантов является исключительно важным условием их доступа на рынок труда, самореализации и адаптации в окружающем социуме, но именно *возможность* изучения, а не *обязательность* сдачи экзамена в качестве условия получения разрешения на работу, особенно в условиях, когда система обучения русскому языку иностранных граждан, приезжающих работать в Россию, еще не создана [Ионцев, Ивах-

нюк, 2013]. Нужно учитывать, что сдача экзамена обходится трудовому мигранту в 6000–7000 руб. (в сочетании с необходимостью оплатить прочие услуги миграционного центра и медицинскую страховку эта сумма увеличивается до 15 000–22 000 руб.); для только что приехавшего и еще не начавшего работать мигранта это почти всегда означает необходимость заимствования этих денег, а значит, попадание в долговую кабалу к землякам или работодателю и дальнейшее трудовое рабство. Не логичнее ли допустить, что не государство, а работодатель должен определять, насколько уровень владения мигрантом русским языком соответствует характеру выполняемой им работы. Очевидно, скажем, что для членов сезонных сельскохозяйственных или строительных бригад требование знания русского языка вообще может быть снято.

Таким образом, признавая, что знание русского языка временными трудовыми мигрантами является важным условием их успешной интеграции на российском рынке труда и государство должно обеспечить им возможности его изучения, тем не менее введение обязательности экзамена по русскому языку для получения разрешительных документов на право трудоустройства в России в существующем виде может на деле сыграть противоположную роль – привести к росту коррупции в миграционной сфере и расширению сектора нерегистрируемой занятости мигрантов.

Понимание интеграции на государственном уровне – новые законодательные инициативы

Тем не менее российское миграционное законодательство идет дальше: Федеральной миграционной службой предложен проект Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»¹, предусматривающий реализацию государством комплекса «адаптационных и интеграционных мероприятий» для иностранных граждан. Под этим комплексом понимается совокупность услуг, «направленных на обучение русскому языку, основам законодательства Российской Федерации, истории, информирование о культуре и традициях народов России, правилах поведения, принятых в российском обществе, информационно-правовую поддержку, повышение уровня профессиональной подготовки и переподготовки, а также другие услуги, способствующие включению иностранного гражданина в социальное и культурное пространство российского общества». Заниматься предоставлением таких услуг будет некая организационная государственная структура на платной основе. Тревожно то, что мигрантам не предлагаются, а навязываются услуги по их интеграции в российское общество: предполагается введение практики заключения «адаптационных

¹ Текст законопроекта см. на сайте ФМС России: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865/details/81610/>

и интеграционных контрактов» соответственно для временно пребывающих (т.е. временных трудовых мигрантов) и для временно и постоянно проживающих иностранных граждан, и условием их легализации в России будет выполнение условий контрактов.

Заметим, что в других странах мигранты также подписывают с государством пребывания «интеграционный контракт», но это касается исключительно тех, кто приехал жить в стране постоянно, т.е. претендует на получение долговременного вида на жительство или гражданства¹ [ИОМ, 2010].

Другой проект Федерального закона, который вступил в силу с 1 января 2015 г., распространил практику трудоустройства в России иностранных граждан из безвизовых стран на основании патента у российских работодателей — юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В списке документов, которые являются основанием для получения иностранным гражданином патента, значится «документ, подтверждающий владение данным иностранным гражданином русским языком, знание им истории России и основ законодательства Российской Федерации». Понятно, что этот «документ» будет выдаваться теми самыми интеграционными структурами, о которых речь идет в упомянутом выше законе «О социальной и культурной адаптации...».

Получается, что эти три закона еще более ужесточают условия легализации временных трудовых мигрантов в России. Зачем прибывшему для временной работы в России мигранту знание истории России? Почему он должен платить деньги, чтобы сдать такой экзамен? Где он возьмет время для того, чтобы посещать «исторические курсы», если он приехал работать на стройке или собирать урожай в поле? Создание мигрантам условий для адаптации и интеграции не означает принуждения к интеграции. На деле такие законы могут сыграть противоположную роль: спровоцируют уход трудовых мигрантов в сферу незаконной занятости.

При этом в проекте закона не отражено ставшее уже аксиомой понимание того, что интеграция — это двусторонний процесс: остается совершенно непонятным, как предполагается российское общество адаптировать к тому, что оно объективно становится более разнообразным из-за притока мигрантов?

Таким образом, в бурно развивающемся российском миграционном законодательстве имеет место непонимание того, что интеграция мигрантов и сохранение социального и межэтнического согласия в обществе — это тонкая сфера соприкосновения интересов государства, общества и мигрантов. Технократический подход к формированию миграционной политики излишне упрощает понимание интеграции мигрантов, недооценивает значение их социальной защищенности как условия их инте-

¹ Анализ практики применения «интеграционного контракта» в Италии см. в работе [Caneva, 2014].

грации, не позволяет видеть важность создания социальной среды, дружественной по отношению к мигрантам, важность включения в процесс интеграции мигрантов институтов гражданского общества. Во многом причина этого – в стремлении переложить ответственность на интеграцию исключительно на мигрантов. Односторонние «интеграционные контракты», требования знания языка, необходимость прохождения тестов на знание истории страны (которые не пройдут и многие местные жители) – все это попытки упрощенного «измерения» интеграции исключительно тем, сколько мигрантов выполнили определенные «условия» интеграции [Taran, 2013], что могло бы стать (весьма условной) оценкой эффективности работы ведомства в сфере интеграции мигрантов.

Интерес стран происхождения

Обычно интеграция мигрантов является прерогативой и предметом забот принимающих стран. Это и понятно – интеграция происходит на их территории и в их социум. Очевидно, что это справедливо в отношении мигрантов, переезжающих в страну назначения на постоянное место жительства и соответственно покидающих безвозвратно страну своего прежнего проживания. Но есть категория временных, возвратных мигрантов, которые приезжают в страну назначения с целью трудоустройства. Для них также интеграция в принимающей стране является залогом успешного, эффективного пребывания и дальнейшего возвращения на родину. Пусть эта интеграция носит «неполный», частичный характер по сравнению с интеграцией иммигрантов [Ионцев, Ивахнюк, 2013]. Но она необходима и мигрантам, и принимающему обществу, которое заинтересовано в том, чтобы иностранная рабочая сила представляла собой не проблему, а ресурс экономического развития.

В последние годы становится все более отчетливо видно: в том, что касается интеграции временных трудовых мигрантов в принимающих странах, помимо самих мигрантов и принимающего общества, есть еще одна заинтересованная сторона – государства происхождения мигрантов. Наиболее очевидный интерес стран происхождения мигрантов заключается в получении денежных переводов, которые в ряде «малых» стран Евразийской миграционной системы составляют значительную часть ВВП: в Молдове – 2 млрд долл., или 24,6% ВВП, в Кыргызстане – 2,2 млрд долл., или 31,4% ВВП, в Таджикистане – почти 4 млрд долл., или 51,9% ВВП, и это самый высокий показатель в мире (2013 г., данные Всемирного банка). Интеграция трудовых мигрантов на рынке труда принимающей страны, реализация имеющихся профессиональных навыков, получение дополнительной квалификации и профессиональный рост – все это означает возможность получения устойчивых и растущих заработков, а значит, и больших денежных переводов на родину.

Кроме того, трудовая миграция по определению подразумевает возвращение мигрантов в страну выезда, и государства происхождения не могут оставаться безучастными к тому, как происходит реинтеграция вернувшихся мигрантов¹. В то же время успех реинтеграции мигрантов в значительной степени зависит от того, был ли их опыт работы за рубежом успешным, как они были интегрированы в принимающее общество и с каким миграционным опытом вернулись [Cassarino, 2008, p. 100]. Если удачный экономический и социальный опыт жизни за рубежом может стать стимулом для быстрой и эффективной реинтеграции в стране происхождения, то неудачный миграционный опыт может не только вынудить мигрантов вернуться на родину, но и препятствовать реинтеграции [Чобанян, 2013, с. 8]. Экономическая интеграция трудовых мигрантов в принимающей стране означает прежде всего легальное трудоустройство с учетом имеющейся квалификации и обеспечение трудовых прав мигрантов. Если этого нет, происходит деквалификация работников и соответственно трудности в нахождении работы после возвращения на родину. Обследование армянских трудовых мигрантов в 2008 г. в России показало, что у каждого четвертого из них характер выполняемой работы не соответствовал уровню образования, еще у четырех из десяти сфера занятости лишь отчасти соответствовала их предыдущему опыту: 37% были заняты в строительном секторе, в то время как до миграции большинство мигрантов работали в области здравоохранения, образования и торговли [Осадчая, 2010, с. 45].

Таким образом, имеет смысл рассматривать интеграцию мигрантов в принимающей стране не как двусторонний процесс (мигранты и принимающее общество) и даже не как трехсторонний процесс (мигранты, принимающее общество и принимающее государство), а как четырехсторонний процесс (мигранты, принимающее общество, принимающее государство и государство происхождения). Это имеет практический смысл. Страны происхождения могут участвовать в содействии процессам интеграции их работников в принимающих странах, обеспечивая потенциальным мигрантам предотъездную подготовку: профессиональное обучение, обучение языку, знакомство с законодательством страны назначения.

Важно понимать, что миграция не начинается и не заканчивается в момент пересечения границы. Усилия по интеграции мигрантов могут начаться в странах выезда во время подготовки к миграции и продолжаться в странах назначения. А ее результаты проявятся и после их возвращения в страну происхождения.

Кроме того, следует учитывать, что и на политическом уровне все более активная позиция стран происхождения в вопросах управления миграционными процессами направлена главным образом на обеспечение

¹ Под реинтеграцией понимается повторное включение вернувшегося мигранта в общество и экономическую систему страны происхождения [ЮМ, 2011, p. 82].

прав их граждан, находящихся в других государствах: обеспечение условий для их достойного труда в экономике принимающих государств, преодоление дискриминации на рынке труда, их социальную защиту со стороны государства, сокращение рисков незаконного трудоустройства. А ведь обеспечение прав – это и есть важная составляющая интеграции мигрантов [ИОМ, 2013].

Таким образом, ответ на вопрос о том, хотят ли страны происхождения, чтобы их граждане активно интегрировались в странах трудоустройства, неоднозначен. С одной стороны, как было указано выше, есть их объективная заинтересованность в успешной интеграции временных трудовых мигрантов на рынке труда принимающей страны. Но с другой стороны, в странах происхождения есть понимание того, что чем более успешно происходит интеграция их временных трудовых мигрантов в другой стране, тем больше вероятность того, что они скорректируют свои миграционные планы в пользу постоянной эмиграции и соответственно тем меньше шансов, что они вернуться на родину, если работы и достойного заработка для них там по-прежнему нет.

Тем не менее рационально было бы использовать заинтересованность стран происхождения в осуществлении усилий по интеграции своих граждан на рынке труда России, вовлекая их в межгосударственные двусторонние или многосторонние усилия по преодолению существующих рисков трудовой миграции, таких как незаконная занятость, попадание в трудовое рабство, эксплуатация и т.п.

Диаспоры: интеграционный vs антиинтеграционный потенциал¹

В определении акторов, которые могут быть вовлечены в процесс интеграции мигрантов, и заинтересованных институтов исследователи обращаются к исследованию интеграционного потенциала этнических диаспор [Аствацатурова, 2002; Кондратьева, 2010; Дмитриев, Пядухов, 2010; Попков, 2003]. В России, которая веками была частью многонациональной страны, проживали и проживают многочисленные этнические общины представителей титульных народов бывших союзных республик, которые после распада СССР фактически стали зарубежными диаспорами армян, украинцев, азербайджанцев, казахов и т.д. Сейчас, когда в результате миграции этническое полотно России становится все более многоцветным, исключительно важно также понимание того, насколько эти общины могут способствовать интеграции мигрантов и сохранению гражданского мира.

¹ Настоящий раздел основан на совместной работе с В.А. Ионцевым в рамках международного исследовательского проекта «КАРИМ-Восток» (<http://www.carim-east.eu/>) [Ионцев, Ивахнюк, 2013].

Определить численность этнических диаспор представителей других республик бывшего СССР, проживающих в России, довольно сложно. В данных Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2010 г. информация об этнической принадлежности основывается на самоидентификации отвечающих. Перепись выявила, что в России проживает 1 927 988 украинцев, 1182 388 армян, 647 732 казаха, 603 070 азербайджанцев, 289 862 узбека и т.д.¹. При этом следует учитывать, что, по самооценкам диаспор, проживающих в России, их численность подчас в разы превышает данные переписи по этнической принадлежности. Так, Союз армян России определяет численность армянской диаспоры в России в 2,7 млн человек², Союз грузин России дает оценку в 300 тыс. человек³, Ассоциация «Казахи России» оценивает численность казахов, проживающих в России, в 800 тыс. человек⁴. Есть оценки крупнейшей по численности украинской диаспоры в России в 4,5–5 млн человек⁵.

Важно понимать, что этнические диаспоры в России – это неоднозначное и сложное по структуре явление [Ивахнюк, 2008]. В самом общем виде каждая из диаспор представителей титульных народов бывших советских республик подразделяется на три группы.

Первая группа – это «старая диаспора», т.е. переехавшие в Россию, чаще всего из других республик прежде единой страны, еще в советские времена, а также их потомки, родившиеся в Российской Федерации, которые не просто являются российскими гражданами, но полностью интегрированы в российское общество. Это чаще всего представители интеллигенции и служащие.

Вторая группа – это «новая диаспора», т.е. те, кто переехали в Россию после развала СССР, в течение последних 15–20 лет, получили или собираются получить российское гражданство, приобрели недвижимость. Большинство из них не думают возвращаться на родину и ориентированы на интеграцию, но есть и такие, кто воспринимают Россию как временное пристанище и, даже имея российский паспорт, вернутся на родину, если экономическая и политическая жизнь там будет налаживаться.

Третью, самую многочисленную группу составляют трудовые мигранты, которые могут пребывать в России годами, но при этом не стремятся интегрироваться и связывают свою дальнейшую жизнь с возвра-

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Следует учитывать, что по тем или иным причинам человек может уклониться от ответа на вопрос о национальной принадлежности. Так, в 5,6 млн переписных листов информация о национальности отсутствует.

² <http://www.sarinfo.org/armw/?c=diasporas>

³ <http://www.georgians.ru/default.asp>

⁴ <http://russia.kazakh.ru/article/?a=8#1>

⁵ <http://www.pravoslavie.ru/analit/rusideo/rusvoprosukr.htm>; <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/016/01.shtml>

шением на родину. Это особая часть этнического транснационального сообщества; сторонники узкого определения диаспоры вряд ли считают их частью диаспоры. Они живут обособленно, как правило, не принимают участия в деятельности общественных организаций «своей» диаспоры, но среди них есть предпринимательское ядро, осуществляющее посредническую функцию между прибывающими на заработки мигрантами и работодателями, которые часто представляют собой часть «новой диаспоры».

Такая структура прямо или косвенно подтверждена эмпирическими данными по азербайджанцам в России, армянам, молдаванам, таджикам. Диаспоры – не только социально-культурные образования. В последние годы в России они приобретают очевидный экономический смысл: на основе диаспор наблюдается формирование так называемого «третьего сектора» – этнического бизнеса. Пока он не получил освещения в российских исследованиях, прежде всего из-за отсутствия надежных статистических данных [среди немногочисленных исследований – Бредникова, Паченков 2002; Дмитриев, Пядухов, 2010], но был детально проанализирован, например, в США на примере кубинской диаспоры [см., например: *Portes, Bach*, 1985; *Duany*, 2011; *Eckstein*, 2009]. Этнический бизнес стимулирует приток мигрантов из своей страны, способствует встраиванию мигрантского труда в структуру экономики и тем самым становится частью общего механизма формирования устойчивого миграционного взаимодействия между странами.

Однако в деле интеграции мигрантов в принимающий социум этнический бизнес играет двойственную роль. Поскольку он представлен в основном предприятиями/фирмами, которые принадлежат представителю диаспоры и где заняты исключительно его земляки, здесь нет проблемы знания русского языка, а такие характеристики человеческого капитала, как образование и квалификация имеют значение только здесь, но никак не вне этнического бизнеса. Этнический бизнес нуждается в постоянном притоке мигрантов из своей страны, так как те готовы на самые низкие зарплаты в расчете на последующую вертикальную мобильность, и это обеспечивает компаниям конкурентные преимущества. Так что этнический бизнес зачастую становится механизмом, обеспечивающим приток нелегальной рабочей силы в Россию.

В то же время приобщение к своей диаспоре в России может означать для мигрантов дополнительные возможности адаптироваться в стране, получить информацию о возможностях трудоустройства, об оформлении необходимых документов, получении медицинской помощи и т.д. Таким образом, диаспора может выступать посредником в деле адаптации и интеграции даже для временных трудовых мигрантов. Важно, чтобы она содействовала адаптации мигрантов, а не подменяла собой государственное регулирование миграционных процессов. Эксперты отмечают, что «между эффективностью государственного регулирования миграционных

процессов и участием диаспор в таком регулировании подчас имеет место обратная пропорциональная связь» [Гаибназаров, 2012, с. 341]. Иными словами, в условиях, когда правила, устанавливаемые государственной миграционной политикой, являются непрозрачными, излишне усложненными или искусственно заточенными под коррупционные схемы, диаспора берет на себя регулирующую роль в информационном обеспечении вновь прибывающих мигрантов, создании коммерческих организаций по трудоустройству, постоянно действующего банка данных о вакансиях и условиях найма трудовых мигрантов, в решении вопросов их быта, условий труда, жилищных условий, охраны здоровья и т.д.

В зависимости от того, насколько практика диаспор в сфере предоставления миграционных услуг способствует формированию у мигрантов стремления к адаптации и интеграции в российский социум и соответственно формирует их взаимоотношения с местным населением, можно говорить об интеграционном или антиинтеграционном потенциале действий диаспоры [Пядухов, 2012]. Этот потенциал исследован на примере одного из регионов России – Пензенской области – на основе действующей в рамках диаспор инфраструктуры по оказанию услуг трудовым мигрантам. В процессе взаимодействия с мигрантами земляки-посредники, как правило, снабжают их достоверной информацией об особенностях пребывания в стране или ее конкретном регионе, возможных рисках, угрозах и способах их минимизации. Тем самым они опосредованно выполняют для иностранных работников роль своеобразных социальных интеграторов, содействующих успешной адаптации в иной культурной среде, что становится особенно важным для прибывающих мигрантов в условиях, когда официальная миграционная инфраструктура не имеет должного развития.

При этом ряд действий, предпринимаемых диаспоральными посредниками, содействуют формированию *интеграционных установок* у мигрантов. Это разъяснение иностранным работникам требований российского миграционного законодательства, содействие в оформлении разрешительных документов и легализации правового статуса, помощь в освоении русского языка, использование ресурсов социальных сетей диаспор для решения вопросов пребывания и трудоустройства мигрантов, взаимодействие с лидерами групп мигрантов, обеспечивающих контроль их пребывания и деятельности, неформальное покровительство и защита мигрантов. Одновременно диаспорой могут предприниматься действия, напрямую способствующие формированию *антиинтеграционных установок* у мигрантов в их взаимодействии с принимающим обществом. Это теневые практики оказания услуг, недооценка значимости для мигрантов освоения русского языка, стремление организовать их жизнь в замкнутых микрогруппах, отчужденных от принимающего общества, завышенные тарифы на оплату услуг, трудоустройство к работодателям, практикующим принудительный труд, обман и нелегаль-

ный статус мигрантов, методы психологического давления на них [Пядухов, 2012].

Вовлечение в организацию миграционных потоков на постсоветском пространстве этнических диаспор и неформальных социальных сетей существенно изменило состав мигрантов. Возможность работы в России среди земляков или у земляков снимает, например, такой барьер зарубежного трудоустройства, как плохое знание русского языка. Соответственно, в миграцию втягиваются те, кто через официальные каналы трудоустройства едва ли смогли бы получить работу в России (например, молодежь из сельских районов стран происхождения). При этом обращение мигранта к неформальному посредничеству диаспор приводит его, как правило, к незаконной занятости, а иногда и к рабскому труду, а значит, не оставляет шансов на реальную интеграцию на рынке труда и делает его незащищенным в правовом и социальном планах.

Литература

1. *Астацатурова М.А.* (2002) Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов-на-Дону – Пятигорск: СКАГС.
2. *Бредникова О., Паченков О.* (2002) «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Институт философии РАН.
3. *Гаибназаров Ш.У.* (2012) Роль диаспор в регулировании миграционных процессов // Миграционные мосты в Евразии. Сб. докладов и материалов участников II международной научно-практической конференции «Регулируемая миграция – реальный путь сотрудничества между Россией и Вьетнамом» и IV международной научно-практической конференции «Миграционный мост между Россией и странами Центральной Азии: актуальные вопросы социально-экономического развития и безопасности» (Москва, 6–7 ноября 2012 г.) / Под ред. С.В. Рязанцева. – М.: Экон-информ.
4. *Гацтер А.* (2013) Неписанные законы // Миграция XXI век. – 2013. – № 5(20).
5. *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* (2010) Региональный социум: диаспоры и посредники в трудовой миграции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 3(15). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyu-sotsium-diaspory-i-posredniki-v-trudovoy-migratsii>
6. *Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В.* (ред.) (2010) Миграция и демографический кризис в России. – М.: МАКС Пресс.
7. *Ивахнюк И.В.* (2008) Евразийская миграционная система. Теория и политика. – М.: МАКС Пресс.
8. *Ивахнюк И.В.* (2009) Российская миграционная политика в контексте человеческого развития: история и современность (на русском и английском языках).

- ском языке). Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / Гл. редактор серии В.А. Ионцев. Вып. 22. — М.: МАКС Пресс.
9. *Ионцев В.А., Ивахнюк И.В.* (2002) Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2002) // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / Гл. редактор серии В.А. Ионцев. Вып. 10. — М.: МАКС Пресс.
 10. *Ионцев В., Ивахнюк И.* (2013) Модели интеграции мигрантов в современной России, CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. URL: http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-12_RU.pdf
 11. *Кондратьева Т.* (2010) Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. Фонд исторической перспективы, 27.02.2010. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886>
 12. *Мукомель В.И.* (2011) Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. — № 1. — С. 34–50. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0467/analit01.php>
 13. *Мукомель В.И.* (2013а) Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013. URL: <http://www.slideshare.net/RussianCouncil/ss-16968643>
 14. *Мукомель В.И.* (2013б) Адаптация, интеграция и реинтеграция мигрантов в России // Миграция в России: первое десятилетие XXI века. Хрестоматия в 3 т. / Под ред. И.С. Иванова. — М.: Рос. совет по межд. делам, «Спецкнига», 2013. Т. I. Ч. 2. — С. 692–702.
 15. *Мукомель В.И.* (2013в) Интеграция мигрантов: Российская Федерация, CARIM-East RR 2013/01, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. URL: http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-01_RU.pdf
 16. ООН (2006). Международная миграция и развитие. Доклад Генерального секретаря 18 мая 2006. URL: http://www.un.org/esa/population/migration/hld/Text/Report_of_theSG_June06_Russian.pdf
 17. *Осадчая Г.И.* (2010) Мигранты из Армении и Грузии в Москве. — М.: РГСУ.
 18. *Попков В.Д.* (2003) Феномен этнических диаспор. — М.: Институт социологии РАН.
 19. *Пядухов Г.А.* (2012) Диаспоры и социальные практики субъектов услуг в сфере трудовой миграции: региональный аспект. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit05.php>
 20. ФОМ (2012а). Мигранты и рынок труда. Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10484>
 21. ФОМ (2012б). Условия и цена интеграции мигрантов. Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10465>
 22. ФОМ (2012в). Миграционная политика. Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10490>
 23. *Чобанян А.* (2013) Возвратная миграция и вопросы реинтеграции: Армения, CARIM-East RR2013/04, Robert Schuman Centre for Advanced Stud-

- ies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. URL: <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-04.pdf>
24. ЮНИСЕФ (2011). Положение детей-мигрантов в Санкт-Петербурге. – М.: Детский фонд ООН.
 25. *Caneva E.* (2014) The Integration of Migrants in Italy: an Overview of Policy Instruments and Actors. INTERACT RR 2014/05, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32019/INTERACT-RR-2014_05.pdf?sequence=1
 26. *Cassarino J.P.* (2008) Conditions of Modern Return Migrants – Editorial Introduction // International Journal on Multicultural Societies (IJMS). – Vol. 10. – №2, 2008. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001812/181209E.pdf#page=3>
 27. Council of Europe (2010). Migrants and their Descendants. Guide to Policies for the well-being of all in pluralist Societies. Council of Europe Publishing, Strasbourg.
 28. *Duany J.* (2011) Blurred Borders: Transnational Migration between the Hispanic Caribbean and the United States. – Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
 29. *Eckstein S.* (2009) The Immigrant Divide: How Cuban Americans Changed the U.S. and Their Homeland. – New York: Routledge.
 30. *Huddleston T., Niessen J., Eadaoin Ni Chaoimh, White E.* (2011) Migrant Integration Policy Index III. The British Council and Migration Policy Group – Brussels. URL: file:///C:/Users/home/Downloads/MIPEXIII_2011.pdf
 31. *IOM* (2010). Compendium of Migrant Integration Policies and Practices. International Organization for Migration.
 32. *IOM* (2013). Improving Access to Labour Market Information for Migrants and Employers. Ed. by Maria Vincenza Desiderio and Anke Schuster. International Organization for Migration.
 33. *IOM* (2011). International Migration Law. Glossary on Migration. International Organization for Migration.
 34. *Massey D.S., Sanchez R.M.* (2010) Identity, Integration, and Future // Brokered Boundaries. Creating Immigrant Identity in Anti-Immigrant Times. – New York: Russell Sage Foundation.
 35. *Portes A., Bach R.L.* (1985) Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants in the United States. University of California Press, Berkeley and Los Angeles.
 36. *Taran P.* (2013) Migration, Discrimination: a Global Context Assessment / Key Issues, Situations and Responses. A paper presented at the ENAR Equality & Work Fifth Conference, Brussels, 5–6 December 2013. URL: <http://www.globalmigrationpolicy.org/articles/integration/Equal@Work%20Migration%20Discrimination%20Context%20Taran%20paper%206-12-13.pdf>

ЧЕЧЕНСКИЕ ДИАСПОРЫ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. После развала СССР в 1991 г. Чечня объявила независимость, но только в 1994 г. российские войска были введены в Чечню для восстановления конституционного порядка. Военные действия продолжались в течение двух чеченских войн с 1994 по 1997 г. и с 1999 по 2001 г. Это вызвало большие потоки вынужденных мигрантов и беженцев как в другие регионы России, так и за ее пределы. Постепенно чеченские беженцы начали поселяться в странах ЕС, где начали формироваться и быстро расти чеченские диаспоры.

Исследований по чеченской диаспоре мало, и делаются они в основном по конкретной стране, без сравнительного анализа. За последние годы по странам ЕС накопился новый материал. Автор, базируясь на статистической информации министерств внутренних дел стран ЕС, Евростата, УВКБ ООН, обследований чеченских беженцев в Австрии, Польше и Чехии и собственных интервью, оценивает размер и размещение чеченских диаспор в странах ЕС, их интеграционные стратегии на рынке труда, жилья, образования, выстраивание чеченской идентичности в условиях адаптации к новой принимающей среде.

Ключевые слова: чеченская диаспора, беженцы, ищущие убежище, интеграция, идентичность.

Введение

Прошло уже 20 лет с момента начала первой чеченской войны, когда российские войска были введены в Чечню, провозгласившую независимость. Военные действия продолжались с перерывами долгие годы. Это вызвало изменение этнического состава населения республики и потоки вынужденных мигрантов как в другие регионы России, так и беженцев за ее пределы.

Если в середине 1990-х гг. (во время первой чеченской войны) многие семьи уехали в соседние страны СНГ временно, то с конца 1990-х — начала 2000-х гг. вторая волна чеченских мигрантов двинулась безвозвратно в сторону стран ЕС, особенно после того, как лагеря беженцев в Ингушетии начали закрывать [*Moszczyńska, Trojanek, 2011*]. С этого времени в странах ЕС начали формироваться чеченские диаспоры.

Россия занимает первое место (среди стран Европы) по количеству ищущих убежище в ЕС российских граждан, 95% которых составляют

чеченцы. Это отчасти является одной из причин, сдерживающих либерализацию визового режима для нее. Так, в среднем в странах ЕС с середины 2000-х гг. из России просили убежище около 20 тыс. человек в год, в 2010 г. – 18 500, в 2012 г. – 23 360 человек, а в 2013 г. число ищущих убежище увеличилось в 2 раза до 41 270 человек (табл. 1). Многих чеченцев, ищущих убежище в западных странах ЕС, согласно Дублинской конвенции, отправляют в первую страну въезда – в основном в Польшу, из которой 50% возвращают назад в Чечню. Тем не менее чеченские диаспоры в ЕС растут [Inosmi, 2011]. Исследований по чеченской диаспоре немного, и делаются они по конкретной стране ЕС, без сравнительного анализа. Единственным сборником по странам ЕС можно считать «*Chechens in the European Union*» [Schahbasi, 2008]. Однако за последние годы произошло много изменений. Статья, базируясь на статистической информации министерств внутренних дел стран ЕС, УВКБ ООН, обследований чеченских беженцев в Австрии, Польше и Чехии, собственных интервью, информации СМИ, оценивает размер и размещение чеченских диаспор в странах ЕС, их интеграционные стратегии на рынке труда, жилья, образования, построение семейных отношений и выстраивание чеченской идентичности в условиях адаптации к новой принимающей среде.

Чеченцы в ЕС – способы попадания и размер диаспор

Большинство жителей Чечни пробираются нелегально или используя транзитные билеты в безвизовые страны (как, например, путь в Марокко через Францию в течении нескольких лет поддерживал поток чеченцев, на самом деле ищущих убежище во Франции), так как посольства стран ЕС не торопятся выдавать им визы. Туристические компании боятся испортить репутацию за счет остающихся чеченцев.

По рассказам чеченцев, чьи знакомые и родственники переселились в качестве беженцев на Запад, они в большинстве случаев переходили границу Польши и Словакии нелегально в Украине и Белоруссии. Там их уже ждали польские таксисты или свои люди (в том числе чеченцы) и везли дальше на Запад. Всем, кого останавливает полиция по дороге в Западную Европу в странах Центральной Европы (далее – СЦЕ), приходится просить убежище там, чтобы не быть депортированными как нарушители границ. Чеченцы считают СЦЕ для себя транзитными стремясь в страны Западной Европы (далее – СЗЕ).

Чехия, Венгрия и Словакия не находятся среди приоритетов чеченцев из-за низкого уровня признаний. Так, в Чехии в начале 2000-х гг. из 11 тыс. прибывших чеченцев большинство покинуло Чехию, устремившись в СЗЕ, так как только 297 чеченцев получили статус с 2000 по 2007 г. [Szczepanikova, 2008].

Сколько же сейчас Чеченцев в ЕС?

К сожалению, сложно оценить, сколько чеченцев проживают в Европе. И УВКБ ООН, и Евростат публикуют данные по самым крупным потокам по каждой стране. Поэтому не всех аппликантов из Российской Федерации можно «ухватить» статистически, и не все аппликанты — чеченцы. По данным Датского иммиграционного агентства¹, за 2007–2012 г. из Российской Федерации получили статус 614 человек, и 386 из них были чеченцы. В Польше, Чехии и Австрии этот показатель выше (от 80 до 95%, по данным интервьюеров), однако точные данные назвать трудно. Многих аппликантов СЗЕ пересылают в СЦЕ (в страну первого перехода границы), и начинается повторный счет. Часто, обзаведясь статусом в СЦЕ, чеченцы переселяются в СЗЕ. В некоторых СЗЕ (например, Дании) есть система воссоединения семьи (каждый год из России к получившим статус переселяются семьи), но информацию получить практически невозможно. Годами делятся рассмотрения дел и апелляции, а в статистике об ищущих убежище данные о таких людях перемещаются из одной категории в другую, что затрудняет оценку. Мною были использованы данные по основным странам приема беженцев из России за 1996–2013 г., хотя и они имеют много пробелов.

По данным Евростата, основные страны формирования чеченских диаспор — это «старые» члены ЕС (Франция, Бельгия, Австрия, Дания, Германия), где уровень признаний составляет около 40–50% (по сравнению со средними по ЕС 25–30%). В Центральной Европе невольный лидер по чеченским мигрантам — Польша, так как границы Украины, Белоруссии и России с Польшей наиболее проходимы из-за наличия коррупционных «окон» [Molodikova, 2009]. Но число признаний в Польше ниже. Так, из 12 760 аппликантов в 2013 г. в первой инстанции не получил статус беженца ни один.

Оценка общей численности чеченской диаспоры в ЕС называлась для 2008 г. в 70 тыс. человек [Vatchagaev, 2008], а для 2013 г. уже 130 тыс. человек [Khazan, 2013]. Однако непонятно, как их считают. Если основываться на статистике, имеющейся по странам ЕС (где ищущие убежище из России были одним из пяти основных потоков (см. табл. 1), то число подавших на получение статуса беженцев из России с 1996 по 2005 г. составляет около 120 000 человек. За период с 2009 по 2013 г., по данным Евростата, суммарное число аппликантов для всех стран ЕС составляло 138 925 человек. Если включить аппликантов за 1996–2006 г., их число превысит 250 тыс. человек. Если взять долю чеченцев как 75% от всех подавших (в среднем она колебалась от 50 до 95%), то количество чеченцев будет между 120 и 200 тыс. человек. Думается, что реальная цифра ближе к 150 тыс.

¹ The Danish Immigration Office. URL: www.us.dk

**Количество аппликантов из России на получение статуса беженца в ЕС,
1996–2006 гг. и 2009–2013 гг.**

	1996– 2000	2001– 2006	2009	2010	2011	2012	2013	2009– 2013
ЕС	Н.и.	Н.и.	20 075	18 500	13 495*	24 290	41 485	97 440
Австрия	609	19 823	3565	2330	1180	3110	2850	13 035
Бельгия	2141	5367	2875	2725	1350	2655	2150	11 755
Чехия	1016	7900	Н.и.	50	15	40	50	205
Германия	8963	16 440	1170	Н.и.	Н.и.	Н.и.	15 475	17 425
Дания	527	872	Н.и.	400	150	Н.и.	965	1500
Финляндия	Н.и.	Н.и.	Н.и.	395	150	225	Н.и.	770
Франция	1900	13 282	3785	4610	2070	5930	5145	21 540
Литва	123	701	Н.и.	110	55	95	75	335
Латвия	Н.и.	Н.и.	Н.и.	5	5	10	5	25
Норвегия	1009	6442	Н.и.	Н.и.	Н.и.	Н.и.	Н.и.	Н.и.
Польша	1421	23 545	5725	4695	3820		12 845	27 085
Словакия	37	6805	Н.и.	695	25	Н.и.	Н.и.	720
Всего по основным странам приема	177 26	101 177	17 120	16 015	22 315	12 065	39 560	94 395

Источник: составлено по данным UNHCR.org, Eurostat.eu, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013.

* Данные приводятся за первые три квартала 2011 г. по Eurostat.eu.

Примечания:

Данные приводятся по статистике UNHCR.org и Eurostat.eu по странам, где ищущие убежище из России были среди пяти основных групп аппликантов.

Н.и. означает, что за данный год по этой стране российские беженцы не составляли одной из пяти основных групп ищущих убежище и данных по ним не было.

В Германии, по данным председателя Германо-кавказского общества Эккехарда Мааса (*Ekkehard Maaß*), проживало около 15 тыс. выходцев из Чечни, но далеко не всем из них удалось получить статус беженцев, а многим грозит депортация на родину [Право убежища, 2013]. В Польше проживало около 20 тыс. чеченцев в 2011 г. [*Moszczyńska, Trojanek*, 2011], в Австрии около 26 тыс. в 2013 г. [*Checheninfo*, 2013], во Франции 10–12 тыс. и в Бельгии 8–10 тыс. в 2008 г. [*Vatchagaev*, 2008]. Из Франции и Бельгии часто чеченцев после подачи документов на получение статуса беженца депортируют в Польшу или другую страну первого въезда по Дублинской конвенции. Если учесть, что, по данным Евростата, во Франции подают на убежище из Российской Федерации ежегодно около 5 тыс. человек в год, а в Бельгии – около 2,5 тыс., а получают какой-либо статус около 30–50%, то за пять лет с 2008 г. диаспоры в этих странах могли возрасти до 15–18 тыс. во Франции и 13–15 тыс. в Бельгии. В странах Скандинавии, Великобритании, Швейцарии, Италии, по еже-

годным данным УВКБ ООН и Евростата, число российских аппликантов невелико (от 100 до 300 человек), и диаспоры не превышают 1–2 тыс. человек [Vatchagaev, 2008].

Ищущие убежище из Чечни чутко реагируют на ситуацию предоставления убежища и знают, где легче получить статус и куда легче добраться. Конечно, эмиграция в ЕС стоит денег. Цена зависит от маршрута и количества вовлеченных контрабандистов. За переезд в Австрию чеченцы платили около 10 тыс. долл. США за человека [Heinrich, Lobova, 2012]. Однако автору сами чеченцы, родственники которых переехали в Бельгию, Францию и Австрию, называли сумму от 2 до 2,5 тыс. долл. США за человека.

Согласно данным обследований чеченцев в Польше, Чехии и Австрии, просящие убежище в основном относительно молодые городские семьи (в Австрии около 80% — городские жители в возрасте около 35 лет). Средний возраст в Польше и Чехии был для мужчин 30–35 и женщин 28–32 года. Наиболее типичным составом семьи среди признанных беженцев в Чехии была моносемья из пяти членов: родителей и трех детей. Пожилых людей практически нет — они не хотят уезжать из Чечни [Heinrich, Lobova, 2012; Szczepanikova, 2008; UNHCR, 2010].

Интеграция чеченцев в странах ЕС: особенности приживаемости

Понятие интеграции подразумевает, с одной стороны, сохранение иностранцем важных элементов своей собственной культуры, а с другой — инкорпорирование им определенных элементов культуры страны проживания. Все это возможно при активном контакте с населением принимающего сообщества, изживанием ситуации противопоставления «мы — они». Самое главное в интеграции мигранта — его возможность поддержания самостоятельного жизнеобеспечения (наличие работы, жилья, получение образования, доступ к здравоохранению и другим социальным службам, воспроизведение ценностей своей культуры).

Во время переселения семьи чеченцев в определенной степени дезориентированы, испытывают неуверенность из-за потери принадлежности к социальной группе, к которой они принадлежали у себя на родине. Они превращаются из людей, принимающих решения в своей жизни, в людей, зависимых от помощи принимающего государства. Чеченцы — люди гордые и даже в тяжелой ситуации не захотят потерять лицо. Те, кто оказался в Евросоюзе, не будут рассказывать своим близким в Чечне, как им приходится выживать. Но иногда они не выдерживают и требуют к себе внимания, например, заняв поезд в Польше, чтобы ехать в Страсбург и обратить внимание на свое бедственное положение [Русский журнал, 2011].

Универсальной картины интеграции чеченцев по странам нет. В каждой стране существуют свои законодательные рамки и возможности. Тем

не менее эксперты и сами чеченцы отмечают, что возможности интеграции в СЦЕ намного хуже, чем в СЗЕ. В СЦЕ условия пребывания и поддержки беженцев до последнего времени были очень скромные, так как они недавно столкнулись с опытом принятия беженцев, и их экономика испытывает трудности переходного периода. Лагеря, в которых проживают ищущие убежище, часто располагаются в малых городах или сельской местности, страдающих от безработицы. Местное население там относится к мигрантам недоброжелательно. В Центральной по сравнению с Западной Европой доля мусульман мала, поэтому много сложностей испытывают чеченцы с поддержанием религиозных традиций.

Во время прохождения процесса признаний и апелляций люди пребывали в неведении месяца и иногда годы. Это сказывается на их моральном состоянии. Так, в лагере для беженцев в Венгрии я в 2006 г. встретила чеченскую женщину, которая блуждала по лагерям разных стран более шести лет со своим сыном, пытаясь получить статус беженца. Их все время возвращали снова в Венгрию. В конце концов сыну разрешили остаться, а она вернулась на Кавказ, но живет не в Чечне.

По мнению социальных работников, чеченцы, ищущие убежище в 2000 х гг., существенно отличаются от тех, которые в конце 1990-х гг. бежали от войны: сейчас многие едут за лучшей жизнью, и у них соответственно завышены ожидания [UNHCR, 2010; Heinrich, Lobova, 2012]. В 2013 г. массовый выезд в ЕС чеченцев был, по мнению одного из работников чеченского офиса Мемориала, спровоцирован слухами: «Это какая-то провокация была. Пустили слух, что Германия открыла квоты в 40 000 на беженцев из Чечни, а тех, кому не дают статус, дают несколько тысяч евро, чтобы вернулись. Вот они и поехали...» [Интервью автора, Чечня, 2013].

Что же, по мнению экспертов и социальных работников, отличает интеграцию чеченцев от других беженцев? Есть ряд факторов, которые затрудняют ее во всех странах ЕС.

1. Родственные связи и интеграция. Исследования в Польше показали [UNHCR, 2010, 2013], что беженцы из африканских стран и Ближнего Востока на первых порах лучше ориентируются в польской действительности, чем чеченцы. Возможно, это связано с тем, что первые, как правило, не привозят детей и семьи в ЕС. Это может быть связано и с более патерналистским пониманием роли государства приема из-за опыта воспитания в СССР: «Все эти люди из бывшего Советского Союза ожидают, что государство приема даст им квартиру, беженцы из Африки и Азии... надеются только на себя» [UNHCR, 2013, p. 45].

По мнению социальных работников из Австрии, Польши и Чехии, клановая культура, в которой жили чеченцы на родине, усугубляет низкий уровень адаптации, так как они не привыкли отвечать за свою собственную судьбу, потому что в своей стране родственники помогали решать их проблемы. В новых условиях «нет ни дяди, ни брата, который бы

тебе помог решить проблемы, включая нахождение работы...» [UNHCR, 2013, p. 46].

2. Возможности найти работу и интеграция. Возможности самоподдержания мигрантов тесно связаны с наличием работы. Ситуация экономического кризиса в Европе заставляет собственное население уезжать на заработки в другие страны. Возможностей экономической активности для беженцев очень мало. Во время ожидания решения о предоставлении убежища они не могут официально работать в большинстве стран ЕС, но стараются работать нелегально. Даже в случае получения статуса беженцы-чеченцы имеют очень ограниченные возможности доступа на рынок труда из-за отсутствия знания языка и признания дипломов об образовании. Поэтому работа может быть низкооплачиваемая, временная и часто нелегальная.

По проведенным исследованиям УВКБ ООН [2010, 2013], неполная занятость чеченских беженцев приводит к их неспособности заработать достаточный доход на аренду квартиры и пропитание. В случае многодетных семей работать обоим родителям часто невозможно, а заработка одного человека редко бывает достаточно, чтобы заплатить за квартиру и содержать семью.

Чеченские мужчины и женщины чувствуют себя глубоко обиженными из-за частых случаев дискриминации со стороны местных жителей. Местное население воспринимает их в качестве потенциальных воров и криминальных элементов. В условиях отсутствия легальной работы некоторые из чеченских мужчин заняты «стратегией быстрого заработка», связанной с различного рода преступной деятельностью. Они устанавливают контроль над такими же, как они, ищущими убежище одинокими мужчинами из Украины или Белоруссии, требуя у них деньги под угрозой насилия, участвуют в контрабанде людей через границы с Австрией или Германией, рэкете других мигрантов, обеспечении так называемой «крыши» (т.е. уголовном крышевании), реализации товаров, добытых криминальным путем [Szczepanikova, 2008]. Несколько чеченских информаторов рассказывали автору о функционировании подпольных так называемых «магазинов», где можно купить вещи за полцены. Но товар поступал незаконным путем и, скорее всего, был краденным.

Некоторые женщины, по словам чеченских информаторов, сами провозируют своих мужей на такое занятие: «...Они постоянно изводят своих мужей жалобами, что они должны и то, и это им купить и что им нужно больше денег, а иногда отправить вещи домой, чтобы представить свой успех за рубежом...» [Szczepanikova, 2008, p. 26].

3. Доступ на рынок жилья и интеграция. Наличие у беженцев жилья и возможности его стабильной аренды после получения статуса — важная составная часть интеграции. Но в Центральной Европе решение жилищной проблемы более проблематично, чем в Западной из-за малой доли социального жилья. Обычно доступ к социальному жилью (или наем жи-

ля для беженцев) включают интеграционные программы, но они оплачиваются на полгода, максимум на год. За это время беженцы не могут выучить язык и найти работу.

Другим препятствием в аренде жилья беженцами являются предрас судки и дискриминация со стороны собственников. Арендодатели имеют негативное отношение к беженцам из Чечни, по-прежнему ассоциируя их с терроризмом, а также воспринимая как ненадежных арендаторов: «Большинство арендодателей, когда они слышат слово «чеченцы», сразу кладут трубку» [UNHCR, 2010, p. 17]. Большинство чеченцев – семейные люди с детьми, а арендодатели не любят сдавать квартиры таким семьям. Респонденты признали, что часть вины за неблагоприятное отношение лежит на самих чеченцах – они часто не платят коммунальные услуги и оставляют жилье в плохом состоянии [UNHCR, 2010, 2013].

Термин «чеченский дом» в некоторых странах ЕС стал символом беспросветной бедности и депривации, в котором условия жизни плохие и отмечается перенаселенность. Так, условия в «чеченском доме» в Польше были описаны как «квартиры без кухни, живут четыре-пять человек в комнате площадью около 15 м²» [UNHCR, 2013, p. 17]. В Австрии и Германии более благоприятная ситуация с жильем. Даже в случае отказа в признании в первой инстанции повторное ходатайство предоставляет доступ к квартире и деньги на проживание. Как говорят аппликанты, «жить можно» [Deutsche Welle, 2013].

4. Образование и интеграция. Интеграция и возможные успехи детей в школе являются сильным мотивирующим фактором для родителей. В процессе образования происходит определенная синхронизация элементов культуры своей страны и страны приема и образуется двойная идентичность. Совмещение обеих культур возможно в случае глубокого знания обеих и их взаимного проникновения [Moszczyńska, Trojanek, 2011]. Очень важна роль семьи в воспитании и передаче ценностных и поведенческих ориентиров. Если сами родители делают все для интеграции и включают ребенка в процесс образования страны приема, то дети быстро интегрируются и становятся помощниками родителям в налаживании их коммуникации с этим миром. Большинство чеченских детей заявляли о желании учиться в стране пребывания [UNHCR, 2013].

Те, кто приехали маленькими, наиболее успешны в интеграции. Они имеют возможность пройти образовательную лестницу с самого начала и до конца, и их карьерные возможности резко возрастают. Другое дело, если ребенок приехал уже в возрасте 14–16 лет. Его не могут взять в школу в соответствующий возрасту класс, так как он не знает языка страны. Молодежи старше 18 лет и взрослым приходится довольствоваться языковыми курсами и курсами культурной ориентации.

К сожалению, чеченские дети часто участвуют в конфликтах в школах из-за отсутствия взаимопонимания, незнания языка и непонима-

ния жестов. Например, чеченская девочка сказала, что хотела бы, чтобы «...польские люди изменились. Мальчики и девочки в школе не дотрагивались бы друг до друга... Моя проблема, что они обижают меня в школе» [Moszczyńska, Trojanek, 2011, p. 86]. В таких случаях у детей могут развиваться негативные адаптивные стратегии избегания, а иногда наоборот – конфликта. Их отличия становятся для принимающего детского сообщества школы еще более явными, и круг замыкается.

Гендерные установки чеченцев отличаются от установок принимающего сообщества. Для чеченцев высшее – это семья и семейная честь, угрозы которой не должно быть. Особенно уязвимы, с их точки зрения, женщины и дети: они должны быть под контролем. В культуре чеченцев очень сильна защита своих женщин [Heinrich, Lobova, 2012]. Случай, когда польский мальчик обидел чеченскую девочку и был за это жестоко избит чеченским мальчиком, получил осуждение польского общества, так как форма агрессии была несоразмерна с польским восприятием дозволенного применения силы [Moszczyńska, Trojanek, 2011, p. 77].

К сожалению, культурная дистанция у чеченцев с принимающими сообществами большая [Heinrich, Lobova, 2012], поэтому и конфликты у чеченских детей с местными жителями возникают очень часто. В Австрии социальный работник так описала поведение чеченских подростков: «...От них аж искры летели. Они с другими тинейджерами постоянно в конфликтах были. В основном с турками... у них очень мускулиность развита и свое чувство достоинства... Нам все время приходилось конфликты с ними решать...» [Интервью автора с соцработником, Вена, 2011].

В случаях конфликтов между детьми в школы даже приглашали имама, но это были краткосрочные решения. По мнению учителей, если чеченских мальчиков много, они чувствуют свои силу (физическую) и пытаются взять контроль в свои руки [Moszczyńska, Trojanek, 2011, p. 81].

Еще одна проблема образования и интеграции, имеющая гендерный аспект, связана с превентивной «защитой» женщин в Чечне. Сохранение женской (и соответственно семейной чести) узаконивает исключение участия женщин в общественной сфере, женское начало реализуется прежде всего в домашней сфере, в роли матери, жены и домохозяйки [Szczepanikova, 2005, p. 291]. Эта стратегия репродуцируется чеченскими семьями в странах ЕС, где девушки после обязательного обучения в школах остаются дома и ждут возможности выйти замуж за чеченца, так как, согласно чеченским традициям, чеченская женщина не может быть отдана в чужую этническую группу. Социальный работник из Австрии рассказывала, что, по мнению чеченских матерей, «девушки должны быть защищены от влияния свободного сексуального поведения, распространенного среди молодежи западных стран. Большинство их матерей мечтают выдать поскорее дочерей замуж» [Интервью автора, Вена, 2011].

Семейные отношения в изгнании

Многие ученые [Kibria, 1993; Morokvasic, 1983] отмечают, что вопросы идентичности являются неотъемлемой частью процесса интеграции, где гендерные отношения очень динамичны. Венона Гайлес указывал, что роли в семьях мигрантов конструируются, базируясь на воспоминаниях о ролях, существовавших у их дома, на родине [Giles, 1999, p. 85]. Чеченское общество обычно описывается как глубоко патриархальное мусульманское общество [Molodikova, Watt, 2013], где существуют патриархальные традиции и подчиненное положение женщин. В странах ЕС чеченские семьи пытаются смоделировать маленький мир патриархальных отношений, существовавших в большинстве чеченских семей до отъезда, несмотря на то что условия для поддержания системы таких отношений совершенно изменились в эмиграции.

При попадании на Запад в статусе ищущего убежище или при получении статуса беженца чеченские мужчины испытывают большой внутренний дискомфорт. Трудности их интеграции связаны прежде всего с необходимостью перестраивания своей гендерной идентичности и определения новых семейных ролей. Мужскость (мужественность) — главная характеристика чеченского мужчины, которая определяется прежде всего его способностью обеспечить безопасность семьи и семейные нужды [Szczepanikova, 2005, p. 290]. Однако защита своих семей уже не является их важной задачей в странах ЕС: «Там (на родине. — Sz.) я мог по крайней мере обеспечить свою семью... но здесь я ничего не могу сам делать... легче быть мужчиной дома» [Szczepanikova, 2008, p. 23].

Семейные отношения и новые семейные роли заставляют чеченских мужчин пытаться восстановить свои мужские права и роль в семьях в ситуации убежища. Сам факт получения социального пособия для мужчин-чеченцев довольно унижен. Чеченский мужчина «никогда не идет просить о помощи, если что не так. Он не может отказаться от своего воспитания как мужчины, полученного с детства дома, только потому, что он сейчас здесь» [Szczepanikova, 2008, p. 23]. Сами чеченцы рассказывали автору, что даже во время интервью на предоставление статуса мужчины-чеченцы, чтобы не терять лицо, не хотели описывать иногда униженные моменты своей жизни, от которой они убежали. Поэтому они получали отказ в статусе.

Чеченские женщины, наоборот, в новой среде продолжают играть свои привычные гендерные роли (домохозяйка, воспитателей детей, обслуживания своего маленького хозяйства). Они активно общаются с социальными службами, администрацией лагерей и т.д. Таким образом, они получают дополнительные новые роли по поддержке семей [Szczepanikova, 2008, p. 29].

В основном чеченские женщины участвуют в коммуникациях с местными интеграторами, так как мужчины не могут терять лицо, жалуясь

интеграторам на проблемы. Поэтому женщины функционируют нормально, так как большинство их функций в новой стране связаны с заботой о своих семьях и не претерпели изменений. Они быстрее овладевают зачатками языка страны и могут найти временную работу по уборке, работу в саду, внося свой вклад в доход семьи.

В итоге происходит трансформация гендерных отношений в семьях. Мужья перестают функционировать, если не могут найти работу, — они испытывают унижение своей мускулиности из-за невозможности ее репродукции на чужбине. Это ведет к депрессиям, деградации, алкоголизму или наркомании, насилию в отношении членов своих семей. Исследования экспертов [UNHCR, 2010, 2013] показали, что алкогольная или наркотическая зависимость среди беженцев была редка в 1990-х гг., а в настоящее время встречается часто в связи со стрессом. Психологи лагерей в Польше и Чехии отмечали случаи насилия в семье: «...Некоторые мужчины начинают пить, некоторые уходят из семьи или то и другое. Я думаю, что это действительно зависит от женщин» [Szczepanikova, 2008, p. 32]. Таким образом, чеченские мужчины используют различные стратегии выстраивания заново своей самооценки: некоторые больше участвуют в семейной жизни, другие — наоборот, предпочитают тратить деньги на алкоголь или наркотики, встречаться с другими женщинами (как правило, нечеченскими) и/или даже прибегают к физическому насилию по отношению к жене и детям, некоторые мужчины используют стратегию криминальных «быстрых денег».

Ряд авторов, изучающих поведение мигрантов на чужбине [Kosack, 1976; Kibria, 1993; Szczepanikova, 2008], отмечают, что женщины в новой для них ситуации большей, чем у мужа, активности не выбирают стратегии изменения патриархальных структур их семей. Большинство их стратегий свидетельствуют об обратном — новое «более самостоятельное» положение в изгнании воспринимается ими как потенциальная угроза единству своей семьи, которая ценится больше, чем западная независимость. Многие жены-чеченки принимают стратегии «имитации» иерархии отношений, для того чтобы создать впечатление (даже если они единственные кормилицы в семье), что их мужья остаются на своих позициях в качестве ключевых лиц, принимающих решения. Это типичная попытка сохранить устоявшуюся модель сплоченности семьи в неприкосновенности [Szczepanikova, 2008, p. 31]. Такая же тактика описана в исследовании Кибриа [Kibria, 1993] о вьетнамских беженцах, пустивших корни в Филадельфии, США. Кибриа считает, что патриархальные отношения часто серьезно страдают от миграции, так как не трансформируются простым способом. Поэтому удобство старого нормативного порядка патриархальных взаимоотношений, дающее им эмоциональную безопасность, может значительно перевешивать любые реальные экономические выгоды их самостоятельного участия в новом обществе [Szczepanikova, 2008].

Восстановление религиозной идентичности и интеграция

Сильной стороной чеченской идентичности, которая помогала им сохранять свою культуру во время депортации и во время чеченских войн в 1990—2000-х гг., было сохранение в семейной частной жизни мусульманских традиций [Pilkinton, 1992; Molodikova, Watt, 2013]. Реконструкция ислама, который чеченцы практиковали в Чечне до отъезда, является важным элементом жизни на новом месте. В эмиграции они выбирают разные стратегии достижения этой цели, в зависимости от ситуации в конкретном месте [Lukasiewicz, 2011, p. 103]. Одной из важных составных частей этого процесса является религиозное воспитание детей как одна из главных форм воспитания чеченской идентичности и сохранения культуры. В основном это делается дома — учатся молитвы, обряды, проводятся религиозные празднества. Чеченцы могут практиковать ислам дома, через интернет, осуществляя сетевые связи и религиозные празднества, они реконструируют ислам с влиянием адатов, как у себя на родине. Но если рядом с местом проживания есть мечеть, они могут сблизиться с мусульманами с Ближнего Востока или с татарами, так как для исполнения мусульманских обрядов часто чеченцам бывает сложно найти имама своей конфессии. Они могут пригласить имама других конфессий (например, татарского либо арабского) [Lukasiewicz, 2011, p. 97].

Реконструкция ислама в эмиграции сближает чеченцев не с местным населением, а с другими мусульманскими группами, находящимися поблизости. В случаях близости арабской мечети чеченские девушки начинают носить хиджаб, чего они, возможно, не делали в Чечне. Поэтому у второго поколения молодых чеченцев, родившихся или получивших образование в Европе, отмечается тенденция примыкать к близко расположенным мусульманским центрам или находить в интернете те течения, которые им ближе [Lukasiewicz, 2011].

Многие мигранты, и чеченцы не исключение, становятся более консервативными мусульманами в эмиграции, чем у себя дома. Этот феномен религиозного консерватизма объясняется столкновением мигранта с отчужденностью нового общества и трудностями процесса своего укоренения в новой среде [Heinrich, Lobova, 2012]. Но консерватизм также может быть результатом социального контроля принимающего общества (чеченского). Так, в одном центре для беженцев в Германии чеченцы-исламисты избили чеченскую пару за «непристойное поведение»: жена ходила в брюках и без хиджаба. Муж попал в больницу, у жены случился выкидыш [Grani.ru, 2013].

Если чеченцы бежали из-за приверженности к салафизму, они продолжают практиковать его и в ЕС. В СМИ время от времени проходят сообщения, подтверждающие наличие радикально настроенных членов чеченской диаспоры в странах ЕС. Наиболее резонансным за последнее время было столкновение в г. Херфорд (Германия) в 2014 г. джихади-

стов, поддерживающих создание «исламского государства», с курдскими езидами. В столкновении принимали участие более 100 человек. Полиция арестовала шестерых лиц, причастных к инциденту: пять этнических чеченцев-салафитов и одного немца, принявшего ислам [Kern, 2014]. Представитель немецкой разведки заявил, что один из этих чеченцев — хорошо обученный боец, участвовавший в партизанской войне против российских войск, которого они считают «очень опасным». Сотрудник разведывательных служб Германии так оценил ситуацию: «...Исламисты, среди них русские чеченцы, которым нечего терять и движущими силами которых является бедность и безнадежность, находятся среди нас» [Kern, 2014].

К христианским традициям у чеченцев, наоборот, отношение дистанцированное. Одна коллега-чеченка рассказала о своей племяннице в Австрии, которую она навестила в «чеченском доме»: «Австрийцы на Рождество для детей беженцев решили сделать елку. У племянницы мальчику 5 лет, а она ему говорит: «Ты на елку не пойдешь, так как это христианский праздник, а ты — мусульманин!» Ребенок заплакал и отвечает: «Тогда я не хочу быть мусульманином!» Ох, и переполох у них был! Муж вмешался: «Зачем ты ребенка против нашей веры настраиваешь?» [Интервью автора, Австрия, 2011].

По данным опроса чеченцев в Австрии, 100% респондентов определили себя как верующие, но индекс их религиозности, который рассчитывался исходя из ответов об исполнении основных религиозных догм, получился низким — среднее количество набранных по религиозности баллов составило 14 из 32 позиций для более чем 50% респондентов. Около 1/3 респондентов также отметили, что они верят в магию и астрологию. Количество таких ответов увеличивается с возрастом, особенно среди женщин. Таким образом, неисламские и исламские верования и практики существуют параллельно [Heinrich, Lobova, 2012, p. 194].

Культурные сообщества и интеграция

Сохранение культурных традиций — важная сторона идентичности. Празднества, в том числе большие свадебные церемонии, проходят в странах ЕС по чеченским традициям — на свадьбе жених и родители невесты не присутствуют. Похороны также важный процесс, они должны быть проведены по правилам с муллой. Но в большинстве случаев тело отправляют на родину, в Чечню. Как важный момент интеграции воспринимаются случаи погребений в эмиграции [Lukasiewicz, 2011].

Отсутствие расширенной семьи, клана и старших членов, которые обычно учат детей истории семьи и народа, болезненно ощущается чеченскими беженцами. Тем не менее, как отмечают исследователи, новые технологии, которые позволяют смотреть чеченские каналы и осуществлять связь с родиной через интернет, также формируют чеченскую иден-

тичность. В изгнании репродуцируются не только исламские традиции (как обрезание и свадьбы), но и адаты, такие как кровная месть и воровство невесты, что вызывает большой переполох в стране, где такой инцидент попадает в сводки новостей [Lukasiewicz, 2011].

Отношения чеченцев и принимающего сообщества:

«мы и они»

Исследования, проведенные в Польше, Австрии, Чехии, публикации в СМИ и интервью показывают, что отношение местного населения к чеченцам неизменно, особенно в Центральной Европе. Эти обстоятельства приводят к активации у чеченцев идентичности «чужой», и они воспринимают социальную реальность через призму национальности: «Мы (чеченцы) против них (поляков, чехов, австрийцев)». Социальные работники в Австрии во время разговоров с автором отмечали закрытость чеченского сообщества. Такое же определение автор получила от имама одной из мечетей в Бельгии. Возможно, такая закрытость объясняется страхом чеченцев перед «возмездием» правительства Чечни за их отъезд. Несколько убийств чеченцев в Турции, Австрии и ОАЭ приписывают «руке Чечни».

Ответы на вопросы о том, когда они в последний раз чувствовали себя счастливыми и какие планы у них есть на будущее, также показали состояние депривации среди чеченцев в Польше, так как они вспоминали далекое прошлое, а будущие планы были очень расплывчаты и неконкретны [UNHCR, 2010, 2013]. Около 10% обследованных чеченцев в Австрии сказали, что хотят вернуться в Чечню. Многие негативно оценивают свой опыт интеграции в этой стране, и только 20% готовы полностью интегрироваться в австрийское общество [Heinrich, Lobova, 2012]. Не случайно коллега из чеченского отделения Мемориала на встрече с представителями Министерства образования Австрии просила их учить детей не чеченскому языку (на котором они разговаривают в семье), а русскому, чтобы они, если семьи вернутся назад, могли реинтегрироваться.

Многие чеченцы не видят возможной замены своего патриархального строя новым европейским. Например, чеченские мужчины и женщины считают, что у европейской молодежи отсутствует уважение к старшим. Поведение чешских, австрийских, польских детей им не нравится, и они обеспокоены тем, что их дети могут попасть под плохое влияние своих сверстников и потерять кодекс хорошего поведения и уважения к своим родителям [Moszczyńska, Trojanek, 2011, p. 82].

Выводы

В отдельных странах ЕС, таких как Австрия, Бельгия, Франция, Польша, сложились чеченские диаспоры, и общее количество чеченцев за менее чем 20 лет превысило 100 тыс. человек. Однако диаспоры на-

ходятся на первых стадиях интеграции. Понятие интеграции подразумевает как сохранение иностранцем важных элементов своей собственной культуры, так и инкорпорирование им определенных элементов культуры страны проживания при активном контакте с населением принимающего сообщества, и возможности поддержания самостоятельного жизнеобеспечения.

Везде интеграция чеченцев происходит сложно. Пока они интегрированы еще слабо, но возможно, прошло еще немного времени с их приезда. В более поликультурной и богатой среде западных стран ЕС интеграция проходит лучше. Проблемы жилья и занятости представляют собой порочный круг. Негативной является стратегия заработка «быстрых денег» криминальным способом.

Стратегии интеграции очень ограничиваются патриархальной структурой чеченских семей и нежеланием чеченских женщин, более успешных и активных в кооперации со страной пребывания, развивать эмансипирующие стратегии. В противовес им много мужчин-чеченцев не в силах поддержать свою мускулинность в новых условиях без клановых связей, знания языка и наличия работы. Поэтому женщины имитируют патриархальную зависимость от мужа, ухудшая интеграционные процессы семьи, но сохраняя ее сплоченность.

Семьи, боясь за честь девушек и влияния свободного сексуального западного поведения, на определенных этапах замораживают их интеграцию, ограждая их домом, замужеством и пресекая получение образования. Религиозные практики также сближают чеченцев больше не с местным населением, а с мигрантами-мусульманами. Для интеграции важно и образование, хорошая перспектива которого имеется только у маленьких детей. Остальные мигранты должны учиться языку и профессиям самостоятельно или быть обреченными на низкооплачиваемую работу.

Очень хорошо сказал о чеченцах за рубежом известный современный чеченский писатель Герман Садулаев: «...Мои бывшие земляки полагают, что определение «чеченец» больше не связано с требовательностью к себе, наоборот, они требуют от других особого к себе отношения... Или противопоставляют свою систему ценностей системе ценностей окружающего их общества. И это сразу становится проблемой. В Европе нужно быть европейцем. Живешь в Риме – живи как римлянин. Если хочешь оставаться таким чистым чеченцем – живи в Чечне, не надо никуда уезжать» [Русский журнал, 2011]. А получается по кавказской поговорке: «Чеченец может уйти из аула, а вот куда аул уйдет из чеченца?»

Литература

1. Grani.ru (2013). В Германии чеченские беженцы избili земляков за «непристойное поведение». «Грани», 05.08.2013. URL: <http://grani.ru/Politics/World/Europe/d.217580.html>

2. *Молодикова И.* (2009) Венгрия – буферная зона ЕС // Молодикова И., Дювель Ф. (ред.) Транзитная миграция и транзитные страны: политика регулирования. – М.: Академкнига.
3. Русский журнал. Чеченцы в Европе: беседа с Германом Садулаевым, 19.08.2011. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/762489/>
4. Inosmi.ru. Французские власти возвращают чеченских мигрантов в Польшу. La Provence, 25.07.2011. URL: <http://inosmi.ru/20110725/172461392.html>.
5. Право убежища (2013). URL: <http://russian-fact.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE+%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D1%89%D0%B0>
6. *Moszczyńska G., Trojanek H. & M.* (2011) Image of the world and themselves built by young Chechens living in Polish refugee centers // Ed. by K. GyraK-Sosnowska. Muslims in Poland and Eastern Europe Widening the European Discourse on Islam. – Warszawa: University of Warsaw, 2011. – P. 69–89.
7. Deutsche Welle. Беженка из Дагестана: Родственники просят, чтобы я им меньше звонила. Deutsche Welle, 02.09.2013. URL: <http://www.dw.de>
8. *Kern S.* (2014) Holy War Arrives in Germany. August 10, 2014. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/4590/germany-jihad>
9. Eurostat.eu. Eurostat Source: Eurostat (online data code: migr_asyappctza).
10. *Giles W.* (1999) Gendered violence in war: Reflections on transnationalist and comparative frameworks in militarized conflict zones. In D. M. Indra (Ed.). Engendering forced migration: theory and practice. – New York, London: Berghahn Books, 1999. – P. 83–93.
11. *Heinrich H.-G., Lobova L.* (2012) Religious Identity in an Open Society: The Case of Chechen Refugees in Austria // Malashenko A., Heinrich H.-G., Lobova L. (Eds.). “Will Russia Become a Muslim Society?”. – Vienna. – P. 233–255.
12. *Kibria N.* (1993). *Family tightrope*. – Princeton, NJ: Princeton University Press.
13. *Khazan O.* (2013). There Are Almost No Chechens in the United States – Here’s Why. April 22, 2013. URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/04/there-are-almost-no-chechens-in-the-united-states-heres-why/275195/>
14. *Kosack G.* (1976). Migrant women: The move to Western Europe – a step towards emancipation? // Race and Class. – 17(4). – P. 370–379.
15. *Łukasiewicz K.* (2011) Strategies of reconstructing Islam in exile. A case of Chechens in Poland // K. GyraK-Sosnowska (Ed.) Muslims in Poland and Eastern Europe Widening the European Discourse on Islam. – Warszawa: University of Warsaw. – P. 89–103.
16. *Molodikova I., Watt A.* (2013) Bringing up in the North Caucasus. – N.-Y., Routledge.
17. *Pilkington H.* (1992) Russia and the former Soviet republics. Behind the mask of Soviet unity: Realities of women’s lives // C. Corrin (Ed.). Superwomen and the double burden: Women’s experience of change in Central and Eastern Europe and the former Soviet Union. – London: Scarlet Press. – P. 180–235.
18. Spiegel: *Bidder B., Popp M.* (2013) Third Wave: Thousands of Chechens Seek Refuge in Germany, Spiegel Online International, August 28, 2013. URL:

<http://www.spiegel.de/international/europe/refugees-from-chechnya-seek-new-life-in-germany-a-918720.html>

19. *Szczepanikova A.* (2005) Gender relations in a refugee camp: A case of Chechens seeking asylum in the Czech Republic // *Journal of Refugee Studies*. – 18(3). – P. 281–298.
20. *Szczepanikova A.* (2008) Settlement and (re)construction of gender relations in exile: Chechen refugees in Eastern Europe in Chechens in the European Union // Janda A., Leitner N., Vogl M. (eds.). *Chechens in the European Union*. Vienna: Österreichischer Integrationsfonds, Federal Ministry of the Interior. URL: <http://ssrn.com/abstract=1587702/>
21. UNHCR (2013). Where is my home? Homelessness and Access to Housing among Asylum-seekers, Refugees and Persons with International Protection in POLAND. URL: <http://www.unhcr-centraleurope.org/pdf/where-we-work/poland/where-is-my-home-poland.html>
22. UNHCR (2010). Refugee Homelessness in Poland – Results of a Pilot Study. Research Report/Policy paper, By Kinga Wysieńska Natalya Ryabińska UNHCR, Warsaw.
23. UNHCR, <http://unhcr.org>. Data sheet (2005) on EU countries.
24. *Vatchagaev M.* (2008) Chechnya's Exodus to Europe. January 24, 2008. URL: http://www.jamestown.org/programs/nc/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=4678&tx_ttnews%5BbackPid%5D=169&no_cache=1

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ КОНТРАКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. В силу дефицита трудовых ресурсов Россия, несмотря на принимаемые меры по компенсации сокращения численности населения в трудоспособном возрасте различными экономическими и технологическими методами, вынуждена использовать мигрантов как основной компенсационный ресурс для рынка труда. Для предотвращения изоляции мигрантов от принимающего социума и нарастания межнациональных конфликтов необходимы программы адаптации и интеграции. Определенным шагом в этом направлении стал разработанный Федеральной миграционной службой законопроект «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», который определяет ряд конкретных мер по адаптации и интеграции мигрантов, в том числе вводит адаптационный и интеграционный контракты. Индустриальные государства Западной Европы имеют дело с интеграционными контрактами как инструментами иммиграционной политики более 20 лет. За это время они накопили немалый опыт — как положительный, так отрицательный. Осмысление данного опыта представляется не только полезным, но и необходимым для нашей страны. Автор через глобальное видение процесса интеграционного процесса, через анализ общей эволюции гражданской интеграции мигрантов в принимающее сообщество в западных странах, на примере конкретных стран (Голландии, Франции и Германии), имеющих различный спектр подходов в отношении интеграционных контрактов, пытается найти те необходимые содержательные основы адаптационных и интеграционных контрактов для различных категорий мигрантов, которые могут заключаться с ними в России.

Ключевые слова: иммиграционная политика, интеграция мигрантов, интеграционные контракты, адаптационные контракты.

Россия столкнулась с феноменом массового иммиграционного притока относительно недавно. По данным ФМС, он в 2013 г. превысил 17,5 млн человек. Однако осознание того, что Россия — иммиграционная страна в той же мере, в какой такими странами являются все индустриально развитые государства, сегодня пока отсутствует как у политического класса, так и у широкой общественности и населения [Малахов, 2014, с. 6]. А ведь иммиграция представляет собой сложный, многоуровневый процесс и является невероятно трудной проблемой для любого принимающего общества. При этом важно подчеркнуть, что все большее число иностранных граждан, в первую очередь трудовых мигрантов, при-

езжают в нашу страну с целью обустройства на постоянное место жительства. Сегодня значительная часть трудовых мигрантов — гастарбайтеров являются де-факто или де-юре ее постоянными жителями. Помимо самих трудовых мигрантов к этой категории также относятся их дети. При этом надо отметить, что в активную жизнь в России пока практически не вступило «второе поколение» мигрантов, а, как показал опыт западноевропейских стран, конфликтный потенциал связан именно с молодыми людьми, родившимися и выросшими в стране иммиграции их родителей. Стали рождаться и внуки переселенцев. Аналитики ввели для них еще одно определение: «иммигранты третьего поколения». К родителям, обосновавшимся в России, стали приезжать выросшие дети, родившиеся в стране их прежнего места жительства, — «мигранты полутурного поколения». Все это заметно усложняет жизнь населения России в этническом, расовом и религиозном отношениях. Сосуществование коренного населения с переселенцами является первостепенной проблемой для жизнедеятельности, прочности и устойчивости российского социума. Присутствие большого числа иностранцев, являющихся носителями иной культуры и языка, нередко вызывает негативную реакцию коренного населения. Наблюдается увеличение случаев проявления нетерпимости, ксенофобии и мигрантофобии, что зачастую используется разного рода националистами, готовыми любой конфликт перевести в разряд межэтнических противоречий и сделать поводом для уличных беспорядков.

Можно по этому поводу задать вопрос: а зачем тогда нужны России иммигранты? Не проще ли будет просто жестко ограничить их въезд и таким образом решить данную проблему? Надо отдавать себе отчет в том, Россия испытывает дефицит трудовых ресурсов, который оценивается экономическими властями и экспертным сообществом как одна из наиболее острых проблем средне- и долгосрочного развития. Признается, что дефицит потенциально способен негативно отразиться на темпах экономического роста страны. Несмотря на возможности компенсации сокращения численности населения в трудоспособном возрасте в 2011–2030 гг. различными экономическими и технологическими методами, миграция для России, как и для стран ЕС, остается главным компенсационным ресурсом для рынка труда, особенно в отраслях с невысокими требованиями к качеству персонала. Как справедливо утверждает В. Мукомель, «иммиграция для России — не вопрос выбора, а вопрос необходимости. Иммиграция становится важнейшим элементом поддержания потенциала экономического развития, сохранения стабильности в отдельных регионах, обеспечения национальной безопасности» [Мукомель, 2013, с. 4]. И, понимая все проблемы, с которыми может столкнуться российское общество в результате массовой иммиграции, он продолжает: «Массовый приток иноэтничных мигрантов станет глобальным вызовом, если не удастся обеспечить адаптацию и интеграцию тех из них, кто связывает свое будущее с Россией, и превратить их в лояльных граждан неза-

висимо от этнического происхождения и государства выхода» [там же]. Для предотвращения изоляции мигрантов от принимающего социума и нарастания межнациональных конфликтов необходимы программы адаптации и интеграции. Определенным шагом в этом направлении стал разработанный Федеральной миграционной службой законопроект «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», который определяет ряд мер по адаптации и интеграции мигрантов, в том числе введение адаптационного и интеграционного контрактов.

Россия впервые вводит данные контракты, с которыми индустриальные государства Западной Европы имеют дело более 20 лет. За это время они накопили немалый опыт — как положительный, так отрицательный. Осмысление данного опыта представляется не только полезным, но и необходимым для нашей страны. Рассмотрим более детально опыт ряда западных стран в отношении адаптационных и интеграционных контрактов.

Сущность понятия «интеграционный контракт». Если обратиться к содержанию понятий «контракты», «интеграционные курсы» и «траектории гражданства», то их объединяет то, что они сосредоточены на интеграции как индивидуальном процессе, в котором новый мигрант несет ответственность за его интеграционный успех в принимающем обществе, и он не должен быть в тягость принимающему его государству. Понятие «контракт» подчеркивает, что интеграция является «двусторонним процессом». Это означает, что иммигранты имеют не только права, но и обязанности по уровню своей интегрированности. Такой подход отличается от мультикультурных подходов, которые сосредоточиваются на группах или общинах, а не отдельных лицах и стремятся признать культурные различия. Некоторые ученые, такие как Роджерс Брубакер [Brubaker, 2012] и Кристиан Джопк [Joppke, 2010], рассматривают это как распад мультикультурализма и «возвращение ассимиляции».

История введения интеграционных контрактов. Идея введения интеграционных контрактов для иммигрантов восходит к 1989 г. — докладу Научного совета по государственной политике Нидерландов (*WRR*). Это рассматривалось как решение проблемы долгосрочной безработицы среди некоторых групп иммигрантов, и его авторы посчитали, что овладение языком имеет решающее значение [Jacobs et al., 2007; Bruquetas-Callejo et al., 2010]. С конца 1990-х гг. политика интеграционного контракта была принята в различных европейских государствах и на сегодняшний день достаточно широко распространена в европейских странах. Первыми были Швеция, Дания и Финляндия, потом к ним присоединились Нидерланды, Австрия, Бельгия, Франция, Великобритания и Эстония. В настоящее время обязательные курсы по интеграции имеет Германия. Швейцария в 2006 г. приняла постановление по факультативной интеграционной конвенции, которая является частью Федерального закона

об иностранцах с 1 января 2008 г. В 2012 г. интеграционные контракты появились в Италии. Венгрия также рассматривает их создание. Дебаты по контрактам активно идут в Испании [Международная организация по миграции, 2011]. Хотя еще в ходе парламентской предвыборной кампании 2008 г. председатель Народной партии (*Partido Popular*) Мариано Рахой заявил, что если его партия будет формировать правительство, то оно внесет изменения в Закон об иностранцах (*Ley de Extranjería*) в части того, чтобы прибывающие в Испанию мигранты подписывали юридически закреплённый контракт, в котором они обязывались уважать испанские законы и обычаи, выучить испанский язык, платить налоги и работать активно, чтобы интегрироваться в испанское общество. Мигранты будут отправлены обратно на родину в случае, если не смогут трудоустроиться в течение года¹.

Содержание контрактов всех стран объединено общей идеей: изучение языка и граждановедения, — но они имеют свои особенности в зависимости от страны [Юдина, 2014; Международная организация по миграции, 2011].

В настоящее время ЕС продолжает оказывать бюрократическое давление, чтобы внедрить интеграционные контракты в странах, где их еще пока нет, и поддерживать эти страны финансово. Так, в «рамках интеграции» Комиссия ЕС уделяет повышенное внимание созданию сети национальных контактных пунктов (НКП) на уровне соответствующих министерств (внутренних дел, труда и социальной политики) для обмена опытом инкорпорации положений «цивильной интеграции» в иммиграционное законодательство. В долгосрочной перспективе посредством сети Комиссия предполагает сформировать общую для стран ЕС систему интеграции иммигрантов, основанную на единых принципах и целях, с обязательным мониторингом достижений и неудач. Решением Совета Европы от 25 июня 2007 г. в рамках общей программы «Солидарность и управление миграционными потоками» был основан Европейский фонд интеграции граждан третьих стран (*EIF*) с бюджетом 825 млн евро на период 2007–2013 гг. Фонд финансирует национальные программы адаптации иммигрантов и языковые курсы [*European Commission*, 2007]. С 2014 г. под эгидой Европейской комиссии стал действовать аналогичный фонд под названием «Убежище, миграция и интеграция» (*AMIF*) с бюджетом на период 2014–2020 гг. в общей сложности 3170 млн евро [*European Commission*, 2014a].

Таким образом, как справедливо отмечает Ольга Потемкина, «рамки интеграции» следует охарактеризовать как новый многоуровневый метод управления интеграцией граждан третьих стран на наднациональном

¹ Rajoy quiere obligar a los inmigrantes a firmar “un contrato de integración”. URL: http://www.elpais.com/articulo/espana/Rajoy/quiere/obligar/inmigrantes/firmar/contrato/integracion/elpepiesp/20080207elpepinac_6/Tes

уровне с применением элементов юридически не обязывающих мер (мягкого законодательства) и различных наднациональных сетевых структур, которые стали источником появления «квазиоткрытого метода координации» с использованием в качестве главных инструментов индикаторов и контрольных точек [*European Commission*, 2008].

Проследим эволюцию контрактов в аспекте интеграционной политики на примере ряда европейских стран.

Нидерланды. Вплоть до начала 1990-х гг. правительство Нидерландов не ставило перед собой задачи интегрирования прибывающих иммигрантов в общество. Нидерландцы воспринимали себя как страну, толерантную к иным культурам и готовую принять людей различного происхождения. Первые попытки правительства Нидерландов разработать и внедрить политику, направленную на иммигрантское население, были предприняты в конце 1980-х гг. и носили название «политики меньшинства». Иностранцы граждане, приезжающие в страну с целью временного трудоустройства, рассматривались как «гостевые работники», которые в скором времени покинут страну и поэтому не требуют особых мер по интеграции. Однако в реальности многие из тех, кто приехал на заработки, остались в стране, со временем перевезя к себе и семьи, что послужило причиной появления нового потока иммиграции — по каналу воссоединения семей. Данный подход был изменен в 1990-х гг., когда в основу политики по отношению иммигрантам были положены принципы интеграции с акцентом на равное участие, взаимное принятие и преодоление дискриминации. Этот период стал временем возникновения идеи мультикультурализма как основополагающего принципа политики по отношению к иммигрантам. Однако уже к концу 1990-х гг. появляется все больше вопросов относительно возможности реализации принципов мультикультурализма и толерантности на практике. Основным инструментом «новой интеграционной политики», принятой в 1994 г., стали общественные интеграционные курсы (*Inburgeringscursussen*), целью которых являлось содействие в начальной интеграции новичков на базе разработанных на местном уровне в нескольких голландских городах в начале 1990-х гг. таких курсов. Новичкам давали учебные материалы по изучению голландского языка и информацию о голландском обществе. Политика обязательной интеграции впервые была реализована в 1998 г. с появлением так называемого Закона об интеграции. На вновь прибывших мигрантов (*Wet Inburgering Nieuwkomers, WIN*) данный закон налагал определенные обязательства, в частности, прохождение языкового обучения и курсов по социальной интеграции, которые рассматривались как основные начальные условия успешной интеграции. С 2002 г., когда контроль над иммиграцией и интеграцией стал неразрывно связан между собой, министерство юстиции, которое занималось иммиграционным контролем, также стало ответственным за интеграцию. Новая политика была переименована в «интеграционную политику нового стиля»

и с 2002 г. она стала направлена на реформирование общественных интеграционных курсов.

В январе 2006 г. действие данного закона было расширено. В частности, были введены обязательные экзамены по интеграции для граждан третьих стран, которые подавали заявления на постоянное проживание в Нидерландах. Таким образом, не только вновь прибывшие иммигранты, но и иностранные граждане, прибывающие на территорию страны и намеревающиеся в ней постоянно проживать, были включены в категорию лиц, подлежащих обязательной интеграции. Дополнительный интеграционный план «Дельта» был внедрен правительством для предоставления больших возможностей прохождения языковых курсов и курсов по социальной интеграции, а также ускорения интеграции через участие в общественной жизни. В 2007 г. новое коалиционное правительство Нидерландов провозгласило политический курс под названием «Живем вместе, работаем вместе», что стало своеобразной попыткой примирения существующих разногласий в обществе относительно вопросов интеграции мигрантов. В основу новой политики были заложены принципы социального единства и участия. Сложностью данного подхода является сохранение достаточного образовательного уровня для второго и третьего поколений иммигрантов, который является необходимым условием для успешной интеграции данных категорий мигрантов на рынке труда.

Наибольшим инновационным изменением, предложенным законом, является применение санкций по отношению к иммигрантам, которые не смогли успешно сдать интеграционный тест, а также обязательство прохождения теста до приезда в страну для определенных категорий въезжающих. Согласно этому закону, получение разрешения на работу и проживание в стране требует значительных усилий и долгосрочной заинтересованности со стороны иностранного гражданина. На работодателя также наложены определенные обязательства.

Самым мощным выражением интеграционной и иммиграционной политики является новая политика, отраженная в Законе об интеграции за рубежом. Суть данного закона состоит в том, что иностранные граждане должны овладеть основами языка и знанием жизни общества до получения визы для приезда в Нидерланды. Тестирование происходит также в стране происхождения. Небезынтересен тот факт, что в материалах курса по цене 64 евро показаны, как правило, однополые браки и обнаженные до пояса женщины; сам тест предлагается в посольствах Голландии по цене 350 евро, к которому должна быть добавлена фактическая цена путевки (430 евро для разрешения на временное проживание и 850 евро для постоянного проживания) [*Bruquetas-Callejo et al.*, 2010].

Особенно этот закон отразился на претендентах на воссоединение семьи. Члены семьи в настоящее время обязаны пройти тест на интегра-

цию в голландском посольстве за рубежом в качестве предварительного условия для выдачи им вида на жительство. Так как не существует государственных программ голландского образования за рубежом, можно предположить, что «интеграция из-за рубежа» действительно стала инструментом предотвращения «нежелательной» иммиграции, потому что семейные мигранты, как правило, менее квалифицированные, чем другие, и таким образом не рассматриваются как ценные кадры для голландской экономики и общества. Отметим, что число семейных мигрантов резко сократилось после введения новой схемы. В феврале 2013 г. голландское правительство опубликовало задачи в области интеграции. Основные усилия политики сосредоточены на трех направлениях деятельности: 1) призыв самому участвовать в своей интеграции и быть самостоятельным; 2) установление лимитов и обучение; 3) контакты с другими людьми и интернализация ценностей [European Commission, 2014b]. При этом государство не устанавливает никаких обязательных условий посещения курсов, равно как и не организывает сами курсы. Национальное правительство устанавливает сертификационную систему для определения качества предоставляемых услуг по подготовке к сдаче экзамена. Организацией и проведением курсов занимаются различные частные и общественные организации — поставщики услуг. Иностранцы имеют полную свободу выбора способа подготовки к сдаче экзамена.

После поселения иммигранта в конкретном округе, его/ее персональные данные вносятся в муниципальную базу данных, после чего местные органы власти информируют вновь прибывшего иммигранта о правах и обязанностях. Во время ознакомительной ориентации вновь прибывший подписывает заявление, в котором обязуется раз в полгода отчетываться в своих успехах в интеграции перед местными органами власти. Со своей стороны, они обязаны контролировать процесс интеграции, с тем чтобы определить, когда иммигрант будет готов к сдаче теста. Если в течение пяти лет после поселения иммигранту не удастся успешно сдать экзамен по интеграции, на него/нее может быть наложен штраф. Подобная процедура применяется и в отношении ранее прибывших мигрантов [Международная организация по миграции, 2011].

Франция. Если в Нидерландах интеграция была явным отходом от своей предыдущей «политики этнических меньшинств», то интеграция во Францию скорее является продолжением своего старого ассимиляционного подхода. Франция была одной из первых стран, называющих иммиграционную политику интеграционной политикой [Guiraudon, 2008]. Начиная с 10 апреля 2003 г., Межведомственный комитет по интеграции ежегодно утверждает национальную программу действий, которая состоит из 55 пунктов, затрагивающих не только иммигрантское население, но и французских граждан. Цель данной программы — создание «путей интеграции» (*integration trajectories*), которые содействовали бы вклю-

чению иностранных граждан в жизнь французского общества, борьбе с дискриминацией и предоставлению иммигрантам равных с французскими гражданами прав. По истечении первых четырех лет добровольного участия иностранных граждан в интеграционных программах после всеобщих выборов 2002 г. французское правительство приняло за основу датскую модель интеграционной политики, которая предполагает заключение обязательных интеграционных контрактов с иностранными гражданами, намеревающимися получить разрешение на постоянное проживание в стране, а также установление сильной взаимозависимости между иммиграционной и интеграционной политикой. В июле 2003 г. правительство запустило амбициозную программу под названием «контракты на прием и интеграцию» (*Contrats d'accueil et de l'intégration, CAI*) [Joppke, 2007] по заключению обязательных интеграционных контрактов-соглашений между иностранным гражданином и государством по вопросам интеграции иммигранта, определяющих основные права и обязанности обеих сторон. Программа была апробирована в 12 районах Франции. Она состояла из одного дня обучения гражданственности, а затем (когда это считалось необходимым) не более чем 500 часов обучения французскому языку. Интересно, что только около трети новичков были направлены для зачисления на курсы французского языка, поскольку большинство французских новичков являются франкоговорящими. Это существенно отличает Францию от Голландии или Германии, где овладение языком является более актуальной проблемой. Начиная с 2006 г., а также после избрания на пост Президента Франции Николя Саркози в 2007 г. в иммиграционное законодательство был внесен ряд поправок. С января 2007 г. все прибывающие во Францию иммигранты обязаны заключать интеграционный контракт (*Contrat d'accueil et d'intégration*), обязующий мигранта, как проживающего в стране, так и впервые въезжающего на ее территорию, приложить все усилия для интеграции в принимающее общество, уважать французские ценности, такие как отделение церкви от государства, равенство между мужчинами и женщинами, членство в каком-либо общественном образовании (церковном хоре, футбольной команде и проч.), и освоить язык до требуемого законом уровня, а также в обязательном порядке пройти курс по страноведению и изучить особенности жизни во Франции. В день заключения контракта проходит просмотр фильма под названием «Живя во Франции», индивидуальное интервью, в котором проверяются языковые навыки иммигранта, выясняются его потребности в области работы, получения социального обеспечения и жилья, проходит медицинский осмотр.

Содержание курса по страноведению и основам жизни во Франции, так же как и объем изучаемого материала, может различаться для различных категорий иммигрантов. Дополнительно, в случае владения письменным и устным французским языком на недостаточно высоком уровне, иммигранты также должны пройти обязательный курс изучения языка.

Количество часов программы оговаривается с каждым иммигрантом индивидуально, однако при этом его уровень владения французским языком должен быть достаточным для натурализации.

Контракт подписывается на один год, с возможностью двухразового продления. *CAI* касается любого лица старше 18 лет. Вопросами заключения интеграционных контрактов занимается Национальное агентство по вопросам приема иностранных граждан и миграции (*National Agency for the Reception of Foreigners and Immigration, Anaem*). Основные задачи данной структуры состоят в приеме иностранных граждан, контроле подписания интеграционных контрактов и предоставлении иммигрантам всей необходимой информации по вопросам интеграции. Следует подчеркнуть, что есть и другое агентство *Acsé (ex-Fas and ex-Fasild)*, отвечающее также за интеграцию иммигрантов, поэтому можно сказать, что контракт является частью политики приема (иммиграционного контроля), а не чисто интеграционной политики. Контракт сейчас важен для получения постоянного места жительства («10-летней карты»), но в ближайшее время он будет необходим и для натурализации.

В рамках интеграционного контракта на государство возлагаются следующие обязанности: распространение основ гражданского образования о принципах и основах деятельности французских учреждений, ознакомление с ценностями Республики – республиканская форма правления, равенство между мужчинами и женщинами, светский характер власти, лингвистическое образование с последующей выдачей первоначального диплома об уровне владения французским языком, оказание социального сопровождения и поддержки лицам, чье личное, семейное или иное положение требует дополнительного участия со стороны государства. С 1 января 2007 г. эти действия государственных учреждений финансируются Офисом иммиграции и интегрирования Французской Республики (*OFPJ*) и бесплатны для иностранцев, подписавших контракт. Срок действия интеграционного контракта охватывается одним годом, в случае необходимости и по согласованию сторон он может быть возобновлен на идентичный срок.

В случае неисполнения интеграционного контракта иностранцем префект при принятии решения о продлении вида на пребывание/жительство может отказать в праве на пребывание в стране. К тому же исполнение условий контракта по интеграции во французское общество и изучение языка учитываются при предоставлении карты резидента (*carte de resident*) с правом ее последующего продления.

Германия. Германия впервые ввела практику гражданской интеграции к своим этническим переселенцам – выходцам из стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза, которые в силу их немецкого происхождения считаются «возвращенцами» согласно немецкому законодательству. С 1990-х гг. Германия предложила языковые курсы для потенциальных этнических мигрантов в странах их происхождения, кото-

рые должны подготовить их к «*status test*», который должен был сдан ими до того, как они получали право на иммиграцию в Германию. Переселенческая политика всегда предусматривала ряд мер, в том числе обучение языку, чтобы облегчить интеграцию переселенцев после их прибытия. Аналогичные курсы не были открыты для других иммигрантских групп, таких как, например, гастарбайтеры.

Новые интеграционные подходы, которые были введены Законом об иммиграции 2004 г. (*Zuwanderungsgesetz*), делали акцент на овладение языком. Главная новизна заключалась в том, что этнические и неэтнических мигранты теперь обучались по одной и той же 600-часовой программе изучения немецкого языка и 30 ч обучения посвящалось страноведению.

Несмотря на то что идея интеграционных курсов (*Integrationskurse*) [Özcan, Grimbacher, 2007] была впервые представлена в так называемой *Süssmuth Commission* 2001 г. [*The Independent Commission*, 2001], которая подготовила почву для Закона 2004 г. об иммиграции [*Act...*, 2004], как «право» переселенца, очевидно, что посещение интеграционного курса должно было стать обязательным. В *Süssmuth Commission* было сказано: «Курсы должны быть обязательными. Однако штрафы в случае непосещения... не могут быть реализованы практически». Возник определенный парадокс: как может быть обязательство без штрафных санкций? Та же нелогичность прослеживается и в других положениях Закона об иммиграции 2004 г. Так, ст. 44 определяет «право» участвовать в интеграционных курсах для новичков-мигрантов, не являющихся выходцами из ЕС, а раздел 44а, в свою очередь, создает «обязательство» принять участие в интеграционных курсах тех, о ком говорилось в предыдущем пункте, но кто «не может вести простую устную беседу на немецком языке». Согласно этой конструкции, некоторые «новички-мигранты» одновременно «имеют право» и «обязаны» записаться на интеграционные курсы. В Германии была развернута достаточно активная дискуссия вокруг новой интеграционной политики. Обсуждалось множество вопросов, в том числе санкции относительно интеграционных курсов: какой характер они должны были носить — больше позитивный или негативный; по оплате этих курсов — кто будет платить: мигрант или государство. Если государство, то это будет федеральное правительство или муниципалитеты? В конце концов был достигнут компромисс по обоим вопросам. Что касается санкций, то элемент позитивности заключался в том, что в случае успешного участия в интеграционном курсе требование относительно времени постоянного проживания для натурализации было снижено с восьми до семи лет. Был определен также каталог негативных санкций. Что касается финансовых санкций, то все сводилось к незначительному уменьшению социальных пособий в случае непосещения. Что касается вопроса о лишении вида на жительство, жесткая формула была включена в Закон 2004 г. об иммиграции (раздел 8.3), который утверж-

дал, что несоблюдение «может» привести к невозобновлению временного или отказу в получении постоянного вида на жительство.

Тем не менее сегодня интеграционная немецкая политика быстро движется в принудительном направлении. В мае 2006 г. после интенсивных дебатов по так называемым «убийствам чести» турецких иммигрантов и этнического насилия в государственной школе в Берлине федеральный министр внутренних дел Германии и внутренние министры земель пришли к единому мнению, что посещаемость общественных интеграционных курсов и изучение немецкого языка являются необходимой предпосылкой для натурализации. Кроме того, недавно в рамках реформы Закона об иммиграции было введено положение для семейных мигрантов как «интеграция из-за рубежа». В соответствии с этой последней реформой семейные мигранты в целом (за исключением мигрантов из таких развитых стран, как США или Австралия) обязаны доказать базовые знания немецкого языка в пункте въезда. Это положение было подвергнуто жесткой критике представителями крупной (в основном мусульманской) турецкой иммигрантской общины в Германии, которые считают, что основные цели реформы распространяются непосредственно на них.

Выводы. Мы на примере трех стран рассмотрели спектр контрактов по целям, средствам, выделенным для интеграции нового иммигранта в принимающее сообщество, срокам действия договора, а также важности договоров для получения вида на жительство и дальнейших шагов к гражданству. С одной стороны, договор является структурой стимулов для того, чтобы новички могли научиться говорить на языке принимающей страны с целью облегчения поиска работы и включения в местное общество. Языковые курсы – бесплатны, контракт не является обязательным, и санкции в случае неявки на обучение или прохождение ими теста минимальны. С другой стороны, контракт является, прежде всего, инструментом для сдерживания нежелательных миграционных потоков. Вместе с тем в интеграционной политике на Европейском континенте, как справедливо утверждает И.П. Цапенко, отмечается дрейф к более жесткому ее варианту [Цапенко, 2008]. Он проявляется, во-первых, в переходе от добровольных к обязательным курсам и увеличению штрафов за несоблюдение данного требования, во-вторых, в переходе от бесплатных курсов к платным, в-третьих, в установлении новых отношений между интеграцией и иммиграционной политикой, где политическая интеграция становится одним из способов ограничения въезда отдельных видов иммигрантов в страну. Например, устанавливается неписаное правило, что для некоторых категорий мигрантов, таких как те, кто хочет иммигрировать в рамках воссоединения семей или формирования семьи, основные языковые навыки должны быть проверены еще до прибытия в страну. Другими словами, появилась устойчивая тенденция к *внешней интеграции*, или интеграции за рубежом. В-четвертых, делается акцент на им-

мигрантов из развивающихся и пороговых стран, в отличие от развитых стран, таких как Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия и Япония, вследствие чего можно сделать предположение, что иммигранты из развивающихся и пороговых стран имеют меньше шансов успешно интегрироваться, чем из развитых. В-пятых, во всех договорах преобладают санкции, а не стимулы: например, невозобновление вида на жительство или утрата социальных прав. В-шестых, контракты размывают границы между иммиграцией и движением к получению гражданства, требуя выполнять обязанности гражданина от тех, кто еще таковым не является. Поэтому даже появились предложения заменить понятие «интеграционного контракта» на «иммиграционный контракт», чтобы показать, что интеграция иммигрантов — это действительно единственная цель контрактов. В-седьмых, договоры не рассматривают интеграцию с позиций участия принимающего общества.

Учитывая неудачи и опираясь на накопленный развитыми странами позитивный опыт, при принятии российского закона об адаптации и интеграции, при разработке содержания адаптационных и интеграционных контрактов мы должны, на наш взгляд, учитывать следующие моменты.

Во-первых, необходимо осознавать, что договор имеет очень узкое понимание интеграции как процесса. Принуждение иммигрантов к изучению языка или урокам истории и правоповедения не гарантирует им экономический успех или социальную включенность. Это зависит от многих факторов. Поэтому при всей целесообразности введения таких договоров в России мы должны при заключении таких соглашений усилить акцент на решение социально-экономических проблем, противодействие социальному исключению иммигрантов, накопление дезинтегрирующего и конфликтного потенциала, улучшение материального и социального положения иноэтничных общин и обеспечить их большую открытость, чтобы ослабить тенденции к акцентированию этнических отличий и культурной самобытности, к самореализации в экстремистских формах и т.п.

В-вторых, надо стараться повышать среди иммигрантов удельный вес тех, кто идентифицирует себя с Россией. В этом направлении должно постоянно актуализироваться правовое положение иностранцев, в том числе правила получения гражданства.

В-третьих, мы должны опасаться нашего российского прямолинейного подхода к оценке эффективности интеграции иммигрантов. Он не должен, на наш взгляд, базироваться только на количественных показателях, в том числе количестве заключенных договоров, количестве проведенных курсов, объеме полученных средств от работодателей или мигрантов, забывая о том, что происходит с прибывшими на самом деле. Для этого нужны постоянные мониторинги складывающейся ситуации.

Литература

1. *Малахов В.С.* (2014) Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России. Рабочая тетрадь. Российский совет по международным делам. URL: <http://russianscouncil.ru/common/upload/WP12Migration-Ru.pdf>
2. Международная организация по миграции (2011). Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области интеграции иммигрантов. / Пер. с англ. – М., 2011. Бюро Международной организации по миграции в Москве.
3. *Мукомель В.И.* (2013) Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. Российский совет по международным делам. URL: http://russianscouncil.ru/common/upload/wp_migration_413.pdf
4. *Цапенко И.П.* (2008) Развитые страны: интеграционная политика в отношении иммигрантов // Мировая экономика и международные отношения. – № 3. – С. 59–69.
5. *Юдина Т.Н.* (2014) Адаптационные и интеграционные контракты: опыт стран иммиграции для России. Алтайская школа политических исследований. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2851>
6. Act to Control and Restrict Immigration and to Regulate the Residence and Integration of EU Citizens and Foreigners (Immigration Act) of 30 July 2004 / Federal Law Gazette Volume 2004, Part I, No. 41, issued in Bonn on 5 August 2004. URL: http://www.proasyl.de/fileadmin/proasyl/fm_redakteure/Englisch/German_Immigration_Act.pdf
7. *Brubaker R.* (2012) The Role of the State in Cultural Integration: Trends, Challenges, and Ways Ahead, Ahead. – Washington, DC: Migration Policy Institute.
8. *Bruquetas-Callejo M., Garcés-Mascreñas B., Penninx R., and Scholten P.* (2010) Policymaking Related to Immigration and Integration. The Dutch Case, Working Paper N 15. IMISCOE WP Country report. URL: <http://www.mighealth.net/nl/images/8/8c/Brus.pdf>
9. European Commission (2007). Integration Fund. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/integration-fund/index_en.htm
10. European Commission (2008). Strengthening actions and tools to meet integration challenges. Report to the ministerial Conference on Integration, Commission Staff Working Document, SEC 2626, Brussels, 8 October 2008.
11. European Commission (2014a). Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF), 2014. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/integration-fund/index_en.htm
12. European Commission (2014b). European Migration Network / Ad-Hoc Query on Immigrant Integration Plans. URL: [http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/ad-hoc-queries/integration/497_emn_ahq_immigrant_integration_plan_15jan2014_\(wider_dissemination\).pdf](http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/ad-hoc-queries/integration/497_emn_ahq_immigrant_integration_plan_15jan2014_(wider_dissemination).pdf)
13. *Jacobs D., Rea A.* (2007) The End of National Models? Integration Courses and Citizenship Trajectories in Europe, paper presented at the EUSA conference in Montreal, 17–19 May 2007.

14. *Guiraudon V.* (2008) Integration Contracts for Immigrants: Common Trends and Differences in the European Experience / Area: Demography, Population & International Migrations, ARI 43/2008, Date: 7/5/2008. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/6fe038004f018be18123e53170baea d1/ARI43-2008>
15. International Organization for Migration. Legislation and policies in the sphere of immigrant integration. Digest of legal acts, policies and practices of 19 states in the sphere of immigrant integration. Published by the IOM Moscow Office, 2011.
16. *Joppke C.* Do Obligatory Civic Integration Courses for Immigrants in Western Europe further Integration? / Police Drief, № 8, October 2007. URL: http://www.hwwi.org/uploads/tx_wilpubdb/PB08_IntegrationCourses_02.pdf
17. *Joppke C.* Citizenship and Immigration. – Cambridge: Polity Press, 2010.
18. *Özcan V., Grimbacher S.* “Deutschland”, focus Migration Länderprofil Nr. 1, 2007. URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/kurz dossiers/57371/Deutschland>
19. The Independent Commission on Migration to Germany. “Structuring Immigration, Fostering Integration,” July 2001. URL: http://www2.rz.hu-berlin.de/population/zuwanderungskonzepte/Zusammenfassung_des_Berichts_als_PDF-Download_engl.pdf

МОЛОДЕЖНАЯ СТРАНИЧКА

Гахраманова Урниса Полад кзы

ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ

Аннотация. *В статье рассмотрена эволюция иммиграционного и интеграционного законодательства Германии. Делается анализ политики интеграции иммигрантов, проводимой немецкими властями в отношении различных групп мигрантов. Основное внимание уделяется конкретным мерам, предпринятым властями Германии для успешной интеграции в немецкий социум порядка 15 млн человек, принадлежащих к категории населения с миграционным фоном. Автором сделан вывод, что опыт Германии может быть полезен для России, в которой в связи с ростом антимигрантских настроений вопрос об интеграции иммигрантов выходит на передний план.*

Ключевые слова: миграция в Германию, иммиграционная политика Германии, политика интеграции мигрантов.

Введение

Основные иммиграционные процессы в XX в. начались в Германии после окончания Второй мировой войны, когда активно развивающаяся экономика требовала рабочих рук, которых сама Германия вследствие больших человеческих потерь во время войны была не в состоянии обеспечить. В те годы немецкое правительство относилось к трудовой миграции как к временному явлению: гастарбайтеры воспринимались гостями, которые, выполнив свои обязательства, вернутся обратно, однако этого не случилось, трудовые мигранты превратились в иммигрантов. В конечном итоге игнорирование немецкими властями иммигрантов привело к росту социальной напряженности, ксенофобии и столкновениям иммигрантов и местных. Иммигранты оказались за чертой немецкого общества. Не получив доступа к образованию и рынку труда, они организовали свои «чайна-тауны» — мигрантские анклавы.

К началу 2000-х гг. Германия больше не могла себе позволить игнорировать тот факт, что огромная часть населения страны фактически живет за гранью немецкого общества, и начала проводить целенаправленную интеграционную политику. Спустя 50 лет после начала привлечения мигрантов в стране наконец-то были приняты интеграционные законы, созданы интеграционные курсы, интеграция стала центральным звеном проводимой страной иммиграционной политики.

Основные группы мигрантов, въезжающих в Германию

В XX в. Германия пережила несколько крупных иммиграционных волн, которые были обусловлены социальными и политическими преобразованиями в жизни немецкого общества. Условно поток иммигрантов в Германию можно разделить на четыре большие группы:

- переселенцы и поздние переселенцы: этнические немцы, иммигрировавшие в Германию по программам переселения. За период с 1990 по 2011 г. в Германию в качестве переселенцев въехало более 2,5 млн человек, из них порядка 1,6 млн являются поздними переселенцами¹;
- трудовые мигранты, приглашенные в Германию в соответствии с двусторонними соглашениями о привлечении рабочей силы, заключенными в 1955–1973 гг. В результате этих договоренностей в период с 1960 по 1973 г. количество иностранного населения Германии возросло с 686 тыс. до 2,6 млн человек². В целом же в период с 1973 по 1988 г. число иностранцев в Германии росло достаточно медленно – с 4 млн до 4,8 млн человек, что составляло порядка 7,5% населения. Однако начиная с 1988 г. число лиц иностранного происхождения, въезжающих в Германию, вновь стало расти, значительно превышая число выезжающих из страны [*Federal Ministry of the Interior*, 2011]. В конечном итоге количество мигрантов в ФРГ увеличилось во многом благодаря тому, что трудовые мигранты, приехавшие по контракту, стали продлевать свои трудовые договоры, а также перевезти свои семьи, превращаясь таким образом в иммигрантов. Однако, несмотря на это, немецкое общество и власти все еще воспринимали их как временных, считая, что данная группа лиц не нуждается во встраивании в существующую немецкую действительность;
- все остальные (беженцы, еврейская иммиграция и т.д.).

Эволюция интеграционного законодательства Германии

Рост количества мигрантов в 1970–1980 гг. повлек за собой рост антимигрантских настроений, усиление проблемы интеграции мигрантов в немецкое общество. По этой причине в ФРГ стали предприниматься отдельные попытки, направленные на интеграцию мигрантов в немецкий социум.

Однако фактически вплоть до 2000-х гг. как таковой интеграционной политики в отношении различных групп мигрантов в Германии не проводилось. Исключением можно считать лишь интеграционную помощь

¹ <http://www.bpb.de/nachschlagen/zahlendeutschland/61643/aussiedle>

² <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciyamigrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda>

поздним переселенцам, заключающуюся в первую очередь в изучении немецкого языка.

Существенные изменения в пересмотре миграционной политики произошли в Германии в мае 1999 г. после нового Закона «О гражданстве и о правах иностранцев» (*Das Staatsangehörigkeitgesetz*). Главной целью реформирования законодательства о гражданстве было стремление немецких властей создать условия для более полной интеграции иностранцев, долгое время проживающих и трудящихся в Германии на легальных основаниях.

Ключевым положением нового закона стало дополнение «принципа происхождения», лежащего в основе приобретения гражданства Германии, правом на приобретение гражданства по рождению. Согласно новому закону, каждый ребенок, рожденный от иностранных родителей на территории Германии после 1 января 2000 г., сразу же приобретает немецкое гражданство, если к моменту его рождения хотя бы один из его родителей постоянно и правомерно проживал в Германии как минимум в течение восьми лет, имеет разрешение на бессрочное пребывание. Таким образом, дети, родившиеся в Германии от родителей-иностранцев, получают возможность полноправного участия в немецком обществе.

Новый закон также облегчал получение гражданства для иностранцев: если раньше иностранному гражданину необходимо было проживать в Германии не менее 15 лет, то отныне этот срок сокращался до восьми лет.

Следующим важным шагом в реформировании миграционной политики Германии стало принятие в августе 2004 г. Закона «Об иммиграции». Он гарантирует вновь прибывшим в Германию иммигрантам государственную помощь в интегрировании в немецкое общество. Данная помощь в первую очередь заключается в организации интеграционных курсов, включающих изучение немецкого языка (600 учебных часов)¹. Сдача экзамена и получение сертификата по их окончании являются важным условием приобретения постоянного вида на жительство. Помимо этого, для успешно окончивших интеграционные курсы требование правомерного 8-летнего пребывания в Германии может сократиться до одного года [Скорняков, 2009]. Таким образом, доминирующее положение в немецкой иммиграционной политике занимают вопросы регулирования интеграции иммигрантов, в которых главенствующее положение отводится языковой политике.

Принятие ряда иммиграционных законов сопровождалось выделением 17,5 млн евро на программы по обучению немецкому языку и еще 31,5 млн евро для различных интеграционных проектов на местном уровне. При этом оставались открытыми вопросы по стимулированию

¹ В 2006 г. к курсам по изучению языка добавили ориентационный курс (30 учебных часов), включающий лекции по культуре, истории, основам права и политике ФРГ.

занятости иммигрантов, а также вопросы, связанные с интеграцией иммигрантов на рынок труда [Карачурина, 2007].

Национальный план по интеграции

В 2007 г. на втором интеграционном саммите при участии представителей мигрантских и общественных организаций канцлер Ангела Меркель представила «Национальный план по интеграции» (*Nationaler Integrationsplan*). План интеграции реализуется на федеральном, региональном и местном уровнях. На федеральном уровне ключевое внимание уделяется образовательному процессу, языковым и интеграционным курсам, занятости, пропаганде культурной интеграции. Особое внимание было уделено интеграции через спорт (в частности, целенаправленный отбор детей из иммигрантских семей в спортивные школы), спортивные мероприятия, а также участие СМИ в процессах интеграции (программы на телеканалах, публикации в периодических изданиях полезной информации, связанной с изучением немецкого языка, основами права и т.п., различные сайты с информацией о вакансиях для иммигрантов и т.д.). Роль региональных органов является сквозной – они должны поддерживать местные органы в осуществлении поставленных на федеральном уровне задач, способствовать борьбе с ксенофобией, а также поддерживать различные легальные формы занятости населения с миграционным фоном.

План интеграции представляет собой документ, состоящий из 400 добровольных обязательств, которые взяли на себя представители государственных органов, различных общественных объединений и бизнеса, для ускорения процесса интеграции 15 млн иммигрантов в немецкий социум. Помимо этого, данный план предполагал ежегодное выделение государством 750 млн евро для интеграционных мероприятий, включающих в себя интеграционные курсы, а также мероприятия по улучшению положения иммигрантов на рынке труда, дошкольное обучение детей немецкому языку, увеличение количества иммигрантов, работающих на административных должностях, в школах, и т.п. В свою очередь, на бизнес была возложена обязанность создать порядка 10 тыс. новых рабочих мест, профессиональных тренингов для иммигрантов, мигрантские организации должны были обеспечить проведение мероприятий в рамках защиты прав женщин, а также доступа молодых иммигрантов к образовательным программам и т.д.¹

Несмотря на то что интеграционный план Германии создавался при участии представителей различных общественных структур и государства и затрагивает различные сферы жизни, его реализация вызывает огромное количество критики со стороны политиков, ученых и негосу-

¹ <http://www.dw.de/в-германии-представлен-национальный-план-интеграции-иммигрантов/a-2680456/>

дарственных организаций, поскольку до сих пор многие вопросы в области интеграционных процессов остаются открытыми. В первую очередь остается нерешенным самый главный вопрос — полноценная интеграция на рынок труда населения с иммиграционным фоном (согласно переписи населения, более 19% от общей численности населения относятся к данной категории граждан); уровень безработицы среди иммигрантов в 2007 г. был примерно в 2 раза выше, чем среди всего населения Германии и составлял порядка 20%.

Остается открытым вопрос и с получением полного среднего и высшего образования. Только порядка 30% от общего количества иммигрантов, обратившихся с заявлением в приемные комиссии колледжей и вузов, получали места. Главной причиной этого явления немецкие исследователи называли низкий образовательный уровень детей из иммигрантских семей: порядка 17% выпускников школ, являющихся детьми иммигрантов, после окончания школы не получают аттестат о среднем образовании [Buergin, 2010].

Тем не менее исследования показывают, что трудоустройство даже высококвалифицированных специалистов из семей с миграционным прошлым тоже затруднено: коэффициент занятости выпускников вузов из иммигрантских семей гораздо ниже, чем уровень занятости остальных выпускников. По мнению немецких специалистов, этот факт объясняется отсутствием у иммигрантов необходимых социальных связей для устройства на работу, а также дискриминацией [Buergin, 2010].

Заключение

К сожалению, многие вопросы, связанные с интеграцией иммигрантов в немецкое общество, остались за рамками интеграционной политики Германии. В частности, в «Национальном плане по интеграции» говорится, что интеграция — это двусторонний процесс взаимодействия принимающего общества и самих мигрантов. Фактически же получается, что меры интеграционной политики в основном ориентированы на мигрантов, а работа с местным населением практически не проводится, в результате чего среди принимающего населения все еще высоки анти-мигрантские настроения. С нашей точки зрения, именно этот факт оказывает сильное воздействие на низкую эффективность (по сравнению с остальными европейскими странами) всей проводимой интеграционной политики. Об этом же свидетельствуют и результаты различных исследований¹, согласно которым в Германии, например, затруднен доступ иммигрантов к рынку труда (дискриминация мигрантов при приеме

¹ Например, результаты исследований в рамках *MIPEX* — Индекса интеграционной политики, согласно которым Германия занимает лишь 13-е место по эффективности реализуемой интеграционной политики, значительно отставая от стран-лидеров, таких как Швеция, Португалия, Франция и т.д. URL: <http://www.mipex.eu/germany>

на работу). Помимо этого, исследования показывают, что не лишена недостатков и языковая политика: высокий языковой уровень в тестах для получения гражданства, тесты на знание немецкого языка усложняют процесс воссоединения семей и т.д.

В России только сейчас интеграционная политика начинает рассматриваться как неотъемлемая часть миграционной политики, именно поэтому нашей стране крайне важно учитывать положительный и отрицательный опыт других стран и особенно Германии, в которой вопрос взаимодействия местного и приезжего населения стоит как нигде остро.

Литература

1. *Карачурина Л.Б.* (2007) Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России? // Электронный журнал «Демоскоп». – № 303–304.
2. *Скорняков И.А.* (2009) Эволюция законодательства в области регулирования репатриационных, иммиграционных и интеграционных процессов в ФРГ // Вестник Томского государственного университета. – Вып. 327.
3. Federal Ministry of the Interior (2011). Migration and Integration Residence law and policy on migration and integration in Germany.
4. *Buergin A.* (2010) The National Integration Plan: A Paradigm Shift in the Integration Policy of Germany? // International Study Association Annual Conference 2010, New Orleans.

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЕ РАБОТЫ

Schunck R. Transnational Activities and Immigrant Integration in Germany – Concurrent or Competitive Processes? – Springer International Publishing Switzerland, 2014. – 303 p.

В издательстве *Springer*, публикующем научную серию книг *International Perspectives on Migration*, вышла книга доктора социологии из Билефельдского университета в Германии Рейнхарда Шунка, которая посвящена исключительно актуальной в наше время для многих стран теме интеграции мигрантов. Название книги сформулировано нарочито остро: «Транснациональная активность и интеграция иммигрантов в Германии – взаимодополняющие или взаимоисключающие процессы?». В тот момент, когда в странах, принимающих мигрантов, остро стоит вопрос о том, как следует наиболее эффективно организовать процесс интеграции мигрантов, число которых постоянно увеличивается, – такой заголовок книги обещает дать хоть какую-то часть ответов на этот вопрос.

Сам автор указывает, что обычно тема интеграции мигрантов рассматривается в парадигме взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом и существования факторов и условий, способствующих или препятствующих их эффективному взаимодействию. Р. Шунк предлагает взглянуть на тот аспект, которому уделяется пока мало внимания в исследованиях, а именно – на транснациональную активность мигрантов (регулярные контакты со страной происхождения, поездки на родину и т.д.) в контексте перспектив их интеграции в принимающем обществе. Иными словами, вопрос ставится о том, препятствует ли интеграция мигрантов в принимающей стране сохранение ими активных контактов со страной происхождения? И наоборот – способствует ли успешная интеграция в принимающей стране поддержанию активной транснациональной деятельности иммигранта?

Такая постановка вопроса, считает автор, закономерна в современном глобализирующемся мире, где в отличие от предшествующих периодов мигрант вовсе не обязательно переезжает в другую страну, разрывая свои связи с родиной, «выкорчевывая» себя из нее (с. 48). Сейчас мигрант имеет возможности – коммуникационные, информационные, транспортные, профессиональные – сохранять и поддерживать активную связь с родной страной, регулярно (или нерегулярно) перемещаясь через границы двух стран. Автор указывает три основных поля транснациональной деятельности мигрантов: 1) *экономическое* (транснациональное

предпринимательство, торговля со страной происхождения, денежные переводы, инвестиции в недвижимость в стране происхождения); 2) *политическое* (участие в выборах, членство в политической организации или иное участие в политической жизни в стране происхождения); 3) *социокультурное* (частые визиты к друзьям или семье в стране происхождения, участие в социальных организациях в стране происхождения) (с. 49).

Понятно, что серьезно ограничивает исследование такого рода крайняя скудность информации о том, насколько иммигранты вовлечены в транснациональную активность. Даже в Европе, которая отличается относительно хорошим уровнем миграционной и экономической статистики и масштабностью социологических исследований в области миграции, оценить регулярность контактов мигрантов со страной происхождения представляется непростой задачей. Автор книги делает собственные оценки того, насколько иммигранты, проживающие в Германии, вовлечены в транснациональную деятельность, и приходит к выводу, что мигранты как первого, так и второго поколений довольно активны в посещении родной страны (страны проживания своих родителей). А вот в том, что касается денежных переводов мигрантов на родину, тут наблюдаются четкие различия между мигрантами первого поколения, которые склонны отправлять деньги на родину родным, и мигрантами второго поколения, для которых этот канал связи с родиной практически исчезает.

Для проведения исследования Р. Шунк выстраивает теоретическую модель, призванную описать, как транснациональная деятельность влияет на интеграцию иммигрантов, и, наконец, предпринимает эмпирическую проверку этой теоретической модели.

При этом автор четко структурирует понятие интеграции, разделяя его на четыре составляющих процесса и соответственно четыре измерения интеграции: 1) процесс аккультурации → культурная интеграция (язык, образ жизни, навыки, умения); 2) процесс позиционирования → структурная интеграция (образование, права, доход); 3) процесс взаимодействия → социальная интеграция (друзья, семья, брак); 4) процесс идентификации → эмоциональная интеграция (идентичность, солидарность, ценности). Эта структуризация дает ему основания в дальнейшем изложении рассмотреть влияние транснациональной деятельности мигрантов на каждое измерение интеграции в отдельности (гл. 8).

Выстраивая свою теоретическую модель, автор рассматривает транснациональную деятельность мигрантов через призму таких факторов интеграции, как знание ими немецкого языка, участие в рынке труда и намерение остаться в Германии на постоянное местожительство. В ходе эмпирической проверки выдвинутой гипотезы о том, что активная транснациональная активность препятствует интеграции, автор приходит к выводу, что вопреки ожиданиям для мигрантов первого поколения эта связь не прослеживается. Частые поездки на родину не препятствуют и не противоречат намерению интегрироваться в принимающее общество. А вот

для иммигрантов второго поколения поездки на родину родителей несколько снижают стимулы к более глубокой интеграции в стране их проживания. О причинах такого на первый взгляд парадоксального явления Шунк умалчивает. Впрочем, автор предупреждает, что к результатам его исследования следует относиться как к предварительным, поскольку они основаны на недостаточно репрезентативных эмпирических данных.

Общий вывод автора заключается в том, что для мигрантов как первого, так и второго поколений вовлеченность в транснациональную деятельность, подразумевающая сохранение связей со страной происхождения, и интеграция в принимающем обществе не являются взаимоисключающими процессами. В то же время успешная интеграция в стране назначения сопровождается сокращением транснациональной активности (поездки на родину становятся все более редкими), что, в общем-то, является вполне предсказуемым выводом с социально-психологической точки зрения.

Призыв автора изучать интеграцию мигрантов и их транснациональную активность в их взаимосвязи, а не разрозненно совершенно справедлив. Поиск методологии такой взаимосвязи, несомненно, заслуживает внимания. Однако пока, несмотря на остро поставленный в названии книги вопрос о взаимосвязи интеграции и транснациональной активности мигрантов, ответ получился довольно невыразительным. Может быть, причина в том, что есть масса факторов, не рассмотренных автором, которые имеют значение для конкретных пар стран, но теряются, когда анализируется вся совокупность иммигрантов (например, если в культурном плане страна происхождения не очень дистанцирована от Германии, влияния транснациональной активности может и не наблюдаться, в то же время, если страна представляет собой принципиально иную культуру и религию, частые погружения мигранта в родную, понятную ему среду могут играть гораздо более заметную тормозящую интеграцию роль).

Тем не менее книга интересна с точки зрения выстраивания методологии исследования, формулирования гипотез, подбора переменных для интеграционной модели. Она также интересна с точки зрения обзора имеющейся литературы по интеграции мигрантов – от Чикагской школы до современных концепций интеграции (гл. 2) и существующих концепций транснационализма (гл. 3), так что может быть полезна тем, кто только начинает свои исследования в области интеграции мигрантов и формирования современного общества, где мигранты играют все более весомую роль.

И.В. Ивахнюк

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивахнюк Ирина Валентиновна – доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Молодикова Ирина Николаевна – научный сотрудник факультета социальных наук и политики Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)

Юдина Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной сферы Российского государственного социального университета (Москва, Россия)

Гахраманова Урниса Полад кзы – выпускница кафедры народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ИНФОРМАЦИЯ О СЕРИИ

Научная серия «**Международная миграция населения: Россия и современный мир**» была основана в 1998 г. на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Идея создания серии была связана с резко возросшим масштабом и значением международной миграции в современной России, активизацией теоретических и прикладных исследований российских демографов и экономистов в этой области, в то время как в стране не существовало ни одного научного периодического издания по международной миграции.

Главный редактор серии — В.А. Ионцев, профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ, ответственный секретарь — заместитель заведующего кафедрой народонаселения, доцент, доктор экономических наук И.В. Ивахнюк.

Выпуски серии выходят два раза в год; они представляют собой как сборники статей, так и индивидуальные монографии. Фактически на страницах серии происходит активный обмен мнениями российских и зарубежных ученых по различным теоретическим и прикладным аспектам участия России в международной миграции населения, ее причин и последствий.

Первый выпуск (1998 г.) был составлен преимущественно на основе докладов, представленных российскими учеными на Генеральной конференции *IUSSP* в Пекине, Китай, в октябре 1997 г. (подробная информация о Конференции представлена в данном выпуске.) Это статья *В.А. Ионцева и А.Н. Каменского «Россия и международная миграция населения»*, раскрывающая проблемы, связанные с участием России в мировых миграционных процессах на новом этапе своего развития. Статья *А. Островского «Миграция рабочей силы из Китая на российский Дальний Восток: возможности иммиграции сегодня и в будущем»*, касается превращения трудовой миграции в постоянную иммиграцию в конкретном российском регионе.

Другие статьи первого выпуска посвящены исключительно актуальному для России аспекту международной миграции — «утечке умов»: *И.Г. Ушкалов «Интеллектуальная эмиграция из России: факторы, масштабы, последствия, возможности регулирования»*; *И.А. Малаха «Утечка умов» в странах Центральной и Восточной Европы: состояние, политика регулирования*. Кроме того, первый выпуск серии включает рецензию на знаменитую книгу Джулиана Саймона «Экономические последствия иммиграции». Рецензии на заметные публикации российских и ино-

странных специалистов по международной миграции являются обязательным разделом каждого из выпусков серии.

Второй выпуск (1999 г.) представлен широким диапазоном тем, связанных с международной миграцией населения в России и в мире: *В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова «Внешняя» миграция между Россией и странами ближнего зарубежья (исторический обзор)*; *И.В. Ивахнюк «Опыт государственного регулирования международной трудовой миграции (на примере Турции)*; *А.Н. Каменский «Экспорт рабочей силы и влияние переводов трудящихся мигрантов на платежные балансы стран выезда*; *И.Г. Ушкалов «Эмиграция и иммиграция: российский феномен*». Помимо статей российских ученых, в сборник включена работа профессора *Янеша Малачица* (Университет Любляны, Словения) *«Ситуация на рынке труда и в сфере международной миграции в центральноевропейских странах с переходной экономикой*. Начиная с этого выпуска, приглашение зарубежных коллег, работы которых нечасто можно прочесть на русском языке, стало традицией серии: каждый выпуск серии включает по крайней мере одну статью иностранного ученого, специализирующегося по проблемам международной миграции.

Третий выпуск (1999 г.) представлен монографией *В.А. Ионцева «Международная миграция населения: теория и история изучения*». В книге рассмотрены современные теоретические направления в объяснении международной миграции населения, дана классификация основных научных подходов к ее изучению. Работа содержит подробный анализ участия России в международных миграционных потоках начиная с XVIII в. до современного этапа развития, а также прогноз развития миграционной ситуации в стране и регионе. Монография дополнена кратким терминологическим словарем по миграции. Заслуживает внимания также обширная библиография, включающая более 1200 названий работ российских и зарубежных авторов по миграционной тематике.

Четвертый выпуск (2000 г.) включает статьи российских и зарубежных ученых, отображающих как современные глобальные тенденции в международной миграции населения, так и специфику миграционных потоков в Россию и из нее. Статья профессора *Семы Эрдер* (Университет Мармара, Турция) *«Новые тенденции международной миграции и опыт Турции*» представляет точку зрения автора на миграционную картину в современной Европе и меняющееся место в ней Турции. Появление нового миграционного пространства в Восточной Европе привело к появлению качественно новых миграционных потоков в регионе. Это стало объектом двух других статей выпуска: *И.В. Ивахнюк «Взаимодействие России и Турции в области международной трудовой миграции*; *Е.С. Красинец, Е.В. Тюрюканова «Миграция Россия — Италия как модель этнонейтральной экономической миграции*». Этнический аспект международной миграции представлен в статье израильского демографа *Марка Тольца* (Иерусалимский университет) *«Миграция российских евреев в 90-е гг.*». Среди

рецензий, помещенных в четвертом выпуске, одна заслуживает особого внимания. Это последняя книга *И.Г. Ушкалова* и *И.А. Малахи* «*Утечка умов: масштаб, причины, последствия*». Это не просто хорошая книга, но последняя прижизненная публикация Игоря Георгиевича Ушкалова, безвременно ушедшего из жизни в ноябре 1999 г. Он, безусловно, был одним из лучших специалистов по международной интеллектуальной миграции.

Пятый выпуск (2000 г.) объединен одной общей темой — влияние международной миграции населения на демографическое развитие. Ситуация в трех бывших республиках СССР — России, Украине и Армении — анализируется в статьях демографов из соответствующих стран: *В.А. Ионцев* «*Международная миграция населения и демографическое развитие России*»; *А.У. Хомра* «*Международная миграция и демографическое развитие Украины*»; *Р.С. Еганян* «*Демографические реалии и перспективы Республики Армения на пороге XXI века*». Показательно сравнение опыта этих трех стран, в которых международная миграция играет прямо противоположную роль на протяжении последнего десятилетия. Статья *М.Б. Денисенко* «*Замещающая миграция*» представляет собой анализ отчета по Научному проекту ООН по замещающей миграции, участником которого был автор. В статье делается попытка дать ответ на вопрос, может ли замещающая миграция решить проблему старения и сокращения населения в развитых странах. Статья профессора Лувэнского католического университета (Бельгия) *Мишеля Пулэна* «*Источники данных для измерения международной миграции в странах Центральной Европы*» является серьезным вкладом в разработку единой методологии исследований международной миграции населения.

Шестой выпуск (2001 г.) полностью посвящен вынужденной миграции населения и приурочен к 50-летию юбилею деятельности Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и принятия Конвенции 1951 г., касающейся статуса беженцев. Региональное представительство УВКБ ООН в Российской Федерации поддержало издание этого выпуска, и обзорная информация о его деятельности в России за последние пять лет представлена на страницах книги. Естественно, все статьи шестого выпуска посвящены вынужденной миграции населения: *В.И. Мукомель* «*Вынужденная миграция в контексте миграционных процессов и миграционной политики стран СНГ: этапы развития*»; *Марек Околки* (Польша) «*Миграционное давление на Европу*»; *С.В. Рязанцев* «*Вынужденная миграция в Европе: современные тенденции и проблемы управления*»; *Филипп Ваннер* (Швейцария) «*Ищущие убежища в Швейцарии: социально-демографические характеристики*»; *М.Н. Куница* «*Вынужденная миграция населения в региональном развитии: особенности и проблемы в Брянской области*»; *С.А. Ганнушкина* «*Право и политика России в области миграции*»; *Я. Нисанов* «*Тоталитарные традиции и свободное предпринимательство в России: коллизии права, вынуждающие мигрировать*».

Седьмой выпуск (2002 г.) несколько нарушил хронологию серии, поскольку приурочен к юбилею Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в структуру которого входит кафедра народонаселения. Он представляет собой аннотированную библиографию трудов по миграции сотрудников Центра за все годы его существования и называется «*Миграция населения: 35 лет исследований в Центре по изучению проблем народонаселения (1967–2002 гг.)*», составитель — *И.В. Ивахнюк*. Библиография дает представление о масштабе и традициях миграционных исследований, создавших хорошую теоретическую основу для формирования современного подхода к изучению нынешнего, качественно нового этапа в миграционной истории России.

Восьмой выпуск (2001 г.) посвящен вопросам статистики и учета международной миграции населения, имеющих своеобразные национальные особенности и значительные различия, что зачастую затрудняет глубокий сравнительный анализ мировых миграционных потоков. Статья *О.С. Чудиновских* «*Состояние и перспективы текущего учета миграции в России*» анализирует недостатки существующей в настоящее время в России системы первичной регистрации мигрантов, которые выступают препятствием для получения достоверных статистических данных по миграции и научного исследования миграционных процессов в стране. Статья *М.Б. Денисенко* «*Эмиграция из России по данным зарубежной статистики*» представляет национальную иммиграционную статистику иностранных государств как альтернативный, более точный источник оценки эмиграционных потоков из России. Небольшая статья *Жоржа Тапиноса* «*Международная миграция населения как фактор экономического развития*» содержит некоторые ценные методологические замечания и ориентиры, весьма актуальные для нынешней миграционной ситуации в России и других государствах бывшего СССР. Статья *А.Е. Слуки* «*Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы*» продолжает важную для нас тему роли международной миграции в демографическом развитии, заявленную в третьем и пятом выпусках.

Девятый выпуск (2002 г.) также имеет единую тему, исключительно актуальную и для России, и для многих других стран мира, — нелегальная, незаконная миграция. Анализ незаконной миграции представлен в широком географическом и тематическом разрезе. В ряде статей рассмотрена ситуация с незаконной миграцией в России: *Г.С. Витковская* «*Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия*», *Е.С. Красинец* «*Незаконная иммиграция и латентная занятость в приграничных территориях Российской Федерации*»; *Т.И. Куценко* «*Нелегальная миграция и незаконная занятость иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ*». Другие статьи посвящены анализу аналогичных проблем в иных странах СНГ: *Е.Ю. Садовская* «*Предупреждение незаконной миграции в Республике Казахстан*»; *Л.П. Шахотько* (Беларусь) «*Нелегальная ми-*

грация: факторы роста и пути решения». Специфика геополитического положения государств бывшего СССР и относительная «прозрачность» границ между нами привела к формированию особого евроазиатского миграционного пространства, используемого как транзитный коридор для переправки нелегальных мигрантов из Азии в Европу. Авторы указывают на неразрывность проблем нелегальной миграции и незаконной занятости и на значимость мер государственного контроля за незаконным использованием иностранной рабочей силы в контексте борьбы с незаконной международной миграцией.

Десятый, юбилейный выпуск (2002 г.) составлен из статей признанных специалистов в области международной миграции из разных стран мира. В них представлены как теоретические аспекты изучения миграции населения, так и анализ тенденций развития миграционной ситуации в отдельных странах и регионах. В статье *Дугласа Массея* (США) «*Синтетическая теория международной миграции*» делается попытка сформулировать универсальную, обобщающую теорию миграции на основе существующих концепций. *Дирк ван де Каа* (Нидерланды) в статье «*О международной миграции и концепции второго демографического перехода*» убедительно доказывает важность включения миграции населения в анализ демографического развития, делая значительный теоретический шаг в понимании классической теории демографического перехода. По-разному, но одинаково интересно предлагают взглянуть на проблемы миграции высококвалифицированных кадров в современном мире *Реджинальд Эпплс* (Австралия) в статье «*Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире*» и *Ирина Малаха* (Россия) в статье «*К вопросу об «утечке умов» в России во второй половине 1990-х гг.*». Новый теоретический подход к пониманию современных тенденций международных миграционных потоков предлагает *Мэри Критц* (США) в статье «*Международная миграция: развитые страны как «экспортеры» населения*». Особого интереса заслуживает статья *Марека Окольского* (Польша) «*Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии*», где автор показывает роль демографических процессов, и прежде всего миграции, в смене человеческих цивилизаций, в частности, в грядущей смене европейской цивилизации (при условии сохранения современных демографических тенденций в Европе) азиатской цивилизацией, что, по существу, уже происходит в результате китайской иммиграции. Статья *Вили Гельбраса* (Россия) «*Китайская миграция и китайские землячества в России*» удачно развивает и конкретизирует эту тему. Изменения в миграционных тенденциях в странах Восточноевропейского региона и бывшего СССР находятся в центре внимания целого ряда статей: *Янеш Малачич* (Словения) «*Тенденции международной миграции в Центральной и Восточной Европе в конце 1990-х гг. и начале XXI века*»; *Марк Тольц* (Израиль) «*Статистический анализ алии и эмиграции евреев из России*»; *Андрей Каменский* (Россия) «*Современное участие России в международной*

трудоустройственной миграции»; Владимир Ионцев, Ирина Ивахнюк (Россия) «*Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.)*».

Одиннадцатый выпуск (2003 г.) озаглавлен «Миграция и национальная безопасность», что отражает активизировавшуюся в российском обществе, в научных и правительственных кругах, а также в средствах массовой информации полемику относительно именно тех аспектов международной миграции, которые имеют непосредственное отношение к вопросам обеспечения национальной безопасности. Статья Л. Рыбаковского «*Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция*» оценивает роль международной миграции и целенаправленной миграционной политики в преодолении демографического кризиса в России, который сам по себе представляет угрозу национальной безопасности и суверенитету России. Этой же теме, но с точки зрения иностранных исследователей, посвящена статья Грэма Херда и Росарио Пуглиси (Великобритания) «*Национальная безопасность и миграционная политика времен В. Путина: взгляд извне*». Анализ роли миграции в противодействии депопуляционным тенденциям актуален как для России (статья Д. Эдиева «*Международная миграция как фактор преодоления депопуляции России*»), так и для Украины (статья А. Хомры «*Миграция населения Украины в 1989–2001 гг.: вклад в изменение численности и этнической структуры населения*»). Статья И. Ивахнюк и Р. Даурова «*Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски*» обращает внимание на «многослойность» проблемы, выделяя политический, экономический, криминальный, социальный аспекты. В контексте угроз экономической и этнокультурной безопасности написана статья С. Соболевой и О. Чудаевой «*Иностранцы мигранты на российском рынке труда*», основанная на результатах обследования миграции в восточных регионах России.

Двенадцатый выпуск (2004 г.) посвящен 10-летию Всемирной конференции ООН по народонаселению и развитию в Каире и предварительным итогам осуществления принятой там 20-летней Программы действий в той ее части, которая касается международной миграции. Выпуск специально приурочен к Всероссийскому национальному форуму «*Настоящее и будущее народонаселения России*». Статья Владимира Ионцева и Андрея Каменского (Россия) «*Международная миграция населения в России: уроки Каира*» основывается не только на анализе Программы действий Каирской конференции, но и на личных впечатлениях авторов, принимавших участие в работе этой конференции. Статья Дэвида Коулмана (Великобритания) «*Европа на перекрестке дорог: должны ли население Европы и ее рабочая сила зависеть от новой иммиграции?*» не только подвергает критике возможность достижения отдельных целей, поставленных на Каирской конференции в области миграции, но и затрагивает важную проблему долгосрочных последствий (не всегда положительных)

массовой миграции в развитые страны Европы. Статья *Ирины Прибытковой* (Украина) «*Современные миграционные исследования: в поисках новых теорий и концепций*» представляет собой попытку обобщить некоторые теоретические положения и методологические принципы изучения миграции, в том числе на пути междисциплинарных исследований. В статье *Сергея Рязанцева* (Россия) «*Вынужденная миграция в России: 10 лет после Каира*» рассматривается наиболее актуальная для России в 1990-е гг. форма миграции. Статьи *Людмилы Пократовой* (Россия) «*Международная миграция населения на Дальнем Востоке России: трансформация потоков и основные тенденции*» и *Светланы Грибовой* (Россия) «*Миграция как элемент механизма интеграции восточных регионов России с экономикой КНР*» касаются актуальных для России вопросов взаимовыгодных отношений с Китаем в области привлечения китайских мигрантов. Статья *Елены Тюрюкановой* (Россия) «*Трудовая миграция из стран СНГ и новые практики эксплуатации труда*», основанная на конкретных исследованиях, затрагивает очень болезненную тему прав трудящихся-мигрантов, которая занимает заметное положение в Программе действий Каирской конференции.

Тринадцатый выпуск (2005 г.) «Международная миграция: молодежный выпуск» полностью состоит из статей студентов, аспирантов и молодых научных сотрудников из России и государств СНГ, специализирующихся на изучении проблем международной миграции.

В четырнадцатый выпуск (2005 г.) включены доклады, которые были представлены на двух семинарах, организованных совместно Департаментом по миграции Совета Европы и кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: «Экономическая миграция в России — правовая защита мигрантов» (Москва, 18–19 декабря 2003 г.) и «Перспективы трудовой миграции в России и ее регионах: права мигрантов в контексте экономического и демографического развития» (Санкт-Петербург, 1–2 июля 2004 г.). В более чем 20 статьях анализируются наиболее актуальные проблемы трудовой миграции в России с позиции представителей государственных структур, занимающихся осуществлением миграционной политики, и ученых с разных точек зрения: политический, экономической, юридической, социальной, региональной, этнической. Эксперты из европейских стран в докладах делятся опытом своих государств в управлении процессами международной трудовой миграции, в частности, какие преимущества несет в себе присоединение к Европейской Конвенции о правовом статусе трудовых мигрантов 1977 г.

Пятнадцатый выпуск (2005 г.) представляет собой сборник докладов, представленных на секцию по международной миграции XXV Конференции по народонаселению, организованной Международным союзом по научному изучению народонаселения (*IUSSP*) 18–23 июля 2005 г. в г. Туре (Франция). В докладах отобразены наиболее типичные совре-

менные закономерности международной миграции, такие как глобализация миграционных потоков, возрастающая роль международной миграции в демографическом развитии принимающих стран, качественные сдвиги в мировых миграционных потоках, растущие масштабы и значение трудовой миграции, распространение незаконных форм миграции, феминизация миграционных потоков, двойственная роль миграционной политики. Книга опубликована на английском языке и распространялась среди участников конференции.

Шестнадцатый выпуск (2006 г.) представляет собой русскоязычную версию пятнадцатого выпуска.

Семнадцатый выпуск (2006 г.) представлен монографией *Аминат Магомедовой «Экономико-демографические аспекты внешней миграции в России»*. Воздействие международной миграции на экономическое и демографическое развитие России рассматривается в книге как в историческом плане, так и с точки зрения современной теории миграции.

В восемнадцатом выпуске (2006 г.) представлены статьи российских и зарубежных исследователей, в которых исследуются теоретические и прикладные вопросы взаимосвязи между миграционными проблемами, с одной стороны, и экономическими и политическими процессами — с другой.

Девятнадцатый выпуск (2007 г.) представляет собой аннотированный библиографический указатель работ по миграции научных сотрудников и преподавателей Центра за 1967—2007 гг. Библиография дает представление о масштабе и традициях миграционных исследований, создавших основу для формирования современного подхода к изучению нынешнего, качественно нового этапа в миграционной истории России. Составитель — д.э.н. *И.В. Ивахнюк*.

Двадцатый выпуск (2007 г.) был приурочен к Международной конференции «Миграция и развитие» (Пятое Валентеевские чтения), организованной в Москве 13—15 сентября 2007 г. Центром по изучению проблем народонаселения МГУ. Выпуск посвящен 10-летию научной серии и включил в себя доклады руководителей рабочих секций конференции и ряда авторитетных зарубежных ученых. Статья *Жан-Клода Шенэ* (Франция) «*Миграция как инструмент развития*» доказывает, что миграция затрагивает не просто те или иные стороны развития общества, но и может выступать эффективным инструментом положительного воздействия на такое развитие. Эта же идея красной нитью проходит в статье *Рональда Скелдона* (Великобритания) «*Социальные и экономические аспекты миграции: дискуссии о взаимосвязи миграции и развития*». Научная дискуссия о закономерностях международной миграции находит еще более полное отражение в статье *Дугласа Массея* (США) «*На пути к всеобъемлющей модели международной миграции*», где автор продолжает обоснование своей идеи о необходимости разработки универсальной, обобщающей теории миграции. *Поль Дементи* (США) в своей статье «*Глобализация и международ-*

ная миграция: противоречивые перспективы» приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу о том, что, может быть, есть смысл отказаться от попыток управлять миграцией, поскольку весь предыдущий опыт показывает их полную несостоятельность. Эту же внутреннюю противоречивость современной миграции читатели найдут и в статье Дэвида Коулмена (Великобритания) *«Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью — третий демографический переход в действии?»*, где, по существу, речь идет о замене европейской цивилизации новой, скорее всего, азиатской цивилизацией при условии сохранения современных демографических тенденций. По мнению Дэвида Коулмена, чтобы не допустить подобного варианта развития, следует «приостановить или запретить иммиграцию». Роль миграции в современном развитии постсоветского региона рассматривается в статьях Ирины Ивахнюк (Россия) *«Евразийская миграционная система: теория и политика»*, Елены Садовской (Казахстан) *«Международные трудовые миграции, денежные переводы и развитие в республиках Центральной Азии: процесс регионализации или глобализации?»* и Ирины Прибытковой (Украина) *«Миграция и демографическое развитие Украины»*. Сборник включает также концептуальные статьи российских ученых: Леонида Рыбаковского *«Механизмы формирования миграционных потоков»* и Владимира Ионцева, Ивана Алешковского *«Международная миграция, глобализация и развитие»*. Другие доклады, представленные в этом выпуске, не менее интересны. Они представляют авторские концепции и взгляды на роль миграции в демографическом и экономическом развитии мира и его отдельных регионов, роль миграции в интеграционных процессах на региональном уровне, перспективы миграционной политики и т.д.

Двадцать первый выпуск (2008 г.) представлен научным отчетом по исследовательскому проекту ПРООН *«Мигранты и ВИЧ в России: проблемы и пути решения (экспресс-анализ в области трудовой миграции и ВИЧ в Российской Федерации)»*, осуществленному группой исследователей кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Ионцевым, И.В. Ивахнюк и И.А. Алешковским. По сути, это первая в России попытка исследовать взаимосвязь миграции населения с проблемами здоровья, заболеваемости и смертности, в том числе от такого массового эпидемиологического заболевания, как ВИЧ/СПИД.

Двадцать второй выпуск (2009 г.) *«Российская миграционная политика в контексте человеческого развития: история и современность»* представляет собой перевод на русский язык и оригинальный английский текст аналитического доклада, подготовленного И.В. Ивахнюк для Глобального доклада ООН о человеческом развитии 2009 г. В докладе проанализировано, какое влияние миграционная политика России, ориентирующаяся прежде всего на экономические и политические интересы страны, оказывает на развитие человеческого потенциала во всем постсоветском регионе.

В двадцать третьем выпуске (2010 г.) «Детерминанты современной международной миграции населения и вопросы совершенствования миграционной политики России» представлены материалы ведущих российских специалистов в области международной миграции – В.А. Ионцева, В.И. Мукомеля, И.В. Ивахнюк, А.Н. Каменского, И.А. Алешковского, О.С. Чудиновских, Е.С. Красинца и др., высказывающих свое мнение по поводу путей развития миграционной политики в России.

Двадцать четвертый выпуск (2011 г.) «Международная миграция населения: вызовы глобализации» посвящен вопросам взаимовлияния глобализации и международной миграции. Демографический аспект этого взаимовлияния рассмотрен в статьях В. Ионцева и Ю. Прохоровой «Глобальные перспективы международной миграции и брачности. Возможен ли четвертый демографический переход?» и М. Лифшиц «Экономико-демографическая роль миграции в глобальном мире и перспективы России». О том, что касается экономических аспектов глобализации и влияния ее на управление трудовой миграцией, на страницах сборника дискутируют два автора: И. Ивахнюк «Управление трудовой миграцией в глобализирующемся мире: поиск новых подходов» и П. Таран «Международная организация труда: ответ на миграционные вызовы глобализации в политике, основанной на правах человека». Месту России в глобальных миграционных потоках посвящены статьи И. Алешковского, Р. Абдулатипова, А. Алиева и А. Магомедовой.

Двадцать пятый выпуск (2011 г.) «Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд» подводит итоги двух десятилетий международной миграции населения на постсоветском пространстве. Сборник включает статьи по большинству стран бывшего СССР, написанных национальными экспертами: И.В. Ивахнюк – Россия; Л.П. Шахотько – Беларусь; И.М. Прибыткова – Украина; В. Мошняга – Молдова; З. Рагимова и М. Мамедова – Азербайджан; Р. Еганян – Армения; М.В. Тухашвили – Грузия; Е.Ю. Садовская – Казахстан; Г.В. Кумсков – Кыргызстан; Р.У. Ульмасов – Таджикистан; Л.П. Максакова – Узбекистан; П. Звидринш и И. Индас – Латвия. В статье анализируется, какие принципиальные изменения произошли в миграционных процессах в рассматриваемых государствах за последние 20 лет, какие векторы международной миграции сформировались и формируются, какую роль играет международная миграция для развития этих стран, какие применяются меры государственной миграционной политики. Выпуск приурочен к международному научному семинару «Миграция на постсоветском пространстве: тенденции, последствия, перспективы», который проходил в Москве в МГУ им. М.В. Ломоносова 2–3 декабря 2011 г.; статьи выпуска представляют собой расширенные версии докладов, с которыми выступили участники семинара.

Двадцать шестой выпуск (2012 г.) «Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации» продолжает начатый в 25-м выпуске разговор о 20-летних итогах миграции на пост-

советском пространстве. Не случайно выпуск начинается с рекомендаций и предложений, выработанных в ходе международного научного семинара «Миграция на постсоветском пространстве: тенденции, последствия, перспективы», состоявшегося 2–3 декабря 2011 г. Но в отличие от 25-го выпуска в этом сборнике постсоветские миграции рассматриваются в контексте глобализации. Вопросы совершенствования учета международных мигрантов рассмотрены в статье *Р. Билборроу и М. Лома* «Международная миграция и денежные переводы в развивающихся странах: использование опросов домохозяйств для совершенствования сбора данных в странах СНГ и Восточной Европы». Близкой к этой теме представляется статья *М.А. Клупта* «Новые мигрантские сообщества в России: о чем говорит статистика?». Роль миграции в процессах интеграции стран СНГ рассмотрена в статье *Н.И. Власовой и А.В. Топилина*. Наиболее актуальным проблемам, связанным с трудовой миграцией в России и мире, посвящены статья *С.В. Рязанцева и Н. Хорие* «Трудовые мигранты из стран Центральной Азии в Москве: факты, рассказанные самими мигрантами (некоторые результаты качественного исследования)», а также статья *С.Д. Степакова* «Проблемы развития трудовой миграции в Российской Федерации и возможные пути их решения».

Двадцать седьмой выпуск (2013 г.) «Влияние миграции на страны приема» составлен из оригинальных версий докладов участников XXVII Всемирного конгресса по народонаселению (26–31 августа 2013 г., Южная Корея, г. Бусан). Статьи выпуска опубликованы на тех языках (английском или французском), на которых они были представлены авторами, без перевода на русский язык.

Двадцать восьмой выпуск (2014 г.) «Международная миграция населения и демографическое развитие» освещает исключительно актуальную тему, прежде всего для более развитых стран, переживающих демографический кризис, — о роли международной миграции в демографическом развитии, точнее, о том, можно ли с помощью миграционного притока решить возникающие демографические проблемы и не приведет ли рост численности международных мигрантов в западных странах к замещению ими коренного населения. В статьях этого выпуска роль международной миграции в демографическом развитии рассматривается в контексте теории демографического перехода, влияния миграции на воспроизводство населения, роли смешанных семей (где один из супругов — мигрант), влияния трудовой миграции на демографическое развитие. Статьи *Пола Дементи* (США) «Геополитические аспекты населения в XXI веке» и *Дэвида Коулмена* (Великобритания) «Мигранты и миграция в Европе в XXI веке: тренды, меры регулирования и прогнозы на будущее» указывают на возросшую роль миграции в формировании режима воспроизводства в развитых странах. Тому, как сократить риски размывания национальной идентичности, связанные с притоком этнически дистанцированных иммигрантов, посвящены статьи *В.А. Ионцева и Ю.А. Прохоровой* (Россия) «Международ-

ная миграция населения и брачность в свете концепции четвертого демографического перехода» и Джиаппаоло Ланциери (Италия) «Два прогноза численности населения по признаку иностранного или коренного происхождения для 27 стран Европы». Количественной оценке влияния миграции на демографические процессы посвящена статья Далхата Эдиева, Дэвида Коулмена и Сергея Щербова (Венский институт демографии) «Новые показатели воспроизводства населения в эру высокой миграции».

* * *

Более подробную информацию о научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир», тематике планируемых выпусков, условиях участия в выпусках серии, а также об их приобретении можно узнать по адресу:

**Москва, 119992, Ленинские горы, стр. 46.
экономический факультет МГУ,
кафедра народонаселения, каб. 462
Тел: (7 495) 939 29 28. Факс: (7 495) 939 08 77.
E-mail: iontsev@econ.msu.ru, ivakhnyuk@econ.msu.ru.**

* * *

Учитывая, что выпуски серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» выходят небольшими тиражами и редакция не может удовлетворить спрос всех желающих, они размещаются на сайте кафедры народонаселения www.demostudy.ru и доступны для ознакомления.

УДК 314.7
ББК 60.723.5
И73

**Scientific Series “International Migration of Population:
Russia and the Contemporary World”**

Volume 29

Editorial Board:

Vladimir Iontsev (Editor-in-Chief),
Irina Ivakhnyuk (Executive Secretary), *Ivan Aleshkovski*,
Galina Ananyeva, *Eugeniy Krasinets*, *Aminat Magomedova*, *Vladimir Petrov*,
Leonid Rybakovsky, *Julia Uzkaya*, *Gennady Kumskov* (Kyrgyzstan),
Irina Pribytkova (Ukraine), *Zemfira Ragimova* (Azerbaijan),
Mark Tolts (Israel), *David Coleman* (United Kingdom)

И73 Integration of migrants: is it possible in the contemporary world? /
Edited by Vladimir Iontsev. – M.: Faculty of Economics of the
Lomonosov Moscow State University, 2015. – 150 p. (Scientific Series
“International Migration of Population: Russia and the Contemporary
World”. Vol. 29).

ISBN 978-5-906783-17-2

The twenty-ninth volume of the series is a collection of papers dealing with a wide range of issues of integration of migrants from methodological approaches and integration policies to integration practices in different receiving countries. Special attention is paid to integration of migrants in Russia where numerous inflow of migrants from former Soviet republics and growing anti-migrant perceptions make the integration issue a matter of particular concern.

The authors are responsible for the reliability of data and other materials used. The series is both of scientific and educational character and can be accordingly used in teaching process.

Please, refer for electronic version of the present and previous volumes at the Department of Population (Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University) web site www.demostudy.ru in the “Library” Section.

УДК 314.7
ББК 60.723.5

ISBN 978-5-906783-17-2

© Faculty of Economics of the Lomonosov
Moscow State University, 2015

CONTENTS

INTRODUCTION (<i>Vladimir Iontsev, Editor-in-Chief</i>)	84
ARTICLES	86
<i>Irina Ivakhnyuk</i> . Some methodological and practical issues of migrants' integration policies in Russia	86
<i>Irina Molodikova</i> . The Chechen diaspora in the European Union: integration features	104
<i>Tatyana Iudina</i> . Integration Contracts as Immigration Policy Tools: The European Experience Relevance for Russia	118
YOUNG SCIENTIST'S VIEWPOINTS	130
<i>Urnisa Gahramanova</i> . Policy on integration of migrants in Germany	130
BOOK REVIEWS	135
Reinhard Schunck <i>Transnational Activities and Immigrant Integration in Germany – Concurrent or Competitive Processes?</i> Springer International Publishing Switzerland, 2014, 303 p. (<i>By Irina Ivakhnyuk</i>)	135
NOTES ABOUT THE AUTHORS	138
INFORMATION ABOUT THE SERIES	139

INTRODUCTION

In the recent years, the term ‘integration of migrants’ has become a frequently used idiom in political and academic debates. The term ‘integration’ exists by itself for a long time and it is widely used in political, juridical and economic literature, mainly in the context of close cooperation between countries. However, it was rarely used regarding to migrants; its rising ‘popularity’ is likely to be the result of increasing numbers of international migrants (an average annual number of international migrants is over 1.1 billion persons), as well as growing tension between the population of receiving countries and aliens. The latter has resulted in failure of ‘multicultural policy’ applied by receiving European countries towards migrants. The German Chancellor Angela Merkel was the first to announce that at a Youth Forum in 2010: ‘We expected foreign workers to come to Germany temporarily, but now they live in our country. Therefore, we are facing serious problems’. What integration strategies can be proposed if migrants are initially regarded as temporary stayers? The next year the Britain Prime Minister said that the multiculturalism policy has not proved its rationality, and migrants were blamed for that. For this reason, the theme this issue of the scientific series deals with “Integration of Migrants: Is It Possible in the Contemporary World?”

In fact, what kind of integration of migrants can be debated if receiving countries have isolated these very migrants from local citizens by creating a sort of ‘migrants’ enclaves’? Migrants, from their side, in response to such attitudes, were not likely to integrate in the receiving society. However, as to a well-known expert in international migration Douglas Massey, ‘integration is a two-way street’: this is the basement for full integration of migrants. In this context, it is important to mention that the term ‘integration of migrants’ is applied to different categories of migrants, and this is not correct. ‘Integration’ is a road for exclusively permanent immigrants, i.e. those who come to a country of destination for permanent residence. In other cases, it would be more reasonable to use other terms like ‘adaptation’, ‘assimilation’, etc.

With this particular issue, we start discussion with these complicated issues, which are widely debated in the global academic community. Some answers to these issued can be found in the articles of the authors of this volume and in the review of the book by Reinhard Schunck entitled ‘Transnational Activities and Immigrant Integration in Germany – Concurrent or Competitive Processes?’ Please note that this agenda will be developed in the next issue of the series, which will tend to combine integration of migrants with integration processes in the Eurasian space.

The issues identified in the papers of this volume are both of theoretical and applied importance, and they call for further investigation.

This volume is published with financial support of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, which partially sponsors publishing of the scientific series “International Migration of Population: Russia and contemporary world”.

Vladimir Iontsev
Editor-in-Chief of the series

ARTICLES

Irina Ivakhnyuk

SOME METHODOLOGICAL AND PRACTICAL ISSUES OF MIGRANTS' INTEGRATION POLICIES IN RUSSIA

Abstract. *The article presents integration of migrants as the most burning issue among the contemporary migration challenges. Within the growing scale of international migration, search for most relevant integration models appears an essential task for receiving societies. In Russia, two decades of neglected integration policy turned inflow of migrants into a daunting political problem. Particular attention is paid to integration of labour migrants from the former Soviet republics as the most numerous category, which causes most disagreements in the context of integration policy. The author emphasizes a number of methodological questions, namely, how integration is to be understood; to what degree it involves local communities and migrants with various purposes of stay; how do economic, social, cultural, legal, political dimensions of integration of different types of migrants correlate; what does the wish (or, on the contrary, unwillingness) of migrants to integrate with the receiving society depend on; what is the position of sending countries towards integration of their labour migrants in a country of employment and if they are interested to facilitate (or, on the contrary, to impede) such integration; how does the level of economic integration of temporary labour migrants in a country of employment and their re-integration in a home country after return correlate; do diasporas assist integration of their countrymen who come to a receiving country for a work and temporary stay? The article also includes review of the recent law initiatives in the frames of integration policy in Russia.*

Key words: international migration, migration policy, integration policy, integration potential.

Introduction

Among new migration challenges, integration of migrants appears the most burning one. This is confirmed by recent conflicts between migrants and locals in many countries including Russia. This can be also confirmed by results of public opinion polls in big cities, which show growing discontent of local citizens with presence of migrants. Another evidence comes from increasing role of informal adaptation practices among migrants who are to rely on assistance of migrants' social networks in the situation when official State integration policy is nor clearly articulated and realized. In fact, disregard of integration policy in Russia during two decades has provoked xenophobia in the society; and now this

“background” seriously affects elaboration of migration policy that would meet vital interests of the Russian Federation.

It should be noted that it is not an exclusively Russian problem. Many of the countries that have realized various models of integration for decades, are presently facing growth of anti-immigrant perceptions because their societies failed to adapt themselves to previous waves of immigrants [see, for example: Massey and Sanchez, 2010]. This reflects the declining integration potential of receiving societies while the scale of international migration inspired by labour market needs, continues to grow. In this situation, search for optimal integration models turns the most difficult component of migration policy in receiving countries [IOM, 2010; Council of Europe, 2010].

The price of neglected integration policy in Russia

Due to objective reasons, Russian authorities did not regard integration policy as an integral part of migration policy for a long time. These ‘objective reasons’ were related to domination of ethnic Russians in migration inflow in 1990s. Even representatives of titular nations of other former Soviet republics who immigrated to Russia in late 1990s and 2000s were accepted as fellow citizens from the former single country. They did not face the language barrier; they had relatively high education level; their integration with the Russian society was facilitated by unified vocational training system and common skills requirements, even if they were ethnically distanced immigrants from Central Asia and Transcaucasia [Ivakhnyuk, 2009].

The Russian State did not make any efforts to make inclusion of these migrants into the Russian society smooth. Rather, on the contrary. Hastily elaborated in the 1990s, Russian migration legislation put many migrants in a situation when they faced impossibility to obtain the Russian citizenship. By the end of 1990s, these ‘non-status’ migrants were estimated 3 million [Iontsev, Ivakhnyuk, 2002]. In course of time, many of them managed to legalize in Russia by fair means or foul, however, even now they are estimated in hundreds of thousands though they stay in Russia for decades.

However, this is only one side of the problem. Since early 2000s, integration has become an issue for a radically different type of migrants – these are people who were born or becoming adult in the new independent states when attitudes to Russia was generally negative. These temporary migrants come to Russia for employment. Surely, they need limited set of conditions for their adaptation in Russia. However, they do need it! These ‘new migrants’ do not know Russian language; most often they have no skills and professional experience; they do not know Russian laws, norms or rules of life. They go to Russia because, first, they cannot get well-paid job in their countries and, second, because there is already an established stereotype: “I must go to Russia – I can earn there”. This stereotype is supported by ethnic social networks and ethnic criminal recruiters’ nets, which appeared and developed in the 2000s and benefit from

informal management of migration from their countries of origin. It was an inevitable result of inaction of the State in creating official infrastructure of labour migration.

What did the Russian State offer these migrants as instruments of adaptation? Formally, there is a relatively easy and clear procedure of getting work permit, which even allows change of an employer during the initial three months of stay in Russia. However, within the recent 4–5 years this procedure became inaccessible for migrants directly, without mediators. As a result, a migrant is to pay roughly 30,000–40,000 Rubles (around 1,000 USD) to get work permit, which is officially imposed duty 2,000 Rubles. Quotas for foreign workers are an object of buying and selling, and this makes official employment of foreign workers even more expensive. As a result, the major part of labour migrants work in Russia unofficially, without getting any permits. Therefore, their labour and social rights are not protected; they face discrimination and social exclusion in their work places and everyday life. Thus, labour migrants appears a burning internal political issue in Russia and a foreign-policy problem for inter-state cooperation at the post-Soviet territory.

Integration of migrants: methodological issues

Researchers, state officers and practitioners engaged in elaboration and implementation of migration policies face a number of questions which are related not only to effective policy of integration of migrants but, in a final analysis, to realization of the migration potential for development – development of receiving countries, origin countries and migrants themselves. Here are some of these questions that are topical for Russia and other post-Soviet states, which are interconnected in the frames of the Eurasian migration system:

- What is integration; to what degree it involves local communities and migrants with various purposes of stay?
- How do economic, social, cultural, legal, political dimensions of integration of different types of migrants correlate?
- What does the wish (or, on the contrary, unwillingness) of migrants to integrate with the receiving society depend on?
- What is the position of sending countries towards integration of their labour migrants in a country of employment and if they are interested to facilitate (or, on the contrary, to impede) such integration?
- How does the level of economic integration of temporary labour migrants in a country of employment and their re-integration in a home country after return correlate?
- Do diasporas assist integration of their countrymen who come to a receiving country for a work and temporary stay?

Russia tends to solve simultaneously several problems by migration: to smooth demographic decline and ageing of population by attracting immigrants

for permanent residence; to compensate labour market deficit by temporary foreign workers; and – at the same time – to restrict migration inflow for the reasons of “national security”¹. The attempts to coordinate these not-easy-to-combine purposes result in inconsistency, non-transparency and not well-estimated consequences of actions. The fact that after 2012 integration of migrants was put on the agenda by the Federal Migration Service is not the result of elaboration of more comprehensive approach to migration policy but rather a forced response to increasing migrants-related tension in the society as well as persistent efforts from experts’ community, human rights organizations and international organizations.

Among all categories of migrants, which are an object for integration policy, this paper pays particular attention to temporary labour migrants. First, the frames of integration of this category of migrants poses most number of questions because of their narrow-purpose temporary stay. Second, temporary labour migrants are the most numerous category of migrants in the Eurasian migration system. Third, some of this category of migrants to practices of unregistered employment, which is the most irritating issue in the region, is wide spread. Forth, temporary labour migrants are the major object of migration governance both in Russia and in the sending countries. Lastly, the movement towards the common labour market that has been shaped in the region strategically and institutionally, labour and skills mobility turns an issue of particular interest for all the states of the Eurasian migration system.

Integration of migrants in the anti-migrant times

The statement that integration of migrants is a two-way movement, which involves both migrants and local societies, is axiomatic in fact. The question is: how this movement is to be organized? Conditions for integration are to be created, first, by a receiving state and society. “If it is to be effective, integration cannot be the responsibility of the migrants. If a society is not willing to integrate them, they can they try as they wish but have absolutely no chance” [Gächter, 2013, p. 24]. Only in case a receiving state makes real steps that protect human and labour rights of migrants, counteract their discrimination and marginalization, shadow employment and exploitation, their social exclusion, and at the same time contribute to education of tolerance among local citizens, openly acknowledge the input of migrants to the national economy, explains the motives of the current migration policy to the population – all these steps create an atmosphere when migrants and society can cooperate effectively.

¹ This approach questions understanding of «national security»: political and criminal aspects of national security conflict with demographic and economic aspects. A desire to restrict migration inflow not to allow potential criminals to enter the country contradicts to more open migration policy, which corresponds to demographic, and labour market considerations.

Russia is an example of a situation when long-time disregard of integration of migrants caused increase of ethnic-based tension in a society, which turned to be not ready to inflow of migrants, even from historically close former Soviet republics. According to public opinion polls, half (!) of population in Russia consider that migrants are guilty of unemployment and low wages of Russian citizens; moreover, in Moscow and Saint Petersburg this share is even more – over two thirds [FOM, 2012a]. Results of surveys that prove that spheres of employment of migrants and locals do hardly overlap and majority of migrants from the CIS states take the jobs which are neglected by Russian citizens due to hard work conditions and low wage [Mukomel, 2013b; Zaionchkovskaya, Tiuriukanova, 2010], are out of sight of population. As to integration of migrants, every fifth Russian citizen is convinced that integration is a migrant's own concern [FOM, 2012b] while every third is sure that Russia does not need any migrants – no temporary neither permanent [FOM, 2012c]. According to V. Mukomel's estimate, the idea of any integration policy for migrants can be supported by not more than 25% of Russian citizens [Mukomel, 2013c, p. 10]. In addition, this is in Russia – a country that accommodates about 11 million foreigners¹, which annually accepts around 300,000 permanent migrants and over 2 million temporary labour migrants!

Therefore, elaboration and implementation of integration policy is now taking place in the context of established deeply rooted negative attitude towards migrants² and generally politicized migration theme in Russia. There is no consensus in society regarding Russian migration policy strategy. Moreover, there is the polarization of both political views and public opinions: demographically and economically reasoned attraction of migrants versus restricted migrants' inflow [Mukomel, 2011]. The migration theme has become a speculative argument in political struggle; it results in promotion of xenophobia via media, politicians' speeches, youth subculture, etc. However, it is acknowledged that xenophobia is an extreme but logical expression of structural and systemic discrimination [Taran, 2013], and discrimination and integration are fully incompatible.

Against this background, elaboration of an integration policy that is in fact a two-way movement of migrants and local society towards each other for the sake of social cohesion is an uneasy task. However, the case of Russia shows that dissociation of the State from this sphere of internal policy provokes xenophobia and inter-ethnic conflicts and impedes the process of adaptation to the new 'migration reality', which is objectively necessary for the modern receiving societies.

¹ <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/81106/>

² According to public opinion polls of the authoritative Levada Analytical Centre during 2000s the percent of Russian citizens who welcome the chauvinistic slogan «Russia for Russians!» was persistently higher than 55% while those who realize that it is «a real fascism» is decreasing: from 28% in 2002 to 19% in 2011 (<http://www.levada.ru/14-12-2012/>)

The role of data and knowledge for integration policy making

Gaps in migration data is a serious restraint for making effective integration policy. When not based on good comprehensive knowledge, migration policy rely on tentative conclusions and existing stereotypes. Obviously, different categories of migrants need integration kits different by their structure and depth. However, how many migrants of each of these categories are there in Russia? What are their demographic, social and economic profiles? To what extent they are already integrated. To know how the integration process is going and if it is going, there is a need for reliable data to calculate a variety of indices, which characterize involvement of migrants in social life, and comparative analysis of locals and migrants by their employment, labour market mobility, access to vocational training, discrimination, leisure-time spending, etc. In international practice, such information for 31 countries in Europe and North America is presented in the Migrant Integration Policy Index (MIPEX) that is assigned to measure integration policies. MIPEX is a tool to assess, compare and improve integration policy. Using 148 policy indicators the MIPEX creates rich multi-dimensional picture of migrants' opportunities to participate in society by assessing governments' commitment to integration. By measuring policies and their implementation it reveals whether all residents are guaranteed equal rights, responsibilities and opportunities [Huddlestone et al, 2011]. Even more important, the MIPEX promotes transparency by increasing public knowledge and visibility of national policies, changes and international trends.

In Russia, official statistics on international migrants give very scarce data to evaluate their integration to the Russian society¹. Sociological surveys on this subject² are limited in number. They are not always representative, they are typically fragmented, and they do not allow systematic evaluation of the migrant integration process. Neither do they provide a general idea about the integration mechanisms that already exist in Russia, and about how they can be used/adapted/complemented by state policy measures for migrants integration in order to be truly efficient.

More or less established ideas of experts argue that integration means interrelationship between society and migrants; that different contingents

¹ For example, there were several questions in the all-Russian population census in 2010: about knowledge of Russian, other languages and native languages. However, the answers to these questions do not give an idea about the role of the native language in the respondent's everyday life, nor about the level of Russian language skills and other language skills (<http://www.perepis-2010.ru/news/11.jpg>). Hence, information about the most important fact of migrant integration, which is knowledge and use of the host country language represents, is not revealed in the Russian population census data, unlike, for example, US population censuses, which provides information on English language skills taking into account distribution of people born abroad by age, gender, race, citizenship, year of arrival in the USA, place of birth and education level (www.census.gov/hhes/socdemo/language/data/acs/ACS-12.pdf)

² Recent sociological surveys of migrants in Russia regarding their integration are mentioned in: Mukomel, 2013a; 2013b; UNICEF, 2011.

of migrants need different level of integration; that the State must shape its integration policies and accordingly create infrastructure that would provide conditions for integration of migrants; that civil society institutions are to be involved in integration activities.

Integration of temporary labour migrants

Integration of temporary labour migrants is a specific issue. It is often argued that regarding temporary labour migrants not the term ‘integration’ but rather the term ‘adaptation’, is to be used. In this context, ‘adaptation’ means in fact a one-sided adjustment of a migrant to new labour conditions. We believe that adaptation is a form of a wider concept of integration. Integration starts with adaptation. Integration can stop with adaptation but can go further. With this understanding we do find it unreasonable to contrast the terms ‘adaptation’ and ‘integration’: “Integration differs from adaptation, which means adjustment of a migrant to a receiving society (often perfunctory), his/her behavior in accordance with local norms and traditions, and does not expect reciprocal comprehension of migrants’ culture by local population” [Mukomel 2013a, p. 5]. This understanding is focused on socio-cultural aspect of adaptation and integration while underestimates economic aspect: participation of temporary migrants in labour market implicates banning against discrimination and exploitation, development of their access to vocational training and upgrading their skills. Therefore, besides migrants’ adjustment to the receiving society, it calls for ‘reciprocal’ steps from the receiving side. Anyway, the case of temporary labour migrants also needs *integration* as a process of two-way movement of society and migrants towards each other.

It is accepted at the highest international level that “integration depends on many factors, including the ability to communicate in the local language, access to the labour market and employment, familiarity with the mores and acceptance of the values of the host society...” [UN, 2006, p. 73]. For a labour migrant, these factors will work in case he/she understands the necessity to adapt and integrate in a receiving, though temporarily, country. For migrants who come to Russia for employment, integration with Russian society does not mean rupture of his/her relations with the homeland in the least. Rather vice versa: integration gives migrants an opportunity to get positive migration experience and new skills, to stay in Russia without stresses and conflicts, to earn and transfer money home. For migrants who are aimed at legal employment and partial integration, there are more chances to avoid risks related to social exclusion, illegal work, labour slavery, conflicts with local population.

Russian language as a ‘condition’ of integration

The issue of integration becomes particularly important when the rural background of many migrants is considered. Certainly, migrants from Central

Asia arriving to Russia are not typically from urban backgrounds. This is compounded by the fact that, very often, they have studied Russian in their home country [Mukomel, 2011]. Currently, over 20% of citizens of CIS countries who come to Russia to work do not know any Russian at all; while 50% are not capable of filling out even the most basic questionnaire without help [Zaionchkovskaya and Tiuriukanova, 2010].

Knowledge of the language of the country of stay is likely to be the most essential condition of any migrant's adaptation. Knowledge of Russian lets migrants receive information about the rules of employment in Russia. Knowledge of Russian, likewise, maximizes chances of getting a legal job. It reduces dependence on one's countrymen in terms of employment and settlement. It expands the opportunities for networking with the local population. It ensures that migrants benefit from their rights to *inter alia* professional education and medical assistance.

Probably due to these considerations, the issue of migrant's knowledge of Russian language in Russia is set as the priority issue for integration. In accordance with Federal Law No. 185 of 12 November, 2012 amending the Law On the Legal Status of Foreign Citizens, as of December 1, 2012, made it mandatory for labour migrants employed in retail, municipal and household services to pass an exam on basic Russian. The Federal Law No. 74 of 20 April 2014 extended compulsory exam on knowledge of Russian language to all migrants who apply for a temporary or permanent residence permit, work permit or a 'patent' (labour license, for details refer to the next section) (except highly skilled migrants), as of January 1, 2015.

The exam takes place at special centers: currently there are around 160 centers at Russian and foreign universities, which are accredited by the State to perform Russian language tests. The certificate confirming that the exam was passed is now a requirement for obtaining or extending a work permit or a 'patent' in Russia. The certificate can be replaced by a foreign education credential confirming at least secondary education and the fact that the person had Russian classes in the home country, or education credentials issued by educational institutions in Russia or the USSR. Labor migrants from countries where Russian has the status of national language (Belarus) and from member countries of the Common Economic Space (again Belarus, and Kazakhstan) do not have to pass Russian language tests. If a migrant does not have sufficient knowledge of Russian, they are offered language-learning services.

Introduction of Russian language tests for temporary labour migrants caused disputes among Russian experts. Yes, learning Russian is an exceptionally important condition for labour migrants' access to the labour market, self-fulfillment and, indeed, the surrounding community. However, it is the *possibility* of studying, and not an obligation to pass an exam as a prerequisite for obtaining a work permit, especially when the system of teaching Russian to foreign citizens arriving for work in Russia has not yet been developed. Passing the exam costs labour migrants 3,000–5,000 rubles (65–110 Euro), and for a foreign citizen

who has not started working, this is, very often, an impossible sum of money. Besides, it is reasonable to assume that an employer rather than a State is to decide if a migrant worker has enough knowledge of Russian language for his/her particular job.

Hence, experts acknowledge the fact that the state is paying attention to the language need for labour migrants arriving in Russia to know Russian language. However, many express their concerns that this legal norm, in its current form, might in fact, result in corruption and the even greater illegality of migrants rather than successful integration [Iontsev, Ivakhnyuk, 2013].

Understanding integration at the official level – the new law initiatives

Meanwhile, the Russian migration legislation is becoming focused on integration issue. The Federal Migration Service has suggested a bill “On social and cultural adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation”¹. It stipulates elaboration of a complex of 'adaptation and integration activities' for foreign citizens, namely 'a set of services for teaching Russian language, Russian laws, history, behavior norms, information and juridical support, vocational training and re-training, and other services aimed to assist foreign citizens to enter the social and cultural space of the Russian society'. These services will be provided by a state-owned organizational structure at the expense of migrants. The disturbing side of this novelty is the fact that migrants are not offered but obliged with paid services in integration: the Law stipulated the practice of so called 'adaptation and integration contracts' – for temporarily staying labour migrants and permanent residents correspondingly. Fulfillment of these contracts is to be a condition to get work permit and residence permit in Russia.

It should be noted that in some other countries migrants also sign an 'integration agreement' with a State, but only in case of migrants who come for permanent residence and pretend to obtain citizenship² [IOM, 2010].

Another bill that was put in force on January 1, 2015, extends the practice of a 'labour licence' (*patent*) as job permitting document for migrant workers from visa-free CIS countries who intend to get employed by Russian citizens – juridical entities and entrepreneurs³. The list of documents needed to get a

¹ The text of the bill is available at the FMS site: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865/details/81610/>

² For the analysis of the practices of 'integration agreement' in Italy, please refer to Caneva, 2014.

³ Since 2010 'labour licence' (*patent* in Russian) is a document that allows labour migrants from the CIS visa-free states to get employed *exclusively* by Russian citizens – physical persons (as domestic servants, medical attendants, nannies, cooks, gardeners or on short-term jobs in repair). The 'patent' costs 1000 rubles (roughly 20 Euro) a month. The patent term is extended automatically after the next monthly payment is made to the bank.

'labour licence' includes 'a document that proves knowledge of Russian language, Russian history and laws'. Obviously, this 'document' will be issued by that very integration structures that are a subject of the above mentioned bill "On social and cultural adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation". It turns that these two laws even more restrict legalization of temporary labour migrants in Russia. Why should a migrant who comes to Russia for seasonal work know history of Russia? Why he/she is to pay to pass the test? How he/she will find time to attend 'historical courses' if he/she came to work at the construction site or gather in a harvest in a farm? Creation of possibilities for integration of migrants does not mean compulsion to integration. When put in practice these laws can play an opposite role: provoke a drift of migrant workers to unregistered employment.

Surprisingly, the bill does not reflect the axiomatic understanding of integration as a two-way process: it is unclear how the Russian society is to be adapted to its new migration-related reality.

Therefore, the impetuous Russian migration legislation fails to understand that integration of migrants and support of social cohesion is a delicate sphere where interests of a State, society and migrants contact. Technocratic approach dominating in the Russian migration policy over-simplifies understanding of integration of migrants, under-estimates the role of social protection of migrants as a condition of their integration, does not see the importance of creation of a social environment friendly to migrants, and importance of involvement of civil society in integration activities. Such 'integration' clearly place the entire responsibility for accommodation only on the migrants' side. Unilateral 'integration contracts', language requirements, expectations to pass historical knowledge tests that many natives could not pass are among examples of expectations that appear to measure *integration* by how completely migrants acquire knowledge and behavior of the immigration country [Taran, 2013].

Sending countries' interest

Usually integration of migrants is considered a prerogative and a matter of concern of receiving countries. It is logical – integration is taking place in their territory and to their society. Regarding migrants who move to a receiving country permanently and leave their home country forever, it is absolutely reasonable. However, there is a category of temporary migrants who come to another country for employment and intend to return to their home country. For them, integration in a receiving country during their stay is an essential condition of successful, effective stay and further return. Their integration is to be partial or 'incomplete' compared to 'full' integration of permanent migrants [Iontsev, Ivakhnyuk, 2013]. However, it is necessary both for migrants and for receiving society, which is interested to have foreign labour not as a problematic issue but as a resource for development.

In the recent years, it is becoming clear that integration of temporary labour migrants in receiving countries is a matter of concern not only of migrants themselves and receiving society but also of countries of origin. The most obvious interest of origin countries is related to inflow of migrants' remittances. In the 'smaller' countries of the Eurasian migration system remittances are a substantial percent of their GDP: in Moldova – 2 billion USD, or 24.6% GDP; in Kyrgyzstan – 2.2 billion USD, or 31.4% GDP; in Tajikistan – about 4 billion USD, or 51.9% GDP, the highest in the world [World Bank data, 2013]. Integration of labour migrants in the labour market of a receiving country, realization of migrants' skills, getting additional qualifications and experience – these are benefits that result in stable and increasing earnings and therefore, bigger remittances.

Besides, migration for employment means – in its 'classical' understanding – return of migrants to their country of origin. Consequently, origin states cannot remain indifferent to the post-return reintegration of these migrants¹. Successful reintegration depends, to a large extent, on whether their migration experience abroad was successful, how they have integrated in the host society and what migration experience they have returned with [Cassarino, 2008, p. 100]. A successful economic and social experience abroad can be an incentive for fast and efficient reintegration in the home country. Conversely, the failures encountered during the migration experience cannot only force the migrant to return to his/her country of origin. It can also hinder reintegration [Chobanyan, 2013, p. 7]. Economic integration of labour migrants in a receiving country means, first, legal employment in accordance with skills and qualifications, and guarantees of labour and social rights of migrants. If these conditions are not complied, loss of qualification will impede post-return job seeking. The survey of Armenian labour migrants in Russia in 2008 proved that occupation of every fourth migrant did not correspond to his/her level of education; occupation of 40% of migrants partly corresponded to their previous professional experience: 37% were employed in construction sector while before migration most of migrants were occupied in healthcare, education and commerce [Osadchaya, 2010, p. 45].

Therefore, it is reasonable to consider integration of migrants in a receiving country not as a two-way process (migrants and receiving society) and even not as a three-side process (migrants, receiving society and receiving state) but rather as a four-side process (migrants, receiving society, receiving state and a sending state). This approach has a practical value. Sending countries could contribute to integration of their migrant workers in receiving countries by providing pre-departure training: professional training, language courses, acquaintance with legislation and norms of the country of destination.

¹ Reintegration is defined as a re-inclusion or the re-incorporation of a migrant into the society and economic system of his/her country of origin or habitual residence [IOM, 2011, p. 82].

It is important to understand that migration does not start and does not finish at the border-cross point. Orientation to integration can start beforehand, during the pre-migration period and continue when in a receiving country. While results of integration will be of use in the post-return period.

Besides, it is to be taken into consideration that at the political level the more active position of countries of origin in international migration management is focused on protection of migrants' rights: conditions for decent work in receiving countries, counteracting discrimination in labour relations, guarantees of social security, and reduced risks of illegal employment. It is protection of human and social rights of migrants that is an essential element of their integration [IOM, 2013].

A response to a question whether sending countries are interested in their migrant workers' integration in a receiving country, is ambiguous. On the one hand, as it was shown above, there is an objective interest of sending countries towards successful integration of temporary migrant workers in the labour markets of receiving states. However, on the other hand, countries of origin realize that the more successful economic and social integration of migrants in another country is, the higher is the probability that they will shift their migration intentions towards permanent emigration and thus, the less is the chance that they will return to their home land if there is still no adequate job and wage for them there.

Nevertheless, it would be reasonable to use the interest of sending countries in integration of their migrant workers in Russian labour market by involving them in bilateral and multilateral interstate efforts to reduce the existing risks of labour migration like illegal and unregistered employment, labour slavery, exploitation, etc.

Diasporas in Russia: integration versus anti-integration potential¹

When defining actors which could be involved in integration of migrants, researchers analyze integration potential of ethnic diasporas [Astvatsaturova, 2002; Kondratyeva, 2010; Dmitriev and Pyadukhov, 2010; Popkov, 2003]. In Russia, which was part of a multinational country for centuries, numerous ethnic communities of nations from former Soviet republics have resided and are still residing there: after the collapse of the USSR, in fact, these became foreign diasporas of Armenians, Ukrainians, Azeris, Kazakhs, etc. Today, migration has further diversified Russia's ethnic make-up. Given this situation it exceptionally important to understand how these communities can contribute to migrant integration and the preservation of civil peace.

¹ This section of the paper is based on the joint research with Vladimir Iontsev within the frames of the CARIM-East project (<http://www.carim-east.eu/>) [Iontsev, Ivakhnyuk, 2013].

It is rather difficult to estimate numbers of diasporas of nations of the other former Soviet republics who reside in Russia. In the 2010 All-Russia Population Census, information about ethnicity is based on the self-identification of respondents. The Census showed that there were 1,927,988 Ukrainians who live in Russia, 1,182,388 Armenians, 647,732 Kazakhs, 603,070 Azeris, 289,862 Uzbeks, etc.¹ It is important to remember that according to independent estimates of diasporas residing in Russia their population is several times larger than population census data. Thus, the Union of Armenians in Russia estimates that the number of persons in the Armenian diaspora in Russia to stand at 2.7 million people², the Union of Georgians in Russia provides an estimate of 300,000 persons³, the Kazakhs of Russia Association estimates the number of Kazakhs residing in Russia at 800,000⁴. The largest diaspora in Russia, the Ukrainian diaspora is estimated to stand at 4.5–5 million people⁵.

It is important to understand that ethnic diasporas in Russia represent a controversial and complex phenomenon in terms of structure [Ivakhnyuk, 2008]. Typically, each diaspora of titular nations of former Soviet republics can be subdivided into three groups.

The first group is the “old diaspora”, i.e. those who moved to Russia, most commonly from other republics, back in the Soviet times, and their descendants who were born in the Russian Federation, who are not just Russian citizens but who are completely integrated into Russian society. Generally, these are intellectuals and public servants.

The second group is the “new diaspora”: those who moved to Russia after the collapse of the USSR, within the last 15–20 years, who acquired Russian citizenship or intend to do so, and who acquired, too, real estate. Most of these do not plan to return to their home country. They tend to integrate, but there are also those who perceive Russia as a place for temporary stay, and even with a Russian passport, they will return to their home country if economic and political life were to become more stable.

The third, most numerous group, includes labour migrants, who can stay in Russia for years, but these do not tend to integrate, and they plan to return to their home country. This is a special part of the transnational ethnic community; adherers of a narrow definition of diaspora are not likely to consider them as part of diaspora. They live separately, as a rule, they do not take part in the activity of non-governmental organizations of “their” diaspora. However, there is an

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. It is to be taken into consideration that due to some reasons a person can dodge the question about his/her ethnicity. Thus, information about nationality is missing on 5.6 million respondent sheets of the 2010 Russian Federation Census

² <http://www.sarinfo.org/armw/?c=diaporas>

³ <http://www.georgians.ru/default.asp>

⁴ <http://russia.kazakh.ru/article/?a=8#1>

⁵ <http://www.pravoslavie.ru/analit/rusideo/rusvoprosukr.htm>; <http://www.zatulini.ru/institute/sbornik/016/01.shtml>

entrepreneurial core, which performs the function of intermediary between migrants arriving to seek employment, and employers, who often represent part of the “new diaspora”.

This structure has been directly or indirectly confirmed by the empirical data on Azeris, Armenians, Moldovans, and Tajiks in Russia. Diasporas are not just social and cultural formations. Recently they have acquired a quite obvious economic meaning in Russia: formation of so-called “third sector” ethnic businesses have been observed. So far this has not been the subject of research in Russia, not least because of the lack of reliable statistical data (among the few research papers are: Brednikova and Pachenkov, 2002; Dmitriev and Pyadukhov, 2010). This is in contrast to, for example, the United States, where this area has well investigated, e.g. the Cuban diaspora [see Portes and Bach, 1985; Duany, 2011; Eckstein, 2009]. Ethnic businesses stimulate the inflow of migrants, contribute to the integration of migrant labour in the structure of the economy, and thus become part of the general mechanism of stable migration interaction between countries.

However, ethnic businesses play a dual role in migrant integration in the host society. Since they are mostly represented by enterprises/companies, which belong to the representative of a diaspora, and where compatriots are almost exclusively employed, Russian language is not an issue. Likewise, education and qualifications are meaningful only inside the relevant ethnic business. Ethnic businesses needs a constant inflow of migrants, as these are ready to work for low wages counting on future vertical mobility. This provides the companies with certain competitive advantages. Therefore, ethnic business often becomes a mechanism providing an inflow of illegal labour to Russia.

Joining the diaspora in Russia may mean additional opportunities: help with adaptation; help with employment information; help with documents; receiving medical assistance, etc. Thus, the diaspora can act as an intermediary for adaptation and integration even for temporary labor migrants. It is important for diasporas to facilitate the adaptation of migrants, and to not replace the state regulation of migration processes. Experts note that “there is sometimes inverse proportion relationship between the efficiency of state regulation of migration processes and the participation of diasporas in such regulation” [Gaibnazarov 2012, p. 341]. In other words, when the rules set by the state migration policy are non-transparent, and excessively complicated and artificially adjusted to corrupt schemes, the diaspora “takes up the slack”. It assumes a regulatory role in the information support provided to newly-arriving migrants; the creation of commercial employment organizations; the creation of a data bank for vacancies and employment conditions; help resolving everyday issues; working and living conditions, health care, etc.

We can talk about the integration or anti-integration potential of diaspora activities. This will depend, of course, on how much diasporas contribute or hinder adaptation and integration in relations with the local population [Pyadukhov, 2012]. This potential is seen in the example of one of the regions

of Russia – Penza oblast – based on the infrastructure in the framework of diasporas, providing services to labor migrants. In the collaboration with migrants compatriots-intermediaries normally provide reliable information about a specific region, possible risks, threats, and ways to minimize the same. Thus, they indirectly perform the role of social integrators for foreign workers, who contribute to successful adaptation in the foreign cultural environment, something that becomes particularly important for newly arrived migrants when official migration infrastructure is not properly developed.

Certain activities performed by the diaspora intermediaries contribute to the formation of migrant *integration settings*. These are: explaining the requirements of Russian migration legislation to foreign workers; assisting in applying for proper permit documentation, and legalizing their status; assisting in learning Russian; using the resources of the diaspora social networks in order to solve the issues of migrant stay and employment; interacting with the leaders of migrant groups who provide control over their stay and activities; and providing informal patronage and protection to migrants. At the same time, diasporas may undertake actions, which contribute directly to formation of *anti-integration tendencies* among migrants. These may include shadow services; underestimation of the importance of knowing Russian; tendency to organize migrant life within isolated micro-groups alienated from the host society; exaggerated tariffs for services; arranging for employment with employers who practice forced labor, deception and the illegal status of migrants; and psychological pressure on migrants [Pyadukhov, 2012].

Involvement of diasporas and informal migrants networks in management of migration flows in the post-Soviet territory has seriously affected the profile of migrants. An opportunity to work in Russia among the countrymen or for the countrymen diminishes such important barrier for employment abroad as knowledge of Russian language. Therefore, assistance of diasporas makes a path to Russia for those potential migrants who can hardly get job in Russia via official channels (for example, poorly educated young people from rural areas). However, when a migrant addresses to informal recruitment services offered by diaspora he/she most often finds him/herself in an unregistered work, if not in a slavery-like situation. Definitely, this gives a migrant no chances for legal integration in the Russian labour market and any social protection.

Bibliography

1. *Astvatsaturova M.A.* (2002) *Dyaspory v Rossiiskoy Federatsii: formirovaniye i upravleniye* [Diasporas in the Russian Federation: Formation and Management (North Caucasus Region)]. Rostov-na-Donu – Pyatigorsk: SKAGS [in Russ.].
2. *Brednikova O., Pachenkov O.* (2002) *Etnicheskoye predprinimatelstvo migrantov i mify multiculturalizma* («Ethnic business» of migrants and myths

- of multiculturalism) // Multiculturalizm i transformatsia postsovetskikh ob'ektov (Multiculturalism and transformation of post-Soviet societies). Edited by V.S. Malakhov and V.A. Tishkov. Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Institute of Philosophy RAS. M [in Russ.].
3. *Caneva E.* (2014) The Integration of Migrants in Italy: an Overview of Policy Instruments and Actors. INTERACT RR 2014/05, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. (http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32019/INTERACT-RR-2014_05.pdf?sequence=1).
 4. *Cassarino J.P.* (2008) Conditions of Modern Return Migrants – Editorial Introduction, International Journal on Multicultural Societies (IJMS), Vol.:10, № 2, 2008 (<http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001812/181209E.pdf#page=3>).
 5. *Chobanyan H.* (2013) Return migration and re-integration issues: Armenia, CARIM-East RR2013/03, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013: <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-03.pdf>.
 6. Council of Europe (2010) Migrants and their Descendants. Guide to Policies for the well-being of all in pluralist Societies. Council of Europe Publishing, Strasbourg.
 7. *Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A.* (2010) Regionalny sotsium: diaspori i posredniki v trudovoy migratsii (Regional society: diasporas and mediators in labour migration) // Izvestiya vysshikh uchebnikh zavedenii. Povoljski region. Social sciences, № 3(15), 2010: <http://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-sotsium-diaspory-i-posredniki-v-trudovoy-migratsii> [in Russ.].
 8. *Duany J.* (2011) Blurred Borders: Transnational Migration between the Hispanic Caribbean and the United States. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
 9. *Eckstein S.* (2009) The Immigrant Divide: How Cuban Americans Changed the U.S. and Their Homeland. New York: Routledge.
 10. FOM (2012a) Migranty i rynek truda (Migrants and labour market). Fond «Obshchestvennoye mneniye» (Public Opinion Foundation) (<http://fom.ru/obshchestvo/10484>).
 11. FOM (2012b) Usloviya i tsena integratsii migrantov (Conditions and price for integration of migrants). Fond «Obshchestvennoye mneniye» (Public Opinion Foundation) (<http://fom.ru/obshchestvo/10465>).
 12. FOM (2012c) Migratsionnaya politika. (Migration policy). Fond «Obshchestvennoye mneniye» (Public Opinion Foundation) (<http://fom.ru/obshchestvo/10490>).
 13. *Gächter A.* (2013) Nepisanniye zakony (Unwritten laws) // Migration XXI Century, № 5(20), 2013 [in Russ.].
 14. *Gaibnazarov Sh.U.* (2012) Rol diaspor v regulirovanii migratsionnykh protsessov (Role of diasporas in the governance of migration processes) // Migration bridges in Eurasia. Collection of reports and materials of the participants of the 2nd International Conference “Regulated migration – a real way of collaboration between Russia and Vietnam” and the 4th International Conference “Migration bridge between Russia and Central Asia countries: actual issues of social and economic development and security” (Moscow, November 6–7, 2012). Ed. by Ryazantsev S.V. M.: Econ-inform [in Russ.].

15. *Huddleston T., Niessen J., Eadaoin Ni Chaoimh, White E.* (2011) Migrant Integration Policy Index III. The British Council and Migration Policy Group – Brussels: file:///C:/Users/home/Downloads/MIPEXIII_2011.pdf.
16. IOM (2010) Compendium of Migrant Integration Policies and Practices. International Organization for Migration.
17. IOM (2011) International Migration Law. Glossary on Migration. International Organization for Migration.
18. IOM (2013) Improving Access to Labour Market Information for Migrants and Employers. Ed. by Maria Vincenza Desiderio and Anke Schuster. International Organization for Migration.
19. *Iontsev V., Ivakhnyuk I.* (2013) Migrant Integration Models in Modern Russia, CARIM-East RR 2013/13, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013: <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR2013-13.pdf>.
20. *Iontsev V.A. and Ivakhnyuk I.V.* (2002) Russia in the World Migration Flows: Trends of the Last Decade (1992–2001) // World in the Mirror of International Migration. Scientific series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World”. Volume 10. (Moscow: MAKS Press). Pp. 34–78: <http://www.demostudy.ru/menu.htm>.
21. *Ivakhnyuk I.* (2009) The Russian migration policy and its impact on human development: the historical perspective. Research paper for the HDR2009: Human Development on the Move: http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2009/papers/HDRP_2009_14.pdf.
22. *Ivakhnyuk I.V.* (2008) Evraziyskaya migratsionnaya sistema: teoria i politika (Eurasian migration system: theory and policy) // M.: MAKS Press [in Russ.].
23. *Kondratyeva T.* (2010) Diaspory v sovremennom mire: evolutsia yavlenia i poniatiya (Diasporas in the contemporary world: evolution of the phenomenon and concept) Fond Istoricheskoy perspektivy, 27.02.2010 <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886> [in Russ.].
24. *Massey D.S. and Sanchez R.M.* (2010) Identity, Integration, and Future // Brokered Boundaries. Creating Immigrant Identity in Anti-Immigrant Times. New York: Russel Sage Foundation.
25. *Mukomel V.* (2013c) Integration of migrants: Russian Federation. CARIM-East RR 2013/02, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013 (<http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-02.pdf>) [in Russ.].
26. *Mukomel V.I.* (2011) Integratsiya migrantov: vyzovy, potentsial, riski. (Integration of migrants: challenges, policy, social practices) Working paper // Mir Rossii (World of Russia), No. 1, p. 34–50: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0467/analit01.php> [in Russ.].
27. *Mukomel V.I.* (2013a) Politika integratsii migrantov v Rossii: vyzovy, potentsial, riski. (Integration of migrants: challenges, policy, social practices). Working paper. Russian Foreign Affaires Council. Moscow. Spetskniga Publishers (<http://www.slideshare.net/RussianCouncil/ss-16968643>) [in Russ.].
28. *Mukomel V.I.* (2013b) Adaptatsia, integratsia i reintegratsia migrantov v Rossii (Adaptation, integration and re-integration of migrants in Russia) // Migratsia v Rossii: pervoye desyativetie XXI veka (Migration in Russia: the first decade of the XXI century) Ed. by Ivanov I.S. Russian Foreign Affaires Council. Moscow. Spetskniga Publishers. Vol. I, part 2, p. 692–702 [in Russ.].

29. *Osadchaya G.I.* (2010) Migranty iz Armenii i Gruzii v Moskve (Migrants from Armenia and Georgia in Moscow). Moscow, The Russian State Sociological University Publishing House [in Russ.].
30. *Popkov V.D.* (2003) Fenomen etnicheskikh diaspor (Phenomenon of ethnic diasporas). Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow [in Russ.].
31. *Portes A. and Bach R.L.* (1985) Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants in the Unites States. University of California Press, Berkeley and Los Angeles.
32. *Pyadukhov G.A.* (2012) Diaspory i sotsialniye praktiki subjektov uslug v sfere trudovoy migratsii: regionalni aspekt (Diasporas and social practices of service entities in the sphere of labor migration: regional aspect): <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit05.php> [in Russ.].
33. *Taran P.* (2013) Migration, Discrimination: a Global Context Assessment/ Key Issues, Situations and Responses. A paper presented at the ENAR Equality & Work Fifth Conference, Brussels, 5–6 December 2013. <http://www.globalmigrationpolicy.org/articles/integration/Equal@Work%20Migration%20Discrimination%20Context%20Taran%20paper%206-12-13.pdf>.
34. UN (2006) International migration and development. Report of the UN Secretary-General 18 May 2006 : http://www.un.org/esa/population/migration/hld/Text/Report%20of%20the%20SG%28June%2006%29_English.pdf.
35. UNICEF (2011) Polojenie detei-migrantov v Sankt Peterburge (Situation of migrant children in Saint Petersburg). Moscow: UN Children's Fund [in Russ.].
36. *Zaionchkovskaya Zh.A., Tiuriukanova E.V.* (ed.) (2010) Migratsiya i demographicheskii krizis v Rossii (Migration and demographic crisis in Russia). M.: MAKSS Press [in Russ.].

THE CHECHEN DIASPORA IN THE EUROPEAN UNION: INTEGRATION FEATURES

Abstract. *The independence of Chechnya was declared with the dissolution of USSR in 1991 and in 1994 Russian troops entered to republic to restore the constitutional order. The years of Chechen wars (1994-1997 and 1999-2001) led to outflows of forced migrants from the region and even of refugees from Russia to other countries. The Chechen diaspora starts the formation in EU countries and has grown rapidly.*

There is relatively little written about the Chechen diaspora, and what there is focuses on particular countries without looking at the larger picture. Based on the statistical information of EU, UNHCR, surveys of Chechen refugees in Austria, Poland and the Czech Republic, own interviews, and media reports, author evaluates peculiarities of location of Chechen diaspora in the EU and its size, integration strategies, formation of Chechen identity and also makes the conclusions about adaption Chechens to new host societies.

Key words: Chechen diaspora, integration, identity, migration.

Introduction

The year 2014 marks the twentieth anniversary of the start of the first Chechen war, when Russian troops entered republic after the latter is declaration of independence from Russia. The subsequent years of anti-terrorist operations led to outflows of forced migrants from the region and even of refugees from Russia to other countries.

If in the mid 1990s (during the first Chechen war), many families temporarily left Chechnya for the neighboring CIS countries, since the end of that decade and the beginning of the 2000s a second wave of Chechen refugees has begun towards the EU, creating a Chechen diaspora which has grown rapidly in the intervening years.

Russia occupies the first position among European countries regarding the number of asylum seekers to the EU, 95% of whom are Chechens. Thus, on average since the mid-2000s about 20 thousand people per year from Russia seek asylum in the EU with 18,500 in 2010, and 23,360 in 2012, yet in 2013 the number double to 41.270 (Table 1). Many Chechens seeking asylum in Western European countries of the EU, according to the Dublin Convention are sent back to the first country of entry (mostly in Poland), of which 50% have returned back to Chechnya. However, the Chechen diasporas in the EU are growing [Inosmi, 2011].

There is relatively little written about the Chechen diaspora, and what there is focuses on particular countries without looking at the larger picture. The only monograph was “The Chechens in the European Union” [Schahbasi, 2008]. In recent years, however, the new material has appeared. Based on the statistical information of EU, UNHCR, surveys of Chechen refugees in Austria, Poland and the Czech Republic, his own interviews, and media reports, evaluates the size of the Chechen diaspora in the EU, their integration strategies in the labor market, housing, education, building of family relations and of Chechen identity, and their adaptation to new host societies.

Chechens in the EU – strategy of resettlement and the size of diasporas

The majority of Chechens asylum seekers enter the EU illegally or by using transit tickets to visa-free countries (such as the route via Morocco through France that for a few years channeled the flow of Chechens seeking asylum in France), because the embassies of the EU countries are reluctant to issue visas to Chechens. The travel agencies are also afraid to ruin their reputation of the remaining Chechens.

According to stories told by the Chechens, whose friends and relatives moved as refugees to the EU, the majority crossed the Polish or Slovak border illegally from Ukraine or Belarus. They were met by Polish taxi drivers or smugglers (including Chechens) and driven on to Western EU countries. Those stopped by the police on their way to Western Europe in the countries of Central Europe applied for asylum there so as not to be deported, for having illegally crossed the border [Duvell, 2008]. Chechens consider Central Europe as a transit region, and seek to reach Western Europe. The Czech Republic, Hungary, Slovakia, and Poland are not among their priorities because of the low level of recognition of refugee status. For example, in the early 2000s, of 11,000 Chechens entering the Czech Republic, the majority left for Western EU countries, because only 297 received refugee status between 2000 and 2007 [Szczepanikova, 2008], in Poland out of 12,760 applicants in 2013 in the first instance nobody was awarded refugee status [Eurostat, 2013].

How many Chechens are now in the EU?

Unfortunately, it is difficult to give an accurate estimate. UNHCR and Eurostat publish data on the largest flows for each country. Therefore, not all applicants from Russia can be seen statistically, and not all applicants are Chechens. According to the Danish Immigration Agency for 2007–2012 614 people from Russia received refugee status of which 386 were Chechens. For Poland, Czech Republic and Austria, this figure is higher (80 to 95% according to interviewees), but it is difficult to provide an exact figure. Many applicants were returned to CEE as first country of entry in the EU. Often, after achieving

refugee status, in CEE, many Chechens resettle to Western Europe. Some asylum seekers spend years in appeals for recognition, and the statistics on asylum count them in different categories, making it difficult to estimate. For assessment, I have used the data for the main countries receiving refugees from Russia in 1996–2013, although information has some gaps.

According to Eurostat, the main countries hosting the Chechen diaspora are the “old” EU member states, notably France, Belgium, Austria, Denmark, and Germany, where the level of recognition is about 40–50% (compared to the EU average of 25–30%), while in Central Europe the main country is Poland, which has the big Chechen flow because of “windows” in its border with Ukraine, Belarus and Russia [Molodikova, 2009] and Dublin II policy. In 2008 Chechen diasporas in the EU were evaluated as numbering 70,000 [Vatchagaev, 2008], growing to about 130,000 in 2013 [Khazan, 2013]. However, methods of counting are unclear. If we look at available EU statistics (where asylum seekers from Russia were among the five main groups applied for the status from 1996 to 2005) (see Table 1) the number is about 120,000 people. During the period from 2009 to 2013, according to Eurostat, the total of applicants from Russia amounted to 138,925 for all EU countries.

Adding together applicants over the all these years, their number exceeds 250,000 and Chechens are likely 75% of total (on average from 50% to 95%). The number of Chechens might thus be between 220,000 and 120,000 people.

Table 1

Annual number of Asylum seekers from Russia 1996–2006 and 2009–2013

	1996–2000	2001–2006	2009	2010	2011	2012	2013	2009–2013
EU	n/i	n/i	20 075	18 500	13 495*	24 290	41 485	97 440
Austria	609	19 823	3565	2330	1180	3110	2850	13 035
Belgium	2141	5367	2875	2725	1350	2655	2150	11 755
Czech Republic	1016	7900	n/i	50	15	40	50	205
Germany	8963	16 440	1170	n/i	n/i	n/i	15 475	17 425
Denmark	527	872	n/i	400	150	n/i	965	1500
Finland	n/i	n/i	n/i	395	150	225	n/i	770
France	1900	13 282	3785	4610	2070	5930	5145	21 540
Lithuania	123	701	n/i	110	55	95	75	335
Latvia	n/i	n/i	n/i	5	5	10	5	25
Norway	1009	6442	n/i	n/i	n/i	n/i	n/i	n/i
Poland	1421	23545	5725	4695	3820		12845	27085
Slovak Republic	37	6805	n/i	695	25	n/i	n/i	720
Total in main host countries	177 26	101 177	17 120	16 015	22 315	12 065	39 560	94395

Source: Author calculation based on UNHCR.org Eurostat 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013.
Notes:

(1) Data obtained from Statistics UNHCR.org, Eurostat.eu, and the countries where asylum seekers from Russia were among the five major groups of applicants;

(2) (*) Data is presented for the first three quarters of 2011 to Eurostat.eu;

(3) (n/i) Means that for a given year in that country, Russian refugees were not among the five main groups.

In Germany, according to the chairman of the German-Caucasian Society, Ekkehard Maaß, there were about 15 thousand people from Chechnya, but not all of them managed to obtain refugee status, and many face the threat of deportation [Pravo ubezischia, 2013]. According to different sources, there were about 20,000 Chechens in Poland in 2011 [Grzymała Moszczyńska & Trojanek, 2011], about 26,000 in Austria in 2013 [Checheninfo, 2013], about 10 to 12 thousand in France and eight to ten thousand in Belgium in 2008 [Vatchagaev, 2008]. According to Eurostat about 5000 people from Russia apply for asylum annually in France, and about 2500 in Belgium, with some 30–50% obtaining refugee status. If so, in the period of 5 years from 2008, the Chechen diaspora in these countries could have increased to 15,000–18,000 in France and 13,000–15,000 in Belgium. In the Nordic countries, the UK, Switzerland, and Italy based on annual data from UNHCR and Eurostat the number of Russian applicants is small (100 to 300), and the diaspora does not exceed 1000–2000 [Vatchagaev, 2008]. It seems that the real figure is closer to 170,000.

Asylum seekers from Chechnya are well informed about the situation in EU countries where it is easier to get refugee status. Of course, migration to the EU costs money; the price depends on the routes used and the number of smugglers involved. To move to Austria, Chechens pay about \$10,000 US a head [Heinrich & Lobova, 2012]. However, those whose relatives had moved to Belgium, France and Austria, told author that the sum was only 2–3 thousand USD per person.

According to surveys of Chechens in Poland, the Czech Republic and Austria, asylum seekers are relatively young urban families (in Austria about 80% of applicants are urban residents). The average age in Poland and the Czech Republic and Austria was 30–35 for men and 28–32 women. The most typical family structure of recognized refugees in the Czech Republic was a family of five members: two parents and three children. Elderly people are almost absent as they do not want to leave Chechnya [Heinrich & Lobova, 2012; Szczepanikova, 2008; UNHCR, 2010].

Integration of Chechens in the EU

The concept of integration includes on the one hand preservation by the foreigner of important elements of his/her own culture, and on the other – incorporation by them of certain elements of the host country’s culture.

This is impossible without contact with the local population and elimination of the “us-them” opposition. The most important thing in the integration of migrants is their ability to support themselves (having a job, housing, and education, access to health care and other social services, and reproducing the values of their own culture).

At the time of resettlement, the family of Chechens is to a certain extent disoriented, experiencing uncertainty due to the loss of belonging to a social group to which they were affiliated at home. They become dependent on the help of the host State and depend on their decision-making. Nevertheless, Chechens are proud nation and even in a difficult situation do not want to lose face and dignity. Those who are in the EU try to avoid talk about hardships of their lives to relatives in Chechnya. However, sometimes they do stand up and demand attention, as it was when they take over the train from Poland to Strasbourg to draw attention to their plight [Russki zhurnal, 2011].

One universal pattern of integration of Chechens does not exist. Each country has its own legal framework and opportunities for integration. Nevertheless, experts and Chechens themselves point out that the possibility of integration in CEE are much worse than in the West Europe. In CEE, conditions of stay and support of refugees until recently were very modest because these countries have until recently had difficulties hosting refugees, and their economies are experiencing the difficulties of the transition period. Camps for asylum – seekers are often located in small towns or rural areas suffering from unemployment. The local population has a xenophobic attitude toward migrants. In CEE, compared with Western Europe, the proportion of Muslims is small, so Chechens experience many difficulties with maintaining religious traditions.

As regards the application process and appeals, people often wait for months and sometimes years, and this affects their moral health. In a refugee camp in Hungary in 2006, I met a Chechen woman who told the story of her six years between camps with her son, trying to get refugee status. Several times, they were returned to Hungary. In the end, her son was allowed to stay, and she returned to the Caucasus, but not to Chechnya.

According to social workers, Chechens seeking asylum in the 2000s differ significantly from those in the late 1990s who fled from the war: now many people come for a better life and have high expectations [UNHCR, 2010; Heinrich & Lobova, 2012]. In 2013, the exodus of Chechens to the EU was, according to one activist from the Chechen office of “Memorial” NGO, provoked by rumors: “It’s a kind of provocation. They spread the rumor that Germany has opened a quota of 40,000 refugees from Chechnya, and those who do not get status, are given a few thousand euros to return. So, they went...” (Author’s interview, Chechnya, 2013). It means that the life in Chechnya is not secure and people wanted to use the window of opportunity.

1. Kinship and integration. According to experts and social workers, Chechens distinguish from other refugees in their integration in all EU countries. Studies [UNHCR, 2010, 2013] have shown that the refugees from Africa and the Middle East are better able to orient themselves in the Polish camp reality than Chechens. Perhaps this is because the Africans generally do not bring children and families to the EU. This may be also due to the more paternalistic upbringing of the Soviet era, and their understanding of the role of the state:

“All these people from the former Soviet Union expect that the state will give them an apartment, refugees from Africa and Asia... rely only on themselves” [UNHCR, 2013, p. 45].

According to social workers from Austria, Poland and the Czech Republic, the clan culture among Chechens at home exacerbates the low level of adaptation, since they are not used to being responsible for their own destiny, because in Chechnya relatives helped solve their problems. Under the new conditions, there is “no uncle or brother, who would have helped you to solve problems, including finding work...” [UNHCR, 2013, p. 46].

2. Access to work and integration. The possibility of self-maintenance of migrants is closely related to access to jobs. The economic crisis in Europe often forces its own population to leave to work in other countries. Opportunities for economic activity for the refugees are very small. While waiting for a decision on asylum, they cannot officially work in most EU countries for year or half, but they try to work illegally. Even if they obtain the refugee status, Chechens have very limited ability to access the labor market, due to lack of language knowledge and recognition of diplomas. Therefore, the work is typically poorly paid, temporary and often illegal.

According to studies by UNHCR [2010, 2013] unemployment of Chechen refugees leads to their inability to earn sufficient money to rent a flat and buy food. In the case of large families, both parents cannot work, and income per person is rarely enough to pay the rent and support a family.

Chechen men and women frequently feel deeply offended by the frequent cases of discrimination from locals who perceive them as potential thieves and criminals. But in the absence of legal work, some of Chechen men use “the strategy of quick money” associated with various types of criminal activity (smuggling people across the border with Austria, Poland and Germany; taking over single male asylum seekers from Ukraine or Belarus, demanding money from them under the threat of violence; racketeering other migrants, providing a so-called “roof” (i.e. criminal protection racket)) [Szczepanikova, 2008]. Several Chechen informants told the author about the functioning of the so-called underground “shops” where you can buy items at half price, but the seller acted illegally and most likely the goods were stolen somewhere. Such cases negatively affects image of Chechen communities among locals.

Some women, according to Chechen informants provoke their husbands to such activity: “...They were constantly hassled by their wives who complain that they need this and that they buy and that they need more money, and sometimes send things home to prove their success abroad...” [Szczepanikova, 2008, p. 26].

3. Access to housing and integration. The opportunity for refugees to pay for housing is an important part of integration process. However, in CEE it is more problematic to find housing than in the West because of the tiny share of social housing available. Typically, access to social housing (or tenancy by the state for refugees) is included in the integration programs, but they are paid by

state for a year or half. During this time, the refugees are not able to learn the language or find a job.

Another obstacle to finding housing is the prejudice and discrimination of proprietors, who have negative attitudes towards Chechen refugees, associating them with terrorism and viewing as unreliable tenants: “Most landlords, when they hear the word “Chechens” immediately hang up” [UNHCR, 2010, p. 17]. Majority of Chechen families have children, and proprietors do not like to let their apartment to such families. Respondents acknowledged that the Chechens themselves are partly responsible for the negative attitudes – in that they often do not pay utility bills and leave the house in poor condition [UNHCR, 2010, 2013].

The term “Chechen house” in some countries of the EU has become a byword for hopeless poverty and deprivation with poor living conditions and overcrowding. The “Chechen house” in Poland has been described as “an apartment without a kitchen, four or five people living in a room about 15 m²” [UNHCR, 2013, p. 17]. In Austria and Germany, the housing situation is more favorable. Even in the case of refusal of status in the first instance, re-application provides access to housing and some money to stay. As applicants say, “We can survive” [Deutsche Welle, 2013].

4. Education and integration. The possibility of children’s success in school is a strong motivating factor for parents’ integration. The process of education creates synchronization of certain elements of the culture of migrant and the host country and forms a dual identity. The coexistence of the two cultures is possible in the case of in-depth knowledge of both and their mutual interpenetration [Grzymała Moszczyńska & Trojanek, 2011].

The role of the family in upbringing and in transfer of values and behavioral orientations is one of the main factors. If the parents do their best to integrate, and involve the child in the process of education in the host country, the children quickly integrate and become helpers to the parents in their communication in host country. The majority of Chechen children mentioned that they want to study [UNHCR, 2013].

Those, who arrived in infancy or were born in the host country, are lucky in integration process. They have the opportunity to be incorporated into the education system of host country and their career development chances increase dramatically. It is quite another story, however, if the child has reached the age of 14–16 years. They cannot be accepted into a school, because they do not know the language of the country. Young people aged 18 and adults have to take language courses and cultural orientation courses themselves if they are to acquire real knowledge about the host nation.

Unfortunately, Chechen children often experience conflicts in schools due to lack of understanding, knowledge of host society and poor language proficiency. For example, one Chechen girl said that she would like, “...the Polish people to change. Boys and girls in the school would not touch one another... My problem is that they hurt me at school” [Grzymała Moszczyńska & Trojanek, 2011,

p. 86]. In such cases, children may develop negative avoidance as an adaptive strategy, and sometimes prefer open confrontation. Their “*otherness*” becomes for the host children’s school community more clear, and a vicious circle arises [Grzymała Moszczyńska & Trojanek, 2011, p. 76].

Gender relations are also different for the Chechens and the host community. For Chechens the highest value is a family honor, which may not be threatened. Especially women and children are seen as vulnerable and to be kept under control and protected [Heinrich & Lobova, 2012]. In one case, a Polish boy who hurt a Chechen girl was brutally beaten by a Chechen boy, who received the condemnation of Polish society, as a form of disproportional aggression that was not permissible (Grzymała Moszczyńska & Trojanek, 2011, p. 77).

Unfortunately, the cultural distance between Chechens and the host societies is great [Heinrich & Lobova, 2012], leading to frequent situations of conflict for the Chechen children. In Austria, a social worker described the behavior of the Chechen teenagers as “*constantly in conflicts with other teenagers*”.

In conflicts between Chechen children in schools, the principle even invited an imam, but it was a short-term solution. According to teachers, when the school has many Chechen boys, they sense their strength and try to take control in the school [Grzymała Moszczyńska & Trojanek, 2011, p. 81]. Another problem of education and integration, which has a gender dimension, is related to tradition of “preventive protection” of women in Chechnya and consequently family honor by the exclusion of women from public activities. Women’s femininity can be developed mainly in the domestic sphere, as mothers, wives and homemakers [Szczepanikova, 2005, p. 291]. Chechen families in the EU, where after compulsory schooling the girls stay at home and wait for the marriage to a Chechen man, because according to tradition a Chechen woman cannot be given to another ethnic group, reproduce this strategy. A social worker from Austria commented that according to Chechen mothers, “women should be protected from the influence of the free sexual behavior of Western youth. Most of Chechen mother’s dream of marrying off their daughters as soon as possible” [interview with author, 2011, Vienna].

This situation leads to the transformation of gender relations in families. Husbands cease to fulfill their role if they cannot find work – they feel humiliation and loss of masculinity due to their inability to maintain the expected role of the man in exile. This leads to depression, degradation, alcoholism or drug addiction, and violence against family members. Expert studies [UNHCR, 2010, 2013] have shown that alcohol and drug abuse among the refugees were rare in the 1990s, but now are common because of the stress refugees suffer. Psychologists in camps in Poland and the Czech Republic mentioned cases of domestic violence: “...Some men begin to drink; some leave the family, or both. I think it really depends on women” [Szczepanikova, 2008, p. 32]. Thus Chechen men use different strategies to cope with problem of re-building their self-esteem: some are more involved in family life, while others prefer to spend

their money on alcohol or drugs, to meet other (usually non-Chechen) women and / or even use physical violence against their wives and children; others again use the strategy of “*quick money*”.

Several authors have studied the behavior of migrants in exile [Kosack, 1976; Kibria, 1993; Szczepanikova, 2008], noting that women in this new situation are more active than their husbands, but that they do not develop emancipation strategies in family life, rather protecting the patriarchal structures of their families. Most show the opposite of emancipation strategies: they perceive a new “more independent” status in exile as a potential threat to family unity, which is more valuable than western independence. Many Chechen wives choose the strategy of “imitation” of hierarchical relations in order to create the impression (even if they are the only breadwinners in the family) that their husbands are the key decision-makers. This is the typical attempt to preserve a well-established model of family cohesion [Szczepanikova, 2008, p. 31]. Kibria [1993] described the same tactics for Vietnamese refugees who have settled in Philadelphia, USA. Kibria suggests that patriarchal attitudes are often severely affected by migration, since they do not transfer in a simple way. The convenience of the old normative order of patriarchal relations, giving them emotional security can thus outweigh any economic benefits of their independence in the new society [Szczepanikova, 2008].

Recovery of religious identity and integration

The strong point of the Chechen identity, which helped them to preserve their culture during the deportation and two Chechen wars in the 1990s – 2001, was the preservation of family privacy and Muslim traditions [Pilkinton, 1992; Molodikova & Watt, 2013]. The reconstruction of Islam, which is practiced by Chechens in Chechnya, is an important element of life in a new place. In a situation of exile, Chechens choose different strategies to practice Islam, depending on the situation in a particular place [Lukasiewicz, 2011, p. 103]. One of the important components of this process is the religious education of children as an important form of upbringing as part of Chechen identity. It is mainly done at home – through learning prayers, rituals, religious festivals and so on.

From their arrival in the host country, Chechens practice Islam at home, through internet networks and religious festivals; they reconstruct Islam influenced by adats as they do in their home country. However, if there is a mosque nearby they can get close to Muslims from this Mosque (the Middle East and the Tatars) because for ritual worship Chechens face difficulties finding an Imam of their confession. They may invite the imam of another branch of Islam current (such as Tatar or Arab) [Lukasiewicz, 2011, p. 97].

Reconstruction of Islam in exile brings Chechens closer not with the local population, but with the other Muslim groups nearby. Where there is an Arab mosque nearby, Chechen girls begin to wear the hijab, which they may not

have done in Chechnya. Therefore, the second generation of young Chechens who were born or educated in Europe has a tendency to practice the Islam of their local Muslim community or find some other branch of the religion via the Internet [Lukasiewicz, 2011].

Many Chechens in exile are more conservative Muslims than at home. This phenomenon of the religious conservatism of refugees is related to the alienation of Chechens by the new society and its rooting process [Heinrich & Lobova, 2012]. However, conservatism can also be the result of social control by the Chechen diaspora of the host society. Thus, in one refugee center in Germany, Chechen Islamists beat up a Chechen couple for their inappropriate behavior: wife had been wearing trousers and did not wear the hijab. Her husband was taken to hospital, and his wife suffered a miscarriage [Grani.ru, 2013].

If Chechens have fled because of their adherence to the Salafism, they continue to practice it in the EU. Media from time to time publish information on presence of radical members of the Chechen diaspora in the EU. The most widely publicized case is a clash that occurred in Herford in Germany in 2014 between jihadists (supporters of the “Islamic state”) and Kurdish Yezidis. About 100 people were involved. Police arrested six individuals involved in the incident: five leaders were ethnic Chechen Salafist while one was a German who had converted to Islam [Kern, 2014]. A representative of the German intelligence service said that one of the Chechens was a well-trained soldier who had participated in the guerrilla war against Russian troops, whom they regard as “very dangerous.” German intelligence officers have assessed the situation: “...Islamists, among them Russian Chechens, who have nothing to lose and for whom a driving force is poverty and hopelessness, are among us” [Kern, 2014].

With regard to Christian traditions, the Chechens in contrast have distant attitude. One Chechen colleague described her niece in Austria, who she visited in a “Chechen house”: “The Austrians decide to organize Christmas for the children of refugees with a Christmas tree. My niece has boy of 5 years old, and she says to him: “You are not to go to the Christmas tree celebration because it is a Christian holiday, and you are a Muslim!” Child cried and replied: “Then I do not want to be a Muslim!” Oh, they had a real upset! Her husband intervened and said: “Why are you bringing up the child with a negative attitude against our faith?” (Interview with the author in 2011, Austria). According to a survey of Chechens in Austria 100% of respondents identified themselves as believers, but the index of religiosity, which was calculated on the basis of the responses of informants about the performance of religious rituals was relatively low: the average number of points scored was only 14 out of 32 for more than 50% of respondents. About one third of respondents also indicated that they believe in magic and astrology. This number increases with age, especially among women. Thus, non-Islamic and Islamic beliefs and practices coexist in parallel [Heinrich & Lobova, 2012, p. 194].

Cultural and community integration

The preservation of cultural traditions is an important aspect of identity. Festivities, including large wedding ceremonies, are held in the EU in keeping with Chechen traditions (for example, at the wedding the groom and the bride's parents are not present).

The funeral is also an important ceremony and must be done according to the rules with the mullah, though in most cases the body is sent home to Chechnya. Lukasiewicz [2011] perceives cases of burial in exile as an important sign of integration.

The absence of the extended family, the clan and the senior members who usually teach children the history of the family is painfully for refugees. However, as the researchers note, new technologies allow people to watch even Chechen channels and the Internet supports the formation of Chechen identity.

In exile, not only the Islamic traditions (such as circumcision and weddings) are reproduced, but adats, blood feuds and bride abduction, causing considerable problems in the EU countries where such incidents occurred and being reported in the news [Lukasiewicz, 2011].

The relationship of Chechens with the host community, "we" and "them"

Studies carried out in Poland, Austria, Czech Republic, media publications and interviews show that the attitude of the local population to the Chechens is stigmatized, particularly in Central Europe. These circumstances lead to the activation of the Chechens identity as "*alien*," and they perceive the social reality through the prism of nationality: "*We (the Chechens)*" against "*Them (Poles, Czechs, Austrians)*". Social workers in Austria told the author that Chechen society is much closed. The same description was received from the imam of a mosque in Belgium. Perhaps this is due to the fear of closeness by Chechens with regard to possible "retaliation" from the Chechen government for their departure. Rumors attribute several murders of Chechens in Turkey, Austria and the Emirates to the hand of Chechnya president.

The answers to questions about the last time Chechen respondents felt happy and about the plans they have for the future also showed their deprivation experienced in Poland as they remembered the distant past, and their future plans were very vague and unspecific [UNHCR, 2010, 2013]. About 10% of the Chechens surveyed in Austria said they want return to Chechnya. Many negatively evaluated their experience of integration in Austria and only 20% were willing to become fully integrated into Austrian society [Heinrich & Lobova, 2012].

Many Chechens do not see as possible the replacement of their patriarchal order by the new European system. For example, Chechen men and women believe that there is no respect for the elders among European youth. They do

not like the behavior of Czech, Austrian, or Polish children, and are concerned that their children might fall under the bad influence of their peers and lose code respect for their own parents [Moszczyńska & Trojanek, 2011, p. 82].

Not by chance, at a meeting with representatives of the Austrian Ministry of Education, a colleague from the Chechen branch of the Memorial NGO asked them to teach children of Chechen asylum seekers not only Chechen language (which is used in the family), but also Russian. She told that in case of return families to Chechnya, children would be able to go to schools, where the main education language is Russian.

Conclusions

In some EU countries, notably Austria, Belgium, France, Poland, Chechen diasporas have formed which in less than twenty years amount to 150 000 – 170 000 people. However, these diaspora are in the early stages of integration. The concept of integration includes the active interaction between migrants and the host community, and the possibility of being able to support themselves. In this context, Chechens have not reached the necessary level of interaction with host communities and the ability for self-supply.

The integration Chechens is difficult process. This is perhaps in part related to short period since their arrival. In a multicultural environment and with the good opportunities of Western EU countries integration is more successful than in CEE countries. Problems of housing and employment, however, constitute a vicious circle. One negative factor is the above discussed strategy of “quick money” that involves criminal activities.

The integration strategies of the Chechens are considerably limited by the patriarchal structure of Chechen families and the reluctance of women, more successful and active in cooperation with the host country, to develop emancipatory strategies. In contrast, many Chechen men cannot sustain their self-perceptions of their masculinity in their new environment without clan ties, knowledge of the language and available work. Women, therefore, support the patriarchal dependence on the husband, worsening the integration processes of the family, but maintaining its cohesion.

Women’s fear of losing honor confronted with Western liberal sexual behavior impacts negatively on the integration of the family into the host society. Religious practices also bring Chechens together not so much with the local population as with other Moslem migrants. Education is the important part of integration and there are good prospects for children who are young on arrival in the host country. Other migrants, in contrast, must learn the language and a profession on their own or are forced to work in 3D job places.

As the well-known contemporary Chechen writer, Herman Sadullayev said about Chechens abroad: “...My former countrymen believe that the definition of “the Chechen” is no longer associated with the demands imposed on himself, on the contrary, they require other special treatment ... or oppose their system

of values to the host society. And it just becomes a problem. In Europe, you have to be a European. When in Rome do as the Romans do. If you want to stay such a pure true Chechen, you should live in Chechnya, no need to go anywhere” [Russki zhurnal, 2011]. This is echoed by the Caucasian proverb – “*The Chechen may leave his aul¹, but how does the aul leave the Chechen?*”

References

1. Deutsche Welle. Bezenka iz Dagestana. Rodstvenniki prosiat, chtobi ia im menshe zvonila. Deutsche Welle, 02.09.2013 <http://www.dw.de>.
2. *Duvell F.* (2008) Ukraine – immigration and transit country for Chechen refugees. // Janda, Alexander; Leitner, Norbert; Vogl, Mathias (eds.) Chechens in the European Union. Vienna: Österreichischer Integrationsfonds, Federal Ministry of the Interior, pp. 79–92.
3. Eurostat.eu. Eurostat Source: Eurostat (online data code: migr_asyappctza).
4. Grani.ru (2013). V Germanii chechenskie bezentsi izbili zemliakov za ‘nepristoinoe’ povedenie. “Grani” 05.08.2013, <http://grani.ru/Politics/World/Europe/d.217580.html>.
5. *Heinrich H.-Ge. & L. Lobova.* (2012). Religious Identity in an Open Society: The Case of Chechen Refugees in Austria // Malashenko A., H.-Ge. Heinrich, L. Lobova (eds.). “Will Russia Become a Muslim Society”. Vienna, pp. 233–255.
6. Inosmi.ru (2011). Frantsyjskie vlasti vozvrashchayt migrantov v Polshy. La Provence, 25 July 2011: <http://inosmi.ru/20110725/172461392.htm>.
7. *Kern S.* (2014) Holy War Arrives in Germany August 10, 2014, from: <http://www.gatestoneinstitute.org/4590/germany-jihad>
8. *Kibria, N.* (1993). Family tightrope. Princeton, NJ: Princeton University Press.
9. *Khazan O.* (2013). There Are Almost No Chechens in the United States – Here’s Why, April 22, from: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/04/there-are-almost-no-chechens-in-the-united-states-heres-why/275195/>.
10. *Kosack, G.* (1976). Migrant women: The move to Western Europe – a step towards emancipation? *Race and Class*, 17(4), p. 370-379.
11. *Lukasiewicz, K.* (2011). Strategies of reconstructing Islam in exile. A case of Chechens in Poland // K. Gyraak-Sosnowska (ed.). Muslims in Poland and Eastern Europe Widening the European Discourse on Islam. University of Warsaw, Warszawa. P. 89–103.
12. *Molodikova I.N.* (2009). Vengria – bufernaia zona EC // Duvell F., Molodikova I. (eds.). Tranzitnaia migratsia, tranzitnie strani: politika regulirovania. M.: Akademkniga.
13. *Molodikova I. & A. Watt* (2013). Bringing up in the North Caucasus: N.-Y., Routledge.
14. *Moszczyńska, Grzymała H. & M. Trojanek* (2011). Image of the world and themselves built by young Chechens living in Polish refugee centers // K. Gyraak-Sosnowska (ed.) Muslims in Poland and Eastern Europe Widening the European

¹ Aul – Caucasus regions the rural settlement like village.

- Discourse on Islam. Warszawa, University of Warsaw, 2011. P. 69–89. <http://www.spiegel.de/international/europe/refugees-from-chechnya-see-new-life-in-germany-a-918720.html>.
15. Pravo Ybezischa (2013) from [Http:// russian-fact.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE+%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D1%89%D0%B0](http://russian-fact.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE+%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D1%89%D0%B0).
 16. *Pilkington, H.* (1992). Russia and the former Soviet republics. Behind the mask of Soviet unity: Realities of women's lives. // C. Corrin (ed.). Superwomen and the double burden: Women's experience of change in Central and Eastern Europe and the former Soviet Union. London: Scarlet Press. P. 180–235.
 17. Russkii Zhurnal (2011). Chechentsi v Evrope: Beseda s Germanom Sadylaevim, 19 August 2011: <http://newsland.com/news/detail/id/762489/>.
 18. Spiegel.de. Bidder B. & M. Popp (2013). Third Wave: Thousands of Chechens Seek Refuge in Germany, from: *Spiegel. Online. International*. August 28, 2013 : <http://www.spiegel.de/international/europe/refugees-from-chechnya-see-new-life-in-germany-a-918720.html>
 19. *Szczepanikova, A.* (2005). Gender relations in a refugee camp: A case of Chechens seeking asylum in the Czech Republic. *Journal of Refugee Studies*, 18(3). P. 281–298.
 20. *Szczepanikova, A.* (2008). Settlement and (re)construction of gender relations in exile: Chechen refugees in Eastern Europe in Chechens in the European Union // Janda, Alexander; Leitner, Norbert; Vogl, Mathias (eds.). Chechens in the European Union. Vienna: Österreichischer Integrations fonds, Federal Ministry of the Interior. From: <http://ssrn.com/abstract=1587702>.
 21. UNHCR (2013) Where is my home? Homelessness and Access to Housing among Asylum-seekers, Refugees and Persons with International Protection in Poland. From: <http://www.unhcr-centraleurope.org/pdf/where-we-work/poland/where-is-my-home-poland.html>.
 22. UNHCR (2010). Refugee Homelessness in Poland – Results of a Pilot Study Research Report/Policy paper. By Kinga Wysieńska Natalya Ryabińska. UNHCR, Warsaw.
 23. UNHCR <http://unhcr.org>. Data sheet (2005) on EU countries.
 24. *Vatchagaev M.* (2008). Chechnya's Exodus to Europe. January 24, 2008, from: http://www.jamestown.org/programs/nc/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=4678&tx_ttnews%5BbackPid%5D=169&no_cache=1.

INTEGRATION CONTRACTS AS IMMIGRATION POLICY TOOLS: THE EUROPEAN EXPERIENCE RELEVANCE FOR RUSSIA

Abstract. *Due to shortage of labor resources Russia, in spite of measures undertaken to set-off the able-bodied population decrease with various economic and technological means, is bound to use migrants as the main compensatory resource at its labor market. To prevent migrants' alienation and isolation from the recipient society and build-up of interethnic conflicts it is necessary to develop programs of adaptation and integration. The bill "On social and cultural adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation" drafted by the Russian Federal Migration Service is a certain move in this direction. The draft defines a series of specific measures aimed at migrant adaptation and integration. Inter alia, the draft introduces adaptation and integration contracts. Industrial states of West Europe employ integration contracts as tools of immigration policy for more than 20 years. Over these years these states have accumulated a considerable experience, positive as well as negative. Understanding of this experience presents itself not just useful but indispensable for Russia. The author tries to find those necessary substantial fundamentals of adaptation and integration contracts that may be concluded with different categories of migrants and does that through global vision and understanding of the global integration process and analysis of civil integration of migrants in recipient Western societies on examples of specific countries (the Netherlands, France, and Germany).*

Key words: immigration policy, integration of migrants, integration contracts, adaptation contracts.

Russia has faced the mass immigrant influx phenomenon relatively recently. According to the Russian Federal Migration Service, in 2013 the inflow of migrants exceeds 17.5 million people. However, understanding of the fact that Russia is an immigration country to the same extent as all developed countries is lacking so far in the Russian political class as well as in the public at large and in population [Malakhov, 2014, p.6]. Nevertheless, after all, immigration is a complex, multi-level process and presents an incredibly difficult problem for any recipient society. That said, it should be emphasized that ever-increasing number of foreign citizens, labor migrants in the first place, comes to Russia in order to settle for permanent residence. Nowadays a considerable part of labor migrants guest workers are the permanent residents of Russia either de facto or de jure. It should be noted that the "second generation" of migrants has not entered its active life as yet while, as West European countries'

experience demonstrates, the conflict potential is connected precisely with young people born and grown up in countries of their parents' immigration. Immigrants' grandchildren have begun to be born. Analysts have invented and introduced a new term for description of these young people: "the third generation immigrants". Grown-up children born in countries of their parents' previous residence have begun to come to their parents who have settled in Russia. Such young people can be described as "the migrants of one and a half generation". All these developments have noticeably complicated Russia's population in ethnic, racial, and religious respects. Co-existence of the native population and migrants is a priority problem for vital activities, durability and stability of the Russian society. Presence of a great number of foreigners who speak different languages and belong to different cultures in many cases causes negative reactions of the native population. Growth of intolerance, xenophobia and migrant phobia manifestations is observed. Moreover, nationalists of various sorts and stripes who are ready to translate any conflict into interethnic contradictions and to make them a pretext for street riots frequently use the fact.

Therefore, it is possible to put the question in this respect. Does Russia need immigrants, and if yes, then for what purpose? Is it not easier just to impose strict restrictions on immigrants' arrival in Russia and to resolve the problem in this way? We should become aware of the fact that Russia meets with shortage of labor resources. Economic authorities and expert community assess this shortage as one of the most acute problems of medium- and long-term development. It is acknowledged that this shortage potentially can have a negative impact on the national economy's growth rates. Despite chances to compensate decrease of able-bodied population with economic and technological methods in 2011–2020, migration remains to be the principal compensatory resource for Russia as well as the EU countries, especially so in branches where requirements to personnel quality are relatively low. As V. I. Mukomel asserts fairly, "for Russia immigration is not issue of choice but the issue of necessity. Immigration becomes the most important element of economic growth potential sustentation, maintenance of stability in some regions and national security maintenance [Mukomel, 2013, p. 4]. And, in full understanding of all problems the Russian society, may encounter in result of mass migration, V. Mukomel continues: "The massive influx of alien migrants will be the global challenge, if we fail to adapt and integrate those migrants who link up their own future with Russia and to convert them into loyal citizens irrespective of their ethnic origins and states of their departure" [ibid]. Programs of adaptation and integration are required to prevent migrants' isolation and aggravation of interethnic conflicts. The bill "On social and cultural adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation" elaborated by the Federal Migration Service has become a certain move in this direction. The bill defines a number of measures aimed at adaptation and integration of migrants including introduction of adaptation and integration contracts.

The notion of “contract” places emphasis on the fact that integration is a “bilateral process”. It means that immigrants have not only rights but also obligations in respect of a level of their integration. Such approach differs from multicultural approaches that are focused on groups or communities, not on individuals, and seek to acknowledge cultural distinctions and differences. Some scientists as, for instance, Roger Brubaker [2012] and Christian Joppke [2013] consider that as the breakdown of multiculturalism and “return of assimilation”.

History of integration contracts introduction. The idea to introduce integration contracts for immigrants ascends to 1989 when The Netherlands Scientific Council for the State Policy (WRR) published its report. The idea was considered as the resolution of long-term unemployment problem. This kind of unemployment prevails among some groups of immigrants and the authors of the report supposed that mastering the language has the decisive importance for the resolution of the problem [Jacobs et al., 2007; Bruquetas-Callejo et al., 2010]. Since the late 1990s, policy of the integration contract was accepted in various European states and as of now, this policy is rather widely used in European countries. Sweden, Denmark, and Finland were the first countries that adopted this policy. The Netherlands, Austria, Belgium, France, the UK and Estonia followed the suit later. Now Germany has mandatory courses of integration. Switzerland in 2006 passed a resolution on optional integration convention that from January 1, 2008, is a part of the Federal law on foreigners. In 2012, integration contracts emerged in Italy. Hungary examines creation of such contracts. Contracts issue is actively discussed in Spain [International Organisation for Migration, 2011]. Though as early as during parliamentary election campaign of 2008 Mariano Rajoy, the chairman of Popular party (Partido Popular), declared that if his party formed the government it would amend the Law on foreigners (Ley de Extranjeria) and introduce the obligation of migrants coming to Spain to sign legally binding contracts and undertake obligation to respect Spanish laws and customs, gain command of the Spanish language, pay taxes and work vigorously in order to integrate in the Spanish society. If migrants were unemployed for a year, they would be deported back to their native countries¹.

The content of contracts in all countries has one common idea: study of language and fundamentals of citizenship comprise the mandatory ground of integration. However, these studies have peculiarities that depend on a recipient country [Judina, 2014; International Organisation for Migration, 2011].

Now the EU continues to bear bureaucratic pressures in favor of integration contracts introduction in countries where such contracts are not used as yet and offers financial support to these countries. Therefore, within the “limits of

¹ Rajoy quiere obligar a los inmigrantes a firmar “un contrato de integración”/ http://www.elpais.com/articulo/espana/Rajoy/quiere/obligar/inmigrantes/firmar/contrato/integracion/elpepiesp/20080207elpepinac_6/Tes

integration” the EU Commission pays special care to creation of national contact point’s network at the level of respective ministries (ministries of interior, of labor and social policy) for exchange of experiences of “civil integration” regulations incorporation into the immigration laws. In the long-term perspective, the Commission supposes to form system of immigrant integration common for the EU countries and based on uniform principles and aims, with mandatory monitoring of achievements and failures. On June 25, 2007, the Council of Europe passed a decision to establish the European Foundation for Integration of Foreigners (EIF) within framework of joint program “Solidarity and migration flows management”. The Foundation’s budget for 2007–2013 was 825 million Euro. The Foundation funds national programs of immigrant adaptation and language courses [European Commission, 2007]. Similar foundation called “Asylums, migrations and integration of foreigners” (AMIF) was launched since 2014. Its total budget for 2014–2020 period amounts to 317 000 000 Euro [European Commission, 2014a].

Therefore, as Olga Potemkina notes fairly, “limits of integration” should be characterized as a new multi-level method of foreign citizens integration management at the supranational level with employment of measures that are not legally binding (so called ‘soft legislation’) and various supranational network structures that became the source of “quasi-open method of coordination” with use of indicators and control points as principal tools [European Commission, 2008].

Let us follow up evolution of contracts in the aspect of integration policy on examples of several European countries.

The Netherlands. Up to the early 1990s, the Netherlands government did not set up the task to integrate arriving immigrants into the Dutch society. The Netherlanders perceived their country as the country tolerant to other cultures and ready to accept people of diverse origins. The Netherlands government undertook the first attempts to develop and implement a policy aimed at immigrant population in the late 1980s. This policy was called “policy of minority”. Foreign citizens coming to the Netherlands with the purpose to get temporary jobs were considered as “guest workers”. It was assumed that these people would leave the country soon and because of their temporary staying their integration did not require special measures. However, in reality, many of such guest workers stayed in the country and in the course of time they brought their families in the Netherlands too and that process was a cause of new immigration flow along the family reunification channel. The obsolete approach was changed in the 1990s when principles of integration (with an emphasis on equal participation in life of the recipient society, mutual acceptance and discrimination overcoming) were laid in the basis of policy towards immigrants. That period became the time when the idea of multiculturalism emerged as the basic principle of policy towards immigrants. However as early as the late 1990s an increasing number of questions in respect of possibility to implement principles of multiculturalism and tolerance began to emerge. Public integration

courses (Inburgeringscursussen) became the principal instrument of the new “integration policy” adopted in 1994. This new policy was aimed at facilitation of newcomers’ initial integration based on such courses developed at the local level in several Dutch cities in the early 1990s. Newcomers were supplied with training materials in the Dutch language and information on the Dutch society. Policy of mandatory integration was implemented for the first time in 1998, with emergence of so-called Law on integration. The law imposes certain obligations on new migrants (Wet Inburgering Nieuwkomers, WIN). In particular, newcomers had to take mandatory language study and course of social integration (both courses were considered as the basic starting conditions for successful integration). From 2002, when the control of immigration and integration became intertwined inseparably, the Ministry of justice that carried out immigration control acquired the responsibility for integration. The new policy got the name “integration policy of new style” and from 2002 onwards, it was directed to reformation of public integration courses.

In January of 2006, the scope of the law was expanded. In particular, mandatory integration exams for foreign citizens who applied for permanent residence in the Netherlands were introduced. Therefore, not only newly arrived immigrants but also foreign citizens coming to the country with intention to reside in it permanently were included in the category of persons liable to the mandatory integration. The government also introduced the additional plan Delta to provide greater opportunities for successful graduation of language and social integration courses as well as for acceleration of integration through participation in the public life. In 2007, the new coalition government of the Netherlands proclaimed the political course under “Live together, work together” slogan. That was an attempt of a kind to reconcile existing contradictions in the society in respect of migrant integration issues. The new policy was based on principles of social unity and participation. Complexity of the approach is the retention of sufficient education level for the second and the third generations of immigrants. That level is the sine qua non for successful integration of these migrants at the labor market.

The greatest innovative change offered by the law is application of sanctions to immigrants who were unable to pass the integration test successfully. The law also made passing of test prior to arrival to the country an obligation for certain categories of entrants. Pursuant to the new law, receipt of work permit and permit to stay in the country requires considerable efforts and long-term interest on the part of a foreign citizen. Employers also have to incur certain obligations.

The strongest manifestation of integration and immigration policy trend is the new policy reflected in the “Law on integration abroad”. The essence of the law is as follows: foreign citizens have to acquire basics of language and knowledge of the Dutch society and public life prior to acquisition of entry visa to the Netherlands. Testing is carried on in countries of immigrants’ origin. The fact of some interest is that the course materials (price of these textbooks is four

Euro) demonstrate, as a rule, same-sex marriages and women naked to the waist. The very textbook is offered in the Netherlands embassies at the price of 350 Euro. The actual cost of the pass (430 Euro for temporary staying and 850 Euro for permanent residence) should be added to the cost of textbooks [Bruquetas-Callejo et al., 2010].

The law had a particular impact on people who wanted re-unite their families. Now members of families are bound to pass integration test at the Netherlands embassies abroad and this test is the prerequisite for receipt of residence permit. Since there is no state program of the Dutch education abroad it should be assumed that the “integration abroad” has really become an instrument of ‘undesirable immigration’ prevention because people with families, as a rule, are less skilled and therefore are not considered to be a valuable supplement to the Dutch economy and society. We note that after introduction of the new scheme number of migrants having families dropped drastically. In February of 2013, the Netherlands government announced its tasks in the sphere of integration. The main efforts should be undertaken in three directions of activity: 1) an immigrant should take part in his own integration and be independent; 2) limits should be established and an immigrant has to study; 3) an immigrant should develop contacts with other persons and internalize values [European Commission, 2014b]. Thus, the state does not institute any mandatory conditions of courses attendance. The state also does not organize the very courses. The national government establishes the certification system for determination of the quality of services provided for training necessary to pass the exams. Organization and operation of the courses comprise the business of various private and non-governmental organizations that provide services. Foreign citizens enjoy the complete freedom to choose a way of training required for passing the exams.

Upon an immigrant’s settlement in a particular, district his/her personal data are docketed in the municipal database. After that, local authorities inform the newly arrived immigrant about his/her rights and obligations. During this procedure of initiation, the newly arrived immigrant countersigns a pledge and undertakes to report to local authorities about his/her achievements in integration once in every 6 months. The local authorities, for their part, are bound to control the process of integration in order to determine when the immigrant is ready to pass the test. If in five years since the moment of settlement the immigrant fails to pass the exam successfully, the immigrant can be fined. The same procedure is applied to migrants who arrived earlier.

France. If in the Netherlands integration was an obvious departure from the previous “policy of ethnic minorities” then integration in France is rather a continuation of the old course to assimilation. France was one of the first countries that defined its immigration policy as “integration policy” [Guiraudon, 2008]. On April 10, 2003, the Interagency Committee for Integration annually approved the national program of actions. The program contains 55 clauses pertaining not only immigrant population but the French citizens as well. The

aim of the program is to create “integration trajectories” that would help to include foreign citizens in the French social life, to combat discrimination and to provide immigrants with the rights equal to rights the French citizens enjoy. Upon the first four years of a foreign citizen’s voluntary participation in integration programs and upon the general election of 2002 the French government accepted the Danish model as the basis of the French integration policy. This model implies making of mandatory integration contracts with foreign citizens intending to get permits for permanent residence in France as well as establishment of strong interconnection between immigration and integration policies. In July of 2003, the French government launched the ambitious program called Contracts d’accueil et de l’integration (CAI) [Joppke, 2007]. The program implied conclusion of mandatory contracts, i.e. agreements between a foreign citizen and the French state on issues of the immigrant integration. These contracts define main rights and obligations of both parties. The Program was tested and approved in 12 regions of France. The Program included a single day study of civic consciousness and then, if necessary, no more than 500 hours of French language study. It is interesting that only about one third of newcomers were assigned to the French language courses. The peculiarity is explained by the fact that the majority of newcomers consisted of French-speaking people. That is the considerable difference between the French and Dutch or German problems of civil integration (command of German and Dutch is by far more important problem for integration of immigrants). From 2006 onwards, particularly upon election of Nicolas Sarkozy to the President of the French Republic in 2007 a number of amendments was introduced into the immigration laws. Since January of 2007, all immigrants arriving to France are bound to make integration contracts (Contracts d’accueil et de l’integration). Such contract makes all immigrants, either residing in the country or coming to it for the first time, liable to exert every effort for integration, respect the French values such as separation of church and state and equality of men and women, join any non-governmental organization (church choir, football team etc.) and master the French to the level required by the law. An immigrant is also bound to complete a course of the French history and culture studies and to master peculiarities of life in France. In the day of contract, signing the film “Living in France” is demonstrated to immigrants who are interviewed personally. During some interviews command of the French language is tested, immigrants’ requirements in work, social services and housing are discovered and migrants’ health are checked and examined.

Content of French history and culture studies and studies of fundamentals of life in France as well as the volume of the materials to be mastered may vary for different categories of immigrants. In addition, if a migrant’s command of the French written or oral language is not high enough, such migrant has to complete the mandatory course of language study. Number of study hours is stipulated with every immigrant individually but his/her level of language command must be sufficient for naturalization.

The contract is signed for the term of one year and can be prolonged twice. CAI embraces every person of 18 plus. The National Agency for the Receipt of Foreigners and Immigration (ANAEM) is responsible for issues of integration contracts. The main tasks of this institution include receipt of foreign citizens, monitoring of integration contracts signing and furnishing of all necessary information on issues of integration. It should be emphasized that there is another agency, ex-Fas and ex-Fasild (ACSÉ) which is also responsible for integration of immigrants, so it can be said that the contract is a part of reception policy (immigration control) and not of the integration policy. Now the contract is important for obtaining place of permanent residence (“10 years card”) but in the short-term, it is required for naturalization too.

Within framework of the integration contract the state has to perform the following obligations: dissemination of civil education basics in respect of principles and fundamentals of the French institutions’ functioning, familiarization with the values of the French Republic (republican form of government, equality of men and women, secular character of the authority); language education with the subsequent issue of initial certificate of level of language command; provision of social support for individuals whose personal, familial or other circumstances requiring extra state assistance. Since January 1, 2007, these actions of state institutions are funded by the French Republic Office for Immigration and Integration (OFII) and are provided free of charge to foreigners who signed contracts. The period of contract validity is one year but if necessary and upon agreement of the parties it can be resumed for the same term.

If a foreigner fails to fulfill his integration contract, a respective prefect may deny the right to stay in the country when he makes a decision on extension of the visa for staying/residence. Besides that, fulfillment of integration contract terms and study of the French language are taken into account when the carte de resident with the right of its subsequent extension is provided.

Germany. Germany was the first state that introduced the practice of civil integration in respect of ethnic migrants coming from East European countries and former Soviet Union. Due to their German origins these migrants were considered “return migrants” by the German laws. Since the 1990s Germany offered language courses to potential ethnic migrants in countries of their origin. These courses have to prepare potential migrants for the “status test” they must pass before obtaining the right to immigrate to Germany. The resettlement policy always provided for a number of measures including study of German language to ease migrant resettlement upon their arrival to Germany. Similar courses were not opened for other immigrant groups, for instance, for guest workers.

The Law on immigration (Zuwanderungsgesetz) passed in 2004 introduced new integration approaches. The law puts the emphasis on command of the language. The principal novelty consisted in the same 600 hours language study program and the same 30 hours program of German history and culture studies for ethnic and alien migrants alike.

Despite the fact that idea of integration courses (Integrationskurse) [Özcan, Grimbacher, 2007] was for the first time presented by so called Süsmuth Commission in 2001 [The Independent Commission, 2001] (this report paved the way for the Act to Control and Restrict Immigration of 2004) [Act..., 2004] proclaimed “the right” to take part in, there was no doubt that attendance of the integration courses had to be compulsory. The Süsmuth Commission report said: “The courses are to be mandatory. However fines imposed in case of non-attendance cannot be implemented”. So a paradox emerged: can an obligation exist with no penalty? The same inconsistency can be traced in other clauses of the Law on immigration of 2004. Thus Article 44 of the Act defines the “right” to take part in integration courses for new migrants coming not from the EU. In addition, section 44a, in its turn, creates “obligation” to take part in the integration courses for those mentioned in the above clause but are unable “to engage in a simple conversation in German”. According to this construction, some “new migrants” enjoy the “right” to the courses and at the same time are obliged to attend integration courses. The new integration policy was rather actively debated in Germany. A lot of questions were discussed. The issue of sanctions imposed for non-attendance of integration courses was among aspects discussed most heatedly. Were these sanctions to be more positive or more negative character? Who has to pay for the courses, a migrant or the state? If the state pays then what authorities will do that, the Federal government or local, municipal authorities? Finally, a compromise on both issues was achieved. In respect of sanctions, the positive component consisted in the decision to reduce the period of permanent residence required for naturalization from 8 to 7 years if a migrant takes a part in integration course successfully. List of negative sanctions was also determined and compiled. As to financial sanctions, they were narrowed down to insignificant reduction of social allowances in case of non-attendance. As to issue of residence permit forfeiture a rigid formula was included in the Act on immigration of 2004 (section 8.3). This formula affirms that non-attendance “may” brings about resumption of a temporary permit or denial of the permanent residence permit.

Nevertheless, nowadays the German integration policy promptly moves in direction of compulsion. In May of 2006, after intense debates on so called “murders of honor” among the Turkish immigrants and ethnic violence in a Berlin public school the Federal minister of Interior and ministers of Interior of lands came to the agreement that the attendance of public integration courses and study of the German are prerequisites for naturalization. In addition to that, a provision on “integration abroad” was recently introduced in the Law on immigration for migrants with families. Since that, last reform migrants in general (with the exception of migrants from developed countries like the USA or Australia) are bound to prove their command of basic German language at the entry checkpoint. This provision was subject to severe criticism by representatives of major (predominantly Moslem) Turkish immigrant community in Germany who felt that the main aims of reform spread on them directly.

Conclusions. We have examined the range of contracts on example of three countries and paid the particular attention to tasks of these contracts, resources assigned to integration of a new migrant in a recipient society, terms of contract validity and to significance of contracts for obtainment of residence permit and further steps to acquisition of citizenship. On one end of the range, the contract is a structure of incentives based on ability of newcomers to speak a recipient country's language that would ease job hunting and inclusion into the society. Language courses are free of charge, contracts are not mandatory and sanctions applied in case of non-attendance or failure to pass test are minimal. On the other end of the range contract is, in the first place, tools of undesirable migrant flows containment. At the same time, as I. P. Tsapenko points out fairly, a drift toward a stricter version is observed in the continent of Europe [Tsapenko, 2008]. The trend is manifested, first of all, in transition from voluntary to mandatory courses and in increase of fines for non-compliance with this requirement. Secondly, this trend is manifested in transition from free courses to paid courses. Thirdly, new relations between integration and immigration policies are established and political integration becomes a way to restrict various types of immigrants' entry to recipient countries. For instance, the unwritten rule is being established: some categories of migrants as, for example, basic command of language of people who want to immigrate for reunification of their families or for marriage is to be tested prior to their arrival to a country of immigration. In other words, a steady trend to external integration or integration abroad emerges. The fourth, the emphasis is made on immigrants from developing and threshold countries as distinct from immigrants from developed countries such as the USA, Australia, New Zealand and Japan. Therefore, it is possible to make a suggestion: immigrants from developing and threshold countries have lesser chances for successful integration than immigrants from the developed countries. Fifthly, sanctions, not incentives prevail in all contracts. For instance, the emphasis is made on denial of residence permits or forfeiture of social rights. Sixthly, contracts have blurred and eroded boundaries between immigration and movement toward acquisition of citizenship and demand fulfillment of civil obligations from persons who are not citizens as yet. Therefore, even suggestions are made to replace "integration contract" term and to use instead of it the term "immigration contract" to indicate that integration of immigrants is really the sole task of contracts. Seventhly, contracts do not consider integration from position of the recipient society.

Taking failures into account and relying on the positive experience accumulated by the developed countries it seems that we have to keep in mind the following moments.

Firstly, it is necessary to be aware that the contract means a very narrow understanding of integration as a process. Enforcement of immigrants to study language of history and law does not ensure economic success or social inclusion to migrants. That depends on many factors. So, in spite of expediency of such contracts introduction in Russia we have to increase emphasis on solution of

social and economic problems, on resistance to social exclusion of immigrants and to accumulation of disintegrative and conflict potential, on improvement of material and social conditions of foreign ethnic communities and ensuring their greater openness in the process of such contracts conclusion in Russia. All these efforts will help to weaken tendencies to intensification of ethnic differences and cultural distinctiveness, to self-realization in extremist forms and so on.

Secondly, it is necessary to take every effort for increase the specific weight of those who identify themselves with Russia in the total mass of migrants. The legal status of foreigners including procedure and rules of citizenship acquisition has to be updated in this direction.

Thirdly, we have to beware our Russian straightforward approach to evaluation of immigrant integration effectiveness. It is our opinion that this approach must not be based only on quantitative indices including quantity of concluded contracts, number of courses carried out, volume of funds obtained from employers or migrants. Such attitude too often means oblivion of what happens with newcomers in reality. To avoid such ignorance the emerging situation has to be monitored constantly.

Bibliography

1. Act to Control and Restrict Immigration and to Regulate the Residence and Integration of EU Citizens and Foreigners (Immigration Act) of 30 July 2004/ Federal Law Gazette Volume 2004, Part I, No. 41, issued in Bonn on 5 August 2004: http://www.proasyl.de/fileadmin/proasyl/fm_redakteure/Englisch/German_Immigration_Act.pdf
2. *Brubaker R.* (2012) *The Role of the State in Cultural Integration: Trends, Challenges, and Ways Ahead*, Washington, DC: Migration Policy Institute
3. Bruquetas-Callejo M., Garcés-Mascareñas B., Penninx R., and Scholten P. (2010) *Policymaking Related to Immigration and Integration. The Dutch Case*, Working Paper N 15, IMISCOE WP Country report: <http://www.mighealth.net/nl/images/8/8c/Brus.pdf>
4. European Commission (2007). *Integration Fund*: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/integration-fund/index_en.htm
5. European Commission (2008) *Strengthening actions and tools to meet integration challenges*. Report to the ministerial Conference on Integration, Commission Staff Working Document, SEC 2626, Brussels, 8 October 2008.
6. European Commission (2014a). *Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF), 2014*: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/integration-fund/index_en.htm
7. European Commission (2014b) *European Migration Network / Ad-Hoc Query on Immigrant Integration Plans*: [http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/ad-hoc-queries/integration/497_emn_ahq_immigrant_integration_plan_15jan2014_\(wider_dissemination\).pdf](http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/ad-hoc-queries/integration/497_emn_ahq_immigrant_integration_plan_15jan2014_(wider_dissemination).pdf)

8. *Jacobs D., Rea A.* (2007) The End of National Models? Integration Courses and Citizenship Trajectories in Europe, paper presented at the EUSA conference in Montreal, 17-19 May 2007.
9. *Guiraudon V.* (2008) Integration Contracts for Immigrants: Common Trends and Differences in the European Experience/ Area: Demography, Population & International Migrations, ARI 43/2008, Date: 7/5/2008: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/6fe038004f018be18123e53170baea4d1/ARI43-2008>.
10. International Organization for Migration. Legislation and policies in the sphere of immigrant integration. Digest of legal acts, policies and practices of 19 states in the sphere of immigrant integration. Published by the IOM Moscow Office, 2011.
11. *Iudina T.N.* Adaptation and Integration Contracts: Recipient Countries' Experience for Russia The Altay School of Political Studies, 2014: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2851>. [in Russ.]
12. *Joppke C.* Do Obligatory Civic Integration Courses for Immigrants in Western Europe further Integration? / Police Drief, № 8, October 2007: http://www.hwwi.org/uploads/tx_wilpubdb/PB08_IntegrationCourses_02.pdf
13. *Joppke C.*, Citizenship and Immigration. Cambridge: Polity Press, 2010.
14. *Malakhov V.S.* Integration of Migrants: the European Experience and Russia's Prospects: Working Paper. The Russian Council for International Affairs. Moscow, 2014. <http://russiancouncil.ru/common/upload/WP12Migration-Ru.pdf>. [in Russ.]
15. *Mukomel V.I.* Policy of migrants' integration in Russia: challenges, potential, risks: Working Paper. The Russian Council for International Affairs, 2013: http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_migration_413.pdf [in Russian]
16. *Özcan V., Grimbacher S.* "Deutschland", focus Migration Länderprofil Nr. 1, 2007: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/kurzdosiers/57371/Deutschland>
17. The Independent Commission on Migration to Germany. "Structuring Immigration, Fostering Integration," July 2001: http://www2.rz.hu-berlin.de/population/zuwanderungskonzepte/Zusammenfassung_des_Berichts_als_PDF-Download_engl.pdf
18. *Tsapenko I.P.* Developed Nations: Integration policy toward immigrants / The World Economy and International Relations magazine, 2008, # 3, pp. 59-69 [in Russ.]

YOUNG SCIENTIST'S VIEWPOINTS

Gahramanova Urnisa Polad kzi

POLICY ON INTEGRATION OF MIGRANTS IN GERMANY

Abstract. *The article deals with the evolution of the policy on immigration and integration in Germany. There was done analysis of the policy on integration of immigrants provided by German authorities in respect to different groups of the migrants. The main attention is drawn to the concrete actions undertaken by the German government for the successful integration of 15 million people with a migration background to the German society. It was concluded that the experience of Germany can be useful for Russian Federation where the problem of integration of immigrants becomes very important due to a growth of anti-immigration attitudes during past years.*

Introduction

The huge losses of life during World War II caused the beginning of the mass migration to Germany after the war since the Federal Republic had a need for foreign labour due to the active economic development. Those years the German government concerned labour migration as a temporary phenomenon: all guest workers were perceived as guests, which supposed to return back by the end their job contracts. But this did not happen, the labour migrants became immigrants. Ignorance of immigrants by the German authorities has led to a growth of social tensions, xenophobia and clashes between migrants and local people. Immigrants were below the German society. They did not have access to education and the labour market. The immigrants started to form the migrant's enclaves.

In the beginning of 2000 Germany could not ignore anymore the fact that the huge peace of population lives below the German society. Therefore German authorities started to carry out a deliberate integration policy. Germany made an immigration policy nearly in 50 years after the start of attracting immigrants, a several integration courses have started, the integration became a key part of the immigration policy.

The main group of immigrants in Germany

In XX century Germany has experienced several big immigration waves due to the social and political transformations in German society. Formally, the flow of immigrants can be divided into the following four groups:

- repatriates and late repatriates: the ethnic Germans immigrated to Germany by the resettlement programs. More than 2.5 million people including 1.6 million late repatriates moved to Germany as migrants between 1990 and 2011¹;
- labour migrants: the guest workers were invited to Germany in accordance with a series of bilateral recruitment agreements during 1955–1973 years. As a result of these agreements in the period from 1960 to 1973 the amount of the foreign population in Germany has increased from 686 thousand to 2.6 million.² In general, during the period from 1973 to 1988 the number of foreigners in Germany was growing quite slowly – increasing from 4 million to 4.8 million people that were about 7.5% of the population. However, since 1988 the number of foreigners entering Germany started to grow again, exceeding the number of persons leaving the country (Federal Ministry of the Interior 2011). Since the number of migrants in Germany only grows, mainly due to the fact that migrant workers prolong their employment contracts and bring their families. However, though the fact that the labour migrants quickly grow, the German society and the authorities were considering them as a temporary, i.e. as the group of migrants that does not need to integrate into the existing German reality;
- all others (refugees, Jewish immigration and etc.).

Evolution of integration policy in Germany

The growth of migrants in 1970-1980 years was led to an anti-immigration sentiment. The integration of migrants into the German society remained the major problem. Therefore the German government attempted to foster integration of immigrants into German society. Unfortunately, there was not any serious integration policy provided Germany until the 2000s, except the integration courses for learning German for ethnic German immigrants (Spaetaussiedler).

Essential changes in migration policy of Germany was happened on May 7, 1999 when enactment of the first new Citizenship Law (Staatsangehörigkeitgesetz or StAG) in last 86 years was passed in the Bundestag. The main aim of the reformation of the migration policy was creating new conditions for integration of the immigrants living and working in Germany for a while.

The key point of the law was the birthright citizenship, i.e. the citizenship based on birth within the territory of the state. According to the new law, all children to foreign parents born in Germany after 1 January 2000 obtain German citizenship by birth, if one of the parents has a legal status in Germany

¹ <http://www.bpb.de/nachschlagen/zahlendeutschland/61643/aussiedle>

² <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integracijamigrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda>

for at least eight years and has a settlement-permit. Thus, all children born in Germany to foreigners obtain possibility of equal rights and participation in the German society.

If before the new law for getting a right of naturalization foreigners needed to live in Germany at least fifteen years, after the law the time of legal residence was reduced until eight years.

The next main step in reformation of the German migration policy was the new law on immigration in 2004. The new law ensures help of the state for newcomer immigrants to foster their integration into the German society. This help consisted mainly of organization of the integration courses such as German learning courses (600 hours) and orientation courses including lectures on German history, culture, politics, and law. In order to obtain a settlement-permit, passing exams and obtaining the following certificate were required. In addition, for persons successfully completed the integration courses the time of legal residence to obtain the citizenship may reduced from eight to seven years [Skornyakov, 2009]. The regulation of integration dominates in the immigration policy in Germany; especially the language policy became the main issue.

The German government provided 17.5 million euro for programs on German language learning and 31.5 million euros for other integration projects on the local authority's level. Nevertheless, the problem with the integration of immigrants into the labour market was untouched [Karachurina, 2007].

The National Plan on Integration

The “National Integration Plan” (Nationaler Integrationsplan) was presented by Chancellor Angela Merkel in 2007 at the second German summit on the topic of integration with the participation of the representatives of migrant and social organizations. The plan was implemented on federal, states and local authorities' level. On the federal level, it was focused on the language courses and integration programs, education and job trainings, promotion of cultural integration. The special attention was paid to integration of immigrants in sports and through sports (special offers for children from immigrant families), sporting events and to participation of the local media in the integration processes (TV shows, publications in periodicals on German language learning, basic rights and etc., Web pages with the job vacancies for immigrants and etc.). According to the new plan, the local authorities should help in realization of integration issues provided by federal authorities, propose initiatives to prevent and combat xenophobia, and support several legal forms of employment of people with an immigration background.

To foster integration process of 15 million migrants and people with a migrant background the National integration plan includes more than 400 measures and voluntary commitments relating to integration which has adopted by federal government, local authorities, associations of migrants and numerous other non-government organizations. The federal government committed 750 million euro

each year for promoting integration programs, including integration courses, improvement labour market outcomes for immigrants, actions on increasing the share of individuals with a migration background in the administration, schools and etc. The business structures have the responsibility to ensure 10.000 new work positions and provide professional trainings. The migrant organizations should provide activities on women's rights and make educational opportunities for immigrant youth.¹

Though federal government and several social organizations prepared the national plan on integration; experts from science, media, culture, economy criticized its realization, and politics since many problems on integration remain unsolved. The main open problem is the integration in the labour market of individuals with a migration background (more than 19% of population according to the population census of Germany). The unemployment rate among immigrants in average was twice the national average, settling at 20% in 2007.

Another open issue was receiving secondary and higher education. Only 30% of immigrants applying to colleges and universities have been enrolled. The German researches explain this by the very low level of education among children from immigrant families. About 17% of immigrant's children do not receive the secondary school diploma after graduation [Buergin, 2010].

Even for the highly qualified employees from families with a migration background finding a job can be a complicated. The employment rate of persons with a migration background graduated high school is much lower than the employment rate for Germans with higher education. According to the German experts, this happens because of absence of necessary social relationships for getting a job among immigrants and because of discrimination [Buergin, 2010].

Conclusions

Unfortunately, a large number of problems related to the integration of immigrants into the German society, which were regulated by the National Integration Plan, remained untouched. Though the National Integration Plan claims that the integration is a dynamic two-way process, in fact, the German integration policy is oriented to immigrants and the necessary work with local people is not provided systematically. As a result, there is still the anti-immigration attitudes in German society. From our point of view, exactly this fact influences to the low efficiency of the German integration policy.² This is also indicated by the results of different researches according to which, for instance, the difficult access of the immigrants to the labour market (discrimination and

¹ <http://www.dw.de/в-германии-представлен-национальный-план-интеграции-иммигрантов/a-2680456>

² See for details <http://www.mipex.eu/germany>

etc.). In addition, the researches demonstrates that the language policy has some disadvantages, namely the high German language skills requirement leads to the problem for obtaining citizenship and for family reunification for spouses.

In Russia, the integration policy is only now beginning to consider as a part of migration policy. Therefore, for our country studying the negative and the positive experiences, especially the experience of Germany, which has the same migration processes, is crucial.

References

1. *Karachurina L.B.* (2007) Geographical location and social adaptation of migrants of modern Germany: possibilities for Russia // Demoscope Weekly, № 303–304 [in Russ.].
2. *Skornyakov I. A.* (2009) The evolution of legislation in the sphere of repatriation, immigration and integration processes regulation in GRG // Vestnik of the Tomsk State University № 327 [in Russ.].
3. Federal Ministry of the Interior. (2011) Migration and Integration Residence law and policy on migration and integration in Germany.
4. *Buergin A.* (2010) The National Integration Plan: A Paradigm Shift in the Integration Policy of Germany? // International Study Association Annual Conference 2010. New Orleans.

BOOK REVIEWS

***Reinhard Schunck. Transnational Activities
and Immigrant Integration in Germany –
Concurrent or Competitive Processes?*
Springer International Publishing Switzerland, 2014, 303 p.**

The Springer International Publishing Switzerland, which is issuing a book series “International Perspectives on Migration”, has recently published a book of Reinhard Schunck, PhD in Sociology in the University of Bielefeld, Germany, dealing with an extremely topical issue of integration of migrants. The title of the book is deliberately pointed at opposition between integration of migrants and their transnational activities, i.e. trips and other contacts with motherland. Given a very acute question of how to find the most effective model of integration of migrants whose number is steadily growing, such title is likely to give at least a bit of an answer to this question.

The author argues that integration of migrants is usually analyzed in the paradigm of interaction between migrants and receiving society and factors that encourage or impede such interaction. Schunck offers to investigate the aspect, which has not attracted attention of researchers yet: transnational activities of migrants in the context of their integration in a country of destination, namely Germany. In other words, the question is, do active contacts of migrants with their country of origin counteract their integration in a receiving country? In addition, vice versa, does successful integration in a receiving society encourage migrants to continue active transnational activities.

The way the questions are stated absolutely corresponds to the globalizing reality of the contemporary world. In contrast, to previous historical periods, nowadays migration is not a unidirectional process, in which immigrants uproot themselves and leave their home country behind (p. 48). Now a migrant has opportunities in terms of communications, information, transportation, qualifications to support active contacts with a homeland and travel regularly (or from time to time) between the two countries. The author describes three major fields of transnational activities of migrants: (1) *economic* (border-crossing entrepreneurial activities, conducting trade with country of origin, transfer of money or goods to country of origin (remittances), investment in real-estate in country of origin); (2) *political* (participation in voting, membership in political organization in country of origin or related to country of origin, participating in politics related to country of origin); (3) *socio-cultural* (frequent visits to friends

or family in country of origin, membership of social organization in country of origin) (p. 49).

Poor data on the scale of migrants' involvement in transnational activities are a serious limiting factor for the claimed analysis. Even in Europe where the level of migration and economic data collection is good and sociological surveys in the field of migration are numerous, estimation of regularity and content of migrants' contacts with a country of origin is an uneasy task. The author of the book makes his own estimates of the scale of engagement of migrants residing in Germany in transnational activities and finds out that migrants of both the first and the second generations are rather active in visiting their homeland (or homeland of their parents). As to migrant's remittances, there is a difference between migrants of the first generation who tend to make regular money transfers to their relatives who stay in a country of origin, and migrants of the second generation for whom this channel of contacting their homeland tails.

To conduct his research, Reinhard Schunck constructs a theoretical model designed to describe the extent of transnational involvement among the immigrant population in Germany, proposes a theoretical model that relates transnational involvement to immigrant integration and then delivers an empirical test of this model.

For these purposes, the author classifies integration of migrants into four interconnected processes and four corresponding dimensions of integration: (1) process of cultural assimilation → cultural dimension of integration (knowledge, skills, lifestyle); (2) process of positioning → structural dimension of integration (rights, education, income); (3) process of interaction → social dimension of integration (friendships, family, marriage); (4) process of identification → emotional dimension of integration (identity, solidarity, values). This classification makes the background for further analysis of the impact of transnational activities of migrants on each of these dimensions separately (Chapter 8).

When constructing his theoretical model, the author analyzes transnational activities of immigrants in the light of such factors of integration as knowledge of German language, participation in labour market, intention to stay in Germany for permanent residence. In the course of empirical test of the hypothesis that dynamic transnational activities counteracts integration, Schunck arrives to a conclusion that against expectations for first generation migrants there is no correlation between two processes. Frequent trips to country of origin do not hinder the intention to integrate to the receiving society. As to second-generation migrants, trips to their parents' homeland seem to reduce stimuli for further integration in a country of residence. R. Schunck does not comment this correlation, which seems a paradox *ex facto*. However, he warns that the results of his analysis is to be taken as preliminary because they are based on insufficient empirical data.

The general conclusion of the author is: for migrants of both first and second generation's engagement in transnational activities, which means supporting ties

with country of origin, and integration in receiving society are not competitive processes. At the same time, successful integration in a country of destination is followed by reducing transnational activities (trips to homeland become rarer) that is a predictable conclusion from the perspective of socio-psychology.

The author's call to study integration of migrants and their transnational activities together but not separately is true. The search of methodology of their interconnection, which the author demonstrates in this book, is an undoubtedly useful example for other researchers. However, despite the sharp question about interaction between integration of migrants and their transnational activities declared in the title of the book, the answer looks rather toneless. Maybe the reason is that the authors does not take into consideration many factors, which are meaningful for definite pairs of countries but get "lost" when the totality of immigrants is analyzed (for example, if a country of origin is not distanced from Germany in terms of culture and religion, the impact of transnational activities on integration can be not fixed, while in another case, when a country of origin is strongly distanced from Germany in terms of culture and religion, frequent "diving" of a migrant into his native comfortable environment may play a noticeable role in impeding his integration in a receiving society).

Nevertheless, the book by R. Schunck is definitely valuable from the perspective of research methodology elaboration, construction of hypotheses, and choice of variables for integration model. It is also interesting in its review of literature on integration of migrants – from the Chicago School to nowadays integration concepts (Chapter 2) as well as existing concepts of transnationalism (Chapter 3). Therefore, it can be encouraging for scholars who are just starting their research in the field of integration of migrants and formation of the contemporary society where migrants play the ever-growing role.

Irina Ivakhnyuk

NOTES ABOUT THE AUTHORS

Irina Ivakhnyuk – Dr. (Population Economics), Professor, Deputy-Director of the Department of Population at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Irina Molodikova – Research Fellow, CEU Department of Environmental Sciences and Policy at the Central European University (Budapest, Hungary)

Tatyana Yudina – Dr. (Sociology), Professor, Head of the Social Sphere Sociology Department at the Russian State Social University (Moscow, Russia)

Urnisa Gahramanova – MA, Graduate of the Department of Population at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

INFORMATION ABOUT THE SERIES

The book series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World” was founded in 1998 in view of the fact that there was not a single scientific periodical in Russia dealing with international migration of population. Due to this reason, the Department of Population at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University made a decision to establish a book series aiming to raise both theoretical and applied aspects of contemporary trends of international migration of population as well as its determinants and consequences.

The Editor-in-Chief is Professor Vladimir Iontsev, the Head of the Department of Population at the Faculty of Economics. The Executive Secretary of the series is Irina Ivakhnyuk, Senior Researcher at the Department of Population.

The volumes of the series are published biannually. They can be either edited volumes or monographs. The series is in fact an active discussion on various dimensions of international migration in the world and in Russia in particular.

The **first volume** (1998) mainly consists of the papers of Russian scholars presented at the IUSSP General Population Conference at Beijing, China in October 1997. (Detailed information about the Conference is also presented.) These are the articles by Vladimir Iontsev and Andrey Kamensky *Russia and the International Migration of Population* dealing with the entrance of Russia into the international community by means of migration and the allied problems – both for Russia and the world; and the article by Andrey Ostrovsky *Labor Migration from China to Russia's Far East: Possibilities of Immigration Today and in Future* concerning the turn of labor migration into permanent immigration in the certain region.

The other articles of the first volume are devoted to a very topical for Russia aspect of international migration – ‘brain drain’: Igor Ushkalov – *Intellectual Emigration from Russia: the Factors, Scale, Consequences, Ways of Regulation*», Irina Malakha – *“Brain Drain” in the Central and Eastern Europe*». Besides, the issue included the digest of the well-known book by Julian L. Simon – *«Economic Consequences of Immigration»* (N.Y.: Blackwell, 1989). Reviews of noticeable publications of Russian and foreign specialists on international migration are an integral part of every issue of the series. Another important section of every volume is “Young Scholars’ Viewpoints” where students and post-graduate students from the MSU and other universities are granted an opportunity to publish the results of their research in international migration.

The **second volume** (1999) includes articles on a broad variety of themes related to international migration in Russia and in the world: Vladimir Iontsev, Aminat Magomedova (Russia) — *Migration between Russia and other Former Soviet states (Historical Review)*; Irina Ivakhnyuk (Russia) — *The Experience of State Regulation of Labor Force Emigration (Case of Turkey)*; Andrey Kamensky (Russia) — *Labor Force Export and the Impact of Migrant Workers' Remittances on Balance of Payment of a Sending Country*; Igor Ushkalov (Russia) — *Emigration and Immigration: the Russian Phenomenon*. Apart from the Russian scientists' articles the volume also includes contribution of Prof. Janez Malačič, (the University of Ljubljana, Slovenia) — «*Labor Market and International Migration Situation in Central European Transitional Economies*». Starting from the second volume it has become a good tradition of the series to invite foreign colleagues to contribute because their papers can be hardly available in Russian.

The **third volume** (1999) presents the monograph of Vladimir Iontsev «*International Migration of Population: Theory and History of Studying*» dealing with the classification of main scientific approaches for the studying of migration. The analysis of principal concepts in the field of international migration that exist presently both in Russia and the world demographic science are presented. There is also a detailed analysis of international migration affecting Russia since the eighteenth century up to the present day, as well as a projection of possible future migration trends. The work includes a glossary of terms used in Russian-language demographic studies on migration. It is worth mentioning that this monograph contains a numerous bibliography of publications on international migration of population (1200 titles).

The **forth volume** (2000) presents a number of articles depicting both global trends in international migration of population and specific migration flows to and from Russia. The article by Sema Erder (The Marmara University, Turkey) — *New Trends in International Migration and the Case of Turkey* presents the author's view on migration picture of contemporary Europe and the changing place of Turkey within this picture. The appearance of new migration space in the Eastern Europe has encouraged new migration flows in the region. That is the subject of two other articles — by Irina Ivakhnyuk — *International Labor Migration between Russia and Turkey* and by Evgeny Krasinets and Elena Tiuriukanova — *From-Russia-to-Italy Migration as a Model of Ethnically Neutral Economic Migration*. Ethnic aspect of international migration is presented by the article of Israeli demographer Mark Tolts (the Hebrew University of Jerusalem) — *Migration of Russian Jews in the 1990's*. Among the book reviews presented in the forth volume one is worth to be stressed. That is the digest of the last publication of Igor Ushkalov — *“Brain Drain”: Scale, Reasons, Consequences* (Moscow, 1999) which has gained special emphasis because of the untimely decease of the author in November 1999. Igor Ushkalov was undoubtedly among the best experts on international intellectual migration.

The **fifth volume** (2000) has one common theme that penetrates all the articles — the impact of international migration on demographic development.

The situation in three former Soviet Union states — Russia, Ukraine and Armenia — is presented in the articles of scholars from the corresponding countries: Vladimir Iontsev (Russia) — *International Migration of Population and Demographic Development in Russia*; Alexander Khomra (Ukraine) — *International Migration and Demographic Development of Ukraine*; Ruben Yeganian (Armenia) — *Demographic Realities and Perspectives of Armenia on the Eve of the 21st century*. The article by Mikhail Denissenko (Russia) — *Replacement Migration* analyzes the UN Report on Replacement Migration in which the author had taken part. The article tries to answer the question if the replacement migration could be a solution to declining and ageing populations. Besides, the paper by Michel Poulain (Belgium) — *The Comparison of the Sources of Measurement of International Migration in the Central European Countries* — is a valuable contribution for promoting some common methodology in international migration studies.

The **sixth volume** (2001) is fully devoted to forced migration taking this chance to celebrate the 50th anniversary of the activities of the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). The Regional Office of UNHCR in Moscow has supported this publication. Naturally, all the articles of the sixth volume deal with forced migration: Vladimir Mukomel (Russia) — *Forced Migration in the Context of Migration Processes and Migration Policy in the CIS: Stages of Development*; Marek Okolski (Poland) — *Migration Pressures on Europe*; Sergei Ryazantsev (Russia) — «*Forced Migration in Europe: Current Tendencies and Problems of Regulation*»; Philippe Wanner (Switzerland) — *Asylum-Seekers in Switzerland: Principal Socio-Demographic Aspects*; Marina Kunitsa (Russia) — *Forced Migration of Population in Regional Development: Specific Problems in the Bryansk Region, Russia*; Svetlana Gannushkina (Russia) — *Russia's Migration Legislation and Policy*; Yakhya Nisanov (Russia) — *Totalitarian Traditions and Business in Russia: Law's Clashes Force to Migrate*.

The **seventh volume** (2002) is breaking up the chronology of the series because it is timed to coincide with the jubilee of the Center for Population Studies at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, which includes the Department of Population as well. This volume is different from the others as it is presented by the annotated bibliography of publications on migration at the Center. It is titled *Migration of Population: 35 years of Research at the Center for Population Studies of the Lomonosov Moscow State University (1967–2002)*. (The author is Irina Ivakhnyuk). This bibliography represents the scale and traditions of migration studies, which have formed the theoretical background for developing the modern approach to investigation of the contemporary stage of Russia's migration history.

The **eighth volume** (2001) deals with the problems of international migration statistics and registration, which have national peculiarities in every country, and this fact seriously impedes the comparative analysis of the world migration flows. The article by Olga Tchoudinovskikh — *Present State and Perspectives of Current Migration Registration in Russia* analyzes the shortages of the Russian system of

migrants' primary registration that perform as an obstacle for reliable migration estimates and studies. The article by Mikhail Denissenko — *Emigration from Russia According to Foreign States' Statistical Data* represents foreign states' immigration statistics as an alternative and more exact source of estimation of emigration flows from Russia. A short contribution of George Tapinos — *International Migration of Population as the Factor of Economic Development* contains valuable comments, very topical for contemporary migration situation in Russia and other former Soviet states. The article by Alexander Slouka *International Migration of Population and Demographic Development of the Western Europe* continues the theme, which is meaningful for the editors — about the role of international migration in demographic development — started in the third and the fifth volumes.

The theme of the **ninth volume** (2002) is highly topical for Russia and the neighboring countries as well as for many other regions of the world — illegal immigration. The contributors to the volume are researchers and practical workers from Russia and other former Soviet Union states: Galina Vitkovskaya — *Irregular Migration in Russia: Situation and Policy of Counteraction*; Eugeny Krasinets — *Irregular Migration and Latent Employment in the Border Territories of the Russian Federation*; Elena Sadovskaya — *Prevention of Irregular Migration in Kazakhstan*; Lyudmila Shakhotko — *Illegal Migration: Factors of Growth and Methods of Solution*; Tatyana Kutsenko — *Illegal Migration and Irregular Employment of Foreign Citizens and Apatrids in the Russian Federation*. Geopolitical position of the former USSR states and transparent borders between them have turned this vast territory into the corridor for transit migrants from Asia heading to Europe. All the authors stress on indissoluble relation between illegal immigration and irregular employment and on the importance of government control over illegal hiring of foreign labor force in the context of struggle against irregular international migration.

The **tenth, jubilee volume** (2002) is a collection of articles by distinguished experts in international migration from many countries. The papers deal both with theoretical issues of migration studies and migration overviews for certain countries and regions. The article of Douglas Massey (USA) — *A Synthetic Theory of International Migration* is in fact an attempt to summarize existing migration concepts into a universal, general theory. Dirk van de Kaa (the Netherlands) in the article *On International Migration and the second Demographic Transition* emphasizes the role of migration in the analysis of demographic development and makes a serious theoretical step towards better understanding of the classical demographic transition theory. Different, but equally interesting views on contemporary skilled migration are presented in the papers of Reginald Appleyard (Australia) — *Skilled Migration in the Globalized World* and Irina Malakha (Russia) — *On 'brain drain' in Russia during the second half of the 1990's*. A new theoretical approach to understanding of the latest trends in international migration flows is presented by Mary Kritz (USA) in her paper *International Migration to Multiple Destinations* where she argues that not only

developing countries but also developed ones are to be considered as both labor force importers and exporters. The contribution of *Marek Okolski* (Poland) — *The Incoming Civilizations, the Outgoing Civilizations on the Turn of the 20th Century. Reflection from the Perspective of Demography* is especially engaging by depicting the role of demographic processes, and migration in particular, in evolution of human civilizations, e.g. in the forthcoming replacement of the present European civilization (if current demographic trends in Europe last) by Asian civilization. The replacement is already taking place as a result of Chinese immigration. This theme is developed and detailed in the paper of *Vilia Gelbras* (Russia) — *Chinese Migration and Chinese Ethnic Communities in Russia*. Shifts in international migration trends in the Eastern Europe and former Soviet space are the focus of a number of articles: *Janez Malacic* (Slovenia) — *International Migration Trends in Central and Eastern Europe during the 1990's and the Beginning of the 21st Century*; *Mark Tolts* (Israel) — *Statistical Analysis of Aliyah and Jewish Emigration from Russia*; *Andrey Kamenskiy* (Russia) — *Contemporary Russia in International Labor Migration*; *Vladimir Iontsev, Irina Ivakhnyuk* (Russia) — *Russia in the World Migration Flows: Trends of the Last Decade (1992–2001)*.

The **eleventh volume** (2003) is entitled “Migration and National Security”. It reflects an active discussion on security dimensions of international migration in the Russian society, in both academic circles and government, and in media as well. The article of *Leonid Rybakovskiy* — *Demographic Security: Geopolitical Aspects and Migration* is analyzing the role of international migration and reasonable migration management in counteracting demographic crisis in Russia that is by itself a threat to national security and sovereignty of the country. The same issue but from the perspective of foreign researchers is examined in the contribution of *Graeme P. Herd and Rosaria Puglisi* (UK) — *National Security and Migration Policy in Putin's Russia: a Foreign Perspective*. The analysis of the role of migration in counteracting depopulation trends is topical both for Russia (article of *Dalkhat Ediev* — *International Migration as a Way to Overcome Depopulation Trends in Russia*) and Ukraine (article of *Alexander Khomra* — *Migration of Population in Ukraine in 1989–2001: Input to Population Dynamics and Ethnic Structure*). Paper of *Irina Ivakhnyuk and Ramazan Daurov* — *Irregular Migration and Security in Russia: Threats, Challenges, Risks* is focused on “multilayer” nature of the problem; the authors mention political, economic, criminal, and social aspects. Economic and ethnocultural aspects of security are detailed in the paper of *Svetlana Soboleva and Olga Tchudaeva* — *Foreign Migrants in the Russian Labour Market* based on the results of the survey of migration in the eastern regions of Russia.

The **twelfth volume** (2004) is dedicated to the 10th anniversary of the UN International Conference on Population and Development (Cairo, 1994) and preliminary results of the 20-year Programme of Actions admitted at this Conference, in the field of international migration. This volume was timed to the Russian National Population Forum “Present and Future of Population

in Russia” held in Moscow on 3–4 November 2004. The paper of *Vladimir Iontsev and Andrey Kamenskiy* (Russia) — *International Migration of Population: Lessons of the Cairo Conference* is based not only on the analysis of the ICDP Programme of Actions but also on personal experiences of the authors who were the participants of the ICDP. *David Coleman* (UK) in his paper “*Europe at the Cross-roads: Must Europe’s Population and Workforce Depend on New Immigration?*” questions the possibility to achieve certain objectives framed by the ICPD in the field of migration, and besides, he touches upon long-run effects of numerous migration to Europe. The article of *Irina Pribytkova* (Ukraine) — *Modern Migration Studies: in Search for New Theories and Concepts* is an attempt to summarize theoretical approaches and methodological principles in migration studies, with special emphasis on inter-disciplinary research. The paper of *Sergey Ryazantsev* (Russia) — *Forced Migration in Russia: Ten Years Since Cairo* deals with the most topical for Russia international migration issue in the 1990s. Articles by *Liudmila Ponkratova* (Russia) — *International Migration of Population in the Far East of Russia: Transformation of Flows and Prevailing Trends* and *Svetlana Gribova* (Russia) — *Migration as the Element of the Integration Mechanism of Russia’s Far East Region into the Chinese Economy* analyze important for Russia issue of Chinese labour migration. The paper of *Elena Tiuriukanova* (Russia) — *Labour Migrations in the CIS and New Practices of Labour Exploitation* based on sociological surveys results, deals with a painful issue of migrants’ human rights protection that is specially emphasized in the ICPD Programme of Actions.

The **thirteenth volume** (2005) “International Migration from the Perspective of Young Scholars” is fully made up of contributions by Master students, Ph.D. students and young research workers from Russia and other CIS states specializing in international migration studies.

The **fourteenth volume** (2005) represents the papers presented at two workshops organized by the Council of Europe in collaboration with the Department of Population of the Lomonosov Moscow State University: “Economic Migration in Russia – Legal Protection of Migrant Workers’ (Moscow, December 2003) and “Prospects of Labour Migration in Russia and Its Regions: Migrants’ Rights in the Context of Economic and Demographic Development’ (Saint Petersburg, July 2004). Over 20 papers analyze most topical issues of labour migration in Russia from the perspective of migration officials and experts, and from political, legal, economic, social, regional and ethnical points of view. Contributions by experts from European countries experienced in international labour migration management discuss the best possible ways for Russia to cope with increasing labour inflow, in particular by signing the European Convention on Legal Status of Migrant Workers (1977).

The **fifteenth volume** (2005) is a collection of papers submitted to the Session on international migration trends at the XXV IUSSP Conference, 18-23 July 2005, Tours, France. The papers reflect most typical contemporary international migration trends, including globalization of migration flows, growing role of

international migration in demographic development of receiving countries, qualitative shifts in the global migration flows, the increasing role of labour migration, expansion of irregular migration, feminization of migration flows, and dual role of migration policies.

The **sixteenth volume** (2006) is the Russian version of the fifteenth volume.

The **seventeenth volume** (2006) presents the monograph of Aminat Magomedova «*Economic and Demographic Aspects of External Migration in Russia*». The impact of international migration on economic and demographic development in Russia is regarded both from the historical perspective and from the viewpoint of modern migration concepts.

The **eighteenth volume** (2006) includes papers by Russian and overseas researchers dealing with theoretical and applied issues of interrelations between migration processes, on the one hand, and economic and political challenges, on the other hand.

The **nineteenth volume** (2007) is an annotated bibliography of publications on migration of professors and researchers of the Center for Population Studies of the Lomonosov Moscow State University in 1967–2007. The bibliography gives the idea of the scale and traditions of migration studies that have grounded the contemporary approach to conceptualizing migration in the new stage of migration history of Russia. The author is Irina Ivakhnyuk.

The **twentieth, jubilee volume** (2007) is timed to the international conference ‘Migration and Development’ (the Fifth Valenteevskiye Chteniya) that was organized in Moscow on 13–15 September 2007 by the Center for Population Studies of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University. The title of the 20th volume coincide with that of the conference — ‘Migration and Development’. It is dedicated to the 10th anniversary of the scientific series and includes papers of session chairs, some key speakers, and distinguished migration researchers. The paper by *Jean-Claude Chesnais* (France)- — *La Migration, le Lever de Development* proves that migration that migration not only affects different facets of social development but, moreover, can be an instrument to make positive shifts in this development. The same idea runs through the paper of *Ronald Skeldon* (United Kingdom) — *Social and economic dimensions of migration: discussions of migration and development*. The academic debate on international migration trends is also reflected in the article of *Douglas S. Massey* (United States of America)-*Toward a Comprehensive Model of International Migration* where the author persistently grounds his idea for comprehensive synthetic migration theory. *Paul Demeny* (USA) in his paper entitled “*Globalization and international migration: conflicting prospects*” comes to the conclusion that appears paradoxical at the first sight: maybe it is reasonable to turn down the attempts to manage migration since the previous experience proves their failure. The same ‘internal contradictoriness’ of contemporary migration the readers will find in the paper of *David Coleman* (United Kingdom) — *Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries — a third demographic transition in progress?* where he warns about replacement of European civilization by another

one, most likely Asian civilization in case the current demographic trends stay stable. As to Coleman, in order to avoid this scenario, it is necessary to impede or reject immigration. The role of international migration in the current and future development of the post-Soviet area is analyzed in the papers by *Irina Ivakhnyuk* (Russia) – *Eurasian Migration System: theoretical and political approaches*; *Elena Sadovskaya* (Kazakhstan) – *International Labor Migration, Remittances and Development in Central Asia: towards regionalization or globalization?* and *Irina Pribytkova* (Ukraine) – *Migration and Demographic Development of Ukraine*. The volume also includes theoretical papers of Russian scholars: *Leonid Rybakovsky* (Russia) – *Mechanisms of Migration Flows Formation* and by *Vladimir Iontsev* and *Ivan Aleshkovski* (Russia) – *International Migration and Globalization of World Economy*. Other papers in this book are not less interesting. They present authors' concepts on the role of international migration in the demographic and economic development of the world and its regions, on the role of migration in integration processes at the regional level, on prospects of immigration policy, etc.

The twenty-first volume (2008) is presented by an analytical report on the UNDP Project on 'Migrants and HIV/AIDS in Russia: Problems and Solutions (express-analysis in the field of international labour migration and HIV/AIDS in the Russian Federation)' that was conducted by a group of researchers of the Department of Population of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University *Vladimir Iontsev, Irina Ivakhnyuk, and Ivan Aleshkovski*. This is in fact the first attempt to analyze interrelationships between migration of population and health and mortality, including mortality caused by HIV/AIDS.

The twenty-second volume (2009) entitled 'The Russian Migration Policy and Its Impact on Human Development: the Historical Perspective' is the original English text of the research paper made by *Irina Ivakhnyuk* for the Global Report on Human Development 2009 and its translation into Russian. The paper deals with the impact that the Russian migration policy focused on the country's economic and political interests, has on the human development of the whole of the post-Soviet area.

The twenty-third volume (2010) 'Determinants of the Contemporary International Migration and Improvements of the Russian Migration Policy' includes papers by Russian experts in international migration, namely *Vladimir Iontsev, Vladimir Mukomel, Irina Ivakhnyuk, Andrey Kamensky, Ivan Aleshkovsky, Olga Tchoudinovskikh, Eugeny Krasinets* and others, who express their opinion on the ways to improve the Russian migration policy.

The twenty-fourth volume (2011) "International Migration of Population: Challenges of Globalization" deals with mutual influence of globalization and international migration. Demographic dimension of this inter-influence is analyzed in papers by *Vladimir Iontsev and Julia Prokhorova* – *Global perspectives of international migration and nuptality. Is the fourth demographic transition possible?* and by *Marina Lifshits* – *Migration in the global world: economical and*

demographic roles and prospects for Russia. Economic aspects of globalization and its effects on labour migration governance are discussed in papers by *Irina Ivakhnyuk – Management of labour migration in the globalizing economy: in search for new approaches* and by *Patrick Taran – International Labour Organization: an answer to globalization challenges is a right-based policy*. The place and role of Russia in the global migration flows is the focus of papers by *Ivan Aleshkovski, Radjab Abdulatipov, Ashura Alieva* and *Aminat Magomedova*.

The twenty-fifth volume (2011) “International Migration of Population in the Post-Soviet Territory: Two Decades of Successes, Mistakes and Expectancies” summarizes the results and effects of international migration processes in the post-Soviet countries. The book includes papers dealing with migration trends in the majority of the former USSR states written by national experts: *Irina Ivakhnyuk – Russia; Liudmila Shakhotska – Belarus; Irina Pribytkova – Ukraine; Valeriu Mosneaga – Moldova; Zemfira Rahimova and Mahira Mammadova – Azerbaijan; Ruben Yeganian – Armenia; Mirian Tukhashvili – Georgia; Elena Sadvovskaya – Kazakhstan; Gennady Kumskov – Kyrgyzstan; Rahmon Ulmasov – Tajikistan; Lyudmila Maksakova – Uzbekistan; Peteris Zvidrins and Ivars Indans – Latvia*. The papers are focused on the shifts in migration trends during the recent twenty years, the vectors of migration flows, the role of international migration for development of these states, and the evolution of the national migration policies.

The 25th volume was timed to the international workshop “International Migration of Population in the Post-Soviet Area: Trends, Effects and Prospects” held on 2–3 December 2011 in the Lomonosov Moscow State University. The articles of the book are the enlarged versions of the papers presented at the seminar.

The twenty-sixth volume (2012) “*International Migration of Population in the Post-Soviet Territory in the Epoch of Globalization*” continues the subject of the 25th volume, which is connected with the results of the two decades of migrations in the post-Soviet countries. It is no accident that the book starts with the recommendations and proposals developed during the international workshop “International Migration of Population in the Post-Soviet Area: Trends, Effects and Prospects” held on 2–3 December 2011. However, in contrast to the 25th volume, in this edition the post-Soviet migrations are discussed in the context of globalization. The paper by *Richard Bilsborrow and Mariam Lomaia* “International migration and remittances in developing countries: using household surveys to improve data collection in the CIS states and Eastern Europe” deals with the lacks in migration statistics and calls for harmonization of national migration data collection systems for objective knowledge and comparative studies. The paper by *Mikhail Klupt* “New migrant communities in Russia: what does statistics reveal?” also deals with a quality of statistical data on migration. The paper by *Natalya Vlasova and Anatoly Topilin* analyzes the role of migration for integration of the CIS states (in Russian only). Integration of migrants from Central Asian states

in Moscow is a core of the paper of the Russian expert *Sergey Ryazantsev* and the Professor of the University of Toyama (Japan) *Norio Horie*. The paper by *Stanislav Stepakov*, Consultant of the Ministry of Labour of the Russian Federation, deals with labour migration to Russia from the post-Soviet states.

The twenty-seventh volume (2013) “The Effects of Migration on Areas of Destination” is a collection of papers submitted to the session of the same title at the XXVII IUSSP International Population Conference (26-31 August 2013, South Korea, Busan). The papers are published in the languages (English or French) in which they were submitted by the authors, without translation into Russian.

The twenty-eighth volume (2014) “International Migration of Population and Demographic Development” deals with an exceptionally topical issue, first of all for more developed countries facing demographic crisis – the role of international migration in demographic development, to be more exact, if migrants inflow able to eliminate demographic decline and if the growth of migrants’ stock can result in replacement of indigenous populations by newcomers. The articles of this volume analyze the role of international migration in demographic development in the context of the demographic transition theory, the impact of migration on reproduction of population, the role of mixed families (where one of the spouses is a migrant), and the impact of temporary labour migration on demographic development. The articles by *Paul Demeny* (USA) – *Geopolitical aspects of population in the XXI century* and by *David Coleman* (UK) – *Migrants and migration in Europe in the XXI century – trends, policies and the future* emphasize the growing role of migration in reproduction regime in more developed countries. The papers by *Vladimir Iontsev and Julia Prokhorova* (Russia) – *International migration of population and nuptality in the light of the concept of the forth demographic transition* and by *Giampaolo Lanzieri* (Italy) – *Two projections by foreign/national background for twenty-seven European countries* seek for a solution of how to reduce risks of national identity blurring related to inflow of ethnically distanced immigrants. Methodology of qualitative estimates of the influence of migration on demographic processes can be found in the paper by *Dalkhat Ediev, David Coleman and Sergei Scherbov* (The Vienna Institute of Demography) – *New measures of population reproduction for an era of high migration*.

* * *

The scientific series ‘International Migration of Population: Russia and Contemporary World’ is open for both distinguished experts and young researchers engaged in international migration studies. To get detailed information on contribution terms or to send your papers including electronic version, please contact the Editorial Board.

For more detailed information about the scientific series «International Migration of Population: Russia and the Contemporary World» please contact the Editorial Board:

**119992, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University,
Leninskiye Gory, Building 46,
Faculty of Economics,
Department of Population, room 462
Tel: +7 (495) 939 29 28; Fax: +7 (495) 939 08 77.
E-mail: iontsev@econ.msu.ru; ivakhnyuk@econ.msu.ru.**

Научное электронное издание

**ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ:
ВОЗМОЖНА ЛИ ОНА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ?**

Научная серия
«Международная миграция населения:
Россия и современный мир»

Выпуск 29

ISBN 978-5-906783-17-2

9 785906 783172